

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

ПРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вестник

ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Серия

*История
и политические
науки*

Тема номера:

80-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА:
ФАКТОРЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

2025 / №1

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2025 / № 1

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. — Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. — Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. — Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. — Domestic history (historical sciences); 5.6.2. — Global history (historical sciences); 5.6.5. — Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. — International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2025 / № 1

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. 184 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2025, no. 1. 184 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: 80-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА: ФАКТОРЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

<i>Багдасарян В. Э.</i> Системные факторы победы СССР в Великой Отечественной войне в исторической и актуальной повестке	7
<i>Шульц Э. Э.</i> 22 июня 1941 г.: силы противостоящих сторон	40
<i>Фукс А. Н., Ковригин В. В.</i> Героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны на страницах школьных учебников	51

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Володихин Д. М.</i> «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» 1571 г.: источниковедческие проблемы	58
<i>Лушников А. М. Р. М.</i> Орженцкий – профессор Демидовского юридического лица	66
<i>Кременецкий К. В., Банникова Н. В.</i> Изобретение фальшивых новостей. Высылка корреспондента «Таймс» из России в 1903 г.	76
<i>Зверев В. О.</i> Полицейские чины в борьбе со шпионажем: непрочитанные страницы истории Первой мировой войны	92
<i>Иванов В. А.</i> Агитация и пропаганда подпольщиков Крыма в годы Великой Отечественной войны	103
<i>Лескова И. В., Зязин С. Ю.</i> Идеи государственного единства в общественном дискурсе России в XX – начале XXI вв.	120

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ашрафьян К. Э.</i> Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 6: третий этап освоения Флориды (1525–1538 гг.)	127
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Соколов А. С.</i> Генеалогия Романовых как феномен эмигрантской историографии	147
<i>Манукян Г. В.</i> Понятия «гражданственность» и «патриотизм» в современном нормативно-правовом пространстве Российской Федерации: источниковедческая база	157

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Марышев П. Е.</i> Наследие Волжской Булгарии как ключевой элемент современной исторической политики в Республике Татарстан	165
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Багдасарян В. Э.</i> Рецензия на книгу: Спицын Е. Ю. Ложь и правда о советской экономике. Советская держава в 1945–1985 гг. М.: Концептуал, 2024. 816 с.	178
--	-----

CONTENT

THEME OF THE ISSUE: 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY. HOLY WAR: FACTORS OF THE GREAT VICTORY

<i>V. Baghdasaryan.</i> Systemic Factors of the USSR's Victory in the Great Patriotic War in the Historical and Current Agenda.	7
<i>E. Shults.</i> June 22, 1941: Forces of Opposing Sides.	40
<i>A. Fuks, V. Kovrigin.</i> The Heroism of the Soviet People During the Great Patriotic War on the Pages of School Textbooks.	51

DOMESTIC HISTORY

<i>D. Volodikhin.</i> «Boyar's Verdict on the Patrol and Guard Service», 1571: Problems of Source Studies.	59
<i>A. Lushnikov.</i> R. M. Orzhentsky – Professor of Demidov Law Lyceum.	66
<i>K. Kremenetski, N. Bannikova.</i> Fabrication of Fake News. Expulsion of the «Times» Own Correspondent from Russia in 1903.	76
<i>V. Zverev.</i> Police Officers in the Fight Against Espionage: Unread Pages of History First World War.	93
<i>V. Ivanov.</i> Agitation And Propaganda of the Underground Members of the Crimea During the Great Patriotic War.	103
<i>I. Leskova, S. Zyazin.</i> The Ideas of State Unity in the Public Discourse of Russia in the Twentieth and Early Twenty-First Centuries.	120

WORLD HISTORY

<i>K. Ashrafyan.</i> Chronology of the Discovery and Development of Florida in the XVI Century. Part 6. The 3 rd Stage of the Exploration of Florida (1525–1538).	127
---	-----

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

<i>A. Sokolov.</i> Romanov Genealogy as a Phenomenon of Emigrant Historiography.	147
<i>G. Manukyan.</i> The Concepts of “Citizenship” and “Patriotism” in the Modern Normative-Legal Space of the Russian Federation: Source Base.	157

POLITOLOGY

<i>P. Maryshev.</i> The Legacy of Volga Bulgaria as a Key Element of Modern Historical Policy in the Republic of Tatarstan.	166
--	-----

ACADEMIC LIFE

<i>V. Bagdasaryan.</i> Book Review: Spitsyn E. Y. Lies and Truth about the Soviet Economy. Soviet State in 1945–1985. M.: Conceptual, 2024. 816 p.	178
---	-----

Тема номера: 80-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА: ФАКТОРЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Год защитника Отечества не может быть осмыслен должным образом без осмысления истории войн, когда Россия нуждалась в защите от внешней агрессии. В Указе Президента от 16 января 2025 г. «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» содержится ссылка на две страницы российского исторического пути – Великую Отечественную войну и Специальную военную операцию. Очевидно, что между ними существует ценностно-смысловая преемственность. И эту преемственность в год защитника Отечества историки должны проследить через массивы исторических нарративов.

Новые подходы, связанные с позиционированием России как государства-цивилизации даёт для такого анализа соответствующие методологические основания. Великая Отечественная война вошла в народное сознание как война священная. Священная война ведётся за высшие ценности народа, само его существование. В войне священной ведут борьбу не просто противостоящие друг другу армии, а силы добра с силами зла, ангелы с бесами.

С начала Великой Отечественной войны была заявлена преемственность защиты Отечества подвигам дружинников Александра Невского, ратников Дмитрия Донского, ополченцев Минина и Пожарского, чудо-богатырей Суворова, бородинских героев Кутузова, красноармейцев Фрунзе. Такое же осмысление преемственности героики защиты Отечества необходимо провести и сегодня.

Важно сказать, что борьба героев СВО против украинских неонацистов преемственна борьбе советских воинов против германских нацистов и их сателлитов в годы Великой Отечественной войны.

Современный мир семимильными шагами движется в направлении военной эскалации. «Часы судного дня» (фиксация степени близости человечества к ядерной катастрофе) были установлены в начале 2025 г. на отметке 1 минута 29 секунд – самый близкий к мировой войне интервал за всю историю проекта с 1947 г. Реанимируется фашизм и нацизм, и Россия вновь оказывается на переднем крае противостояния им. Мировой империализм порождает новые войны, и аналогия с ситуацией 1939 г. очевидна.

На долю России и всего человечества, по-видимому, вновь выпадут суровые испытания. И к этим испытаниям надо быть готовым. Сильная Россия – лучший гарант преодоления этих трудностей. О том, как наилучшим образом противостоять внешним угрозам, даёт в определённой мере понимание история Великой Отечественной войны. Советский Союз победил тогда коллективную Европу, и соответственно, его победа имела факторные основания.

Изучение факторов Победы и составляет исследовательскую задачу предлагаемого вниманию читателя тематического выпуска журнала. Выявив факторы Победы 1945 г., их будет необходимо реактивировать, системно восстановить насколько это возможно в жизнеустройстве современной России.

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-7-39

СИСТЕМНЫЕ ФАКТОРЫ ПОБЕДЫ СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И АКТУАЛЬНОЙ ПОВЕСТКЕ

Багдасарян В. Э.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить важнейшие факторы победы СССР в Великой Отечественной войне как единой мобилизационной системы советской государственности предвоенного и военного времени.

Процедуры и методы. Ключевым методом проводимого исследования явился факторный анализ, осуществляемый на основе проблемной декомпозиции формирования в СССР системы единого государственного управления периода Великой Отечественной войны.

Результаты. Выявлены и охарактеризованы 13 важнейших системных факторов победы СССР в Великой Отечественной войне. Сформированная система переосмыслена как сочетание факторов, выражающих специфику советского государственного строя и российской цивилизационной модели. Сделан вывод об активации факторов победы под влиянием военных угроз с 1927 г. и деактивации в постсталинский и в постсоветский периоды.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при формировании стратегии повышения факторных потенциалов национальной безопасности России через реактивацию факторов победы СССР в Великой Отечественной войне. Полученные результаты могут быть востребованы в образовательной, воспитательной и просветительской работе, будучи актуализированы в контексте 80-летнего юбилея Победы.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Победа, факторы, система, военная тревога, героизм, идеология, управление, советский народ, Сталин

SYSTEMIC FACTORS OF THE USSR'S VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORICAL AND CURRENT AGENDA

V. Baghdasaryan*Federal State University of Education**ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify, based on factor analysis, the most important factors of the USSR's victory in the Great Patriotic War as a single mobilization system of the Soviet statehood of the pre-war and war-time.

Methodology. The key method of the study was factor analysis, carried out on the basis of the problematic decomposition of the formation of a single state administration system in the USSR during the Great Patriotic War.

Results. The 13 most important systemic factors of the USSR's victory in the Great Patriotic War were identified and characterized. The formed system was rethought as a combination of factors

expressing the specifics of the Soviet state system and the Russian civilizational model. A conclusion was made about the activation of victory factors under the influence of military threats since 1927 and deactivation in the post-Stalin and post-Soviet periods.

Research implications. The results of the study can be used in the formation of a strategy for increasing the factor potentials of Russia's National Security through the reactivation of the factors of the USSR's victory in the Great Patriotic War. The obtained results can be in demand in educational, upbringing and enlightening work, being updated in the context of the 80th anniversary of the Victory.

Keywords: USSR, Great Patriotic War, Victory, factors, system, military alarm, heroism, ideology, management, Soviet people, Stalin

Введение

Победа советского народа в Великой Отечественной войне по праву оценивается в качестве цивилизационного апогея тысячелетней истории России. Был повержен противник, претендующий на достижение мирового доминирования, и не просто доминировавший, а имевший для этих претензий определённые потенциалы. Безусловно, решающим фактором победы явился героизм защитников Отечества и советского народа в целом. Но одной этой бесспорно важной фиксации недостаточно. Время, когда победы в войнах одерживались исключительно на полях сражений, могло относиться, и то условно, к Древнему и Средневековому миру. К XX столетию победы достигались уже за счёт преимущества систем [43], которые в свою очередь – за счёт широкого круга факторов.

Выявление факторов победы имеет большое практическое значение, имея ввиду новые системные противостояния с врагом. Конечно, войны нового типа в значительной степени отличаются от войн первой половины XX века. Но при этом многие из факторов побед не утратили своей актуальности.

Великая Отечественная война была исторически войной беспрецедентной, что не отменяет при этом актуальности её уроков. СВО показала практическую востребованность изучения опыта Великой Отечественной войны. Востребованность не только в фокусе коммеморации, но реалий использования факторов победы. В ходе СВО ставились неоднократно

вопросы о целесообразности восстановления различных элементов советской системы под целевую установку достижения победы. Обнаружилось, что многие механизмы функционирования СССР, казавшиеся неэффективными с позиций рынка, были сверхэффективны при работе в чрезвычайных ситуациях. Современное разрушение мирового рынка и новая военная эскалация объективно реактуализируют запрос на советскую модель. Переоценка советской системы как высокоэффективной даётся в последнее время в том числе со стороны экспертных кругов, близких к властной команде.

Цель проводимого исследования, в соответствии с актуальными вызовами времени, заключается в выявлении наиболее значимых факторов победы СССР в Великой Отечественной войне. Ключевым методом, сообразно с указанной целевой установкой, является метод проблемной декомпозиции. Выявленные факторы Победы 1945 г. соотносятся с состоянием соответствующих факторных потенциалов по прошествии 80 лет.

Советская историография уделяла, безусловно, большое внимание факторам Победы, акцентировала преимущества советской социалистической системы [10; 77]. Однако не обходилось и без конъюнктурности времени, приводящей к замалчиванию определённых факторных составляющих. К таковым, в частности, относилась сталинская модель управления страной и всё, что связывалось с личностью генералиссимуса. В хрущёвский период был продублирован в фокусе

истории Великой Отечественной войны ряд антисталинских мифов¹. Многие из них, как показывают современные исследования, являлись прямым измышлением Н. С. Хрущёва [23; 73; 78].

Осознание потенциальной остроты дискуссии по фигуре Сталина обусловил выбор на этом этапе «политики забвения» [3]. В перестройку вновь возобладали реанимированные хрущёвские мифы, представляемые как ликвидация «белых страниц прошлого». «Белые страницы» превращались сразу в «чёрные» [19; 28; 33; 62; 68; 80]. Очернение истории Великой Отечественной войны было особенно кощунственным, имея в виду священный характер памяти о подвиге народа. Популярность приобрели темы репрессий военных лет, СМЕРШа, заградотрядов, штрафных батальонов.

Игнорировалась в советской историографии соответствующего периода не только, впрочем, роль главнокомандующего. Закрытой темой являлся вклад в Победу Русской православной церкви, изменение религиозной политики СССР в военные годы. Открытие темы произошло уже в годы перестройки в контексте подготовки к празднованию 1000-летия крещения Руси и на последующей волне юбилея [2; 4; 17; 39; 54; 58; 60; 61; 66; 86]. Определённую роль в открытии для разработок темы роли Церкви в истории России сыграло давление администрации Р. Рейгана, что задало соответствующий ракурс интерпретаций: антирелигиозный советский режим вынужден был пойти на послабления в отношении РПЦ, но конфликт институтов латентно сохранился².

Отсутствовало, естественно, в советской историографии и цивилизационное измерение Победы. Основной посыл состоял в утверждении, что победил социализм, советский государственный и общественный строй. Констатация эта была в принципе верна, но недостаточна. Важен был ещё и фактор цивилизационной идентичности, культурных кодов России, исторических ценностных накоплений народа. Впрочем, цивилизационного рассмотрения войны не было предпринято и в западной историографии. Иначе следовало бы признать, что суть конфликта состояла в противостоянии Российской и Западной цивилизаций. Роль же советских союзников по антигитлеровской коалиции оказывалась второстепенной.

Постсоветский период в историографии в целом и в освещении истории Второй мировой войны в частности характеризовался ревизией прежних подходов, а соответственно, в определении факторов победы. В значительной степени эта ревизия преследовала цель дискредитации факторов, соотносимых с советской системой. В отдельных публикациях дискредитировались и русские цивилизационные основания победы. Парадоксальным образом использовались даже аргументы пропаганды противника [13; 72]. Ещё в большей степени оказались востребованы подходы западной историографии, сформированной в период холодной войны и также являвшейся представлением взглядов со стороны противника [16; 18; 55; 70; 74; 79]. Многие из этих подходов подверглись впоследствии деконструкции в качестве мифов и фальсификаций антироссийской исторической пропаганды [30; 52; 65].

В либеральной историографии в объяснении факторов победы СССР в Великой Отечественной войне обнаруживается 2 противоположных подхода. Оба подхода имеют обвинительную в отношении советской государственной системы направленность. За первым условно закрепилось понятие «вопрекизм». Суть

¹ Хрущёв Н. С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях». М.: Госполитиздат, 1959. 80 с.

² Мраморнов А. И. История Перестройки. Поворотный пункт в смене модели отношений церкви и государства. К 30-летию празднования 1000-летия Крещения Руси [Электронный ресурс]. URL: https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_29884/ (дата обращения: 11.11.2024).

его состоит в утверждении будто бы победа была достигнута народом вопреки государственной власти. Опирающаяся на идеологию марксизма система являлась, по оценке её критиков, якобы неэффективной и нефункциональной. И оказавшись в экстремальной ситуации народ, когда встал вопрос о его физическом уничтожении, проявил свою субъектность в противовес существующей идеологии [22].

Сама идея, что можно одержать победу в войне, тем более такого масштаба, как Великая Отечественная, без руководства и даже вопреки ему, безусловно, противоречит здравому смыслу. Обращает также внимание совпадение позиции либеральных критиков советского режима и нацистской пропаганды в отношении советских солдат и населения, сообразно с которой борьба велась против режима, а не народа. И более того – за освобождение народа от большевиков. Реально нацисты ставили перед собой геноцидные задачи, и их пропаганда преследовала цель внесения внутреннего раскола между государством и обществом, разделить их и противопоставить друг другу.

Второй подход состоит в прямо противоположном утверждении, что победу одержал режим, включивший авторитарные человеконенавистнические механизмы организации социума. Банально врага, сообразно с этим видением, «заваляли трупами». Режим будто бы не жалел человеческих жизней в отличие от неприятелей – хоть и нацистов, но все-таки европейцев [71]. В противоречии с этим обвинением находятся многочисленные примеры массового героизма советских солдат. Примеры самопожертвований, подвигов, подобных поступку А. Матросова, не укладываются в систему представлений о беспощадности режима. Абсурдно считать, что герои Великой Отечественной войны отдавали свои жизни, боясь репрессий авторитарного режима, т. е. шли на смерть, боясь смерти.

Новая фаза противостояния с коллективным Западом актуализировала запрос на переосмысление факторов победы в Великой Отечественной войне.

«Военная тревога» 1927 г.

Система, которая в итоге и выдержала нагрузку войны (победившая система), стала формироваться под влиянием военной тревоги 1927 г. Обвинения СССР в поддержке революционных сил в Британской империи и зонах её влияния, в самой Великобритании и Китае, повысила уровень военной эскалации. Наиболее резонансным отражением начавшейся конфронтации стала нота британского правительства от 23 февраля 1927 г., получившая известность как «ультиматум Чемберлена». В мае 1927 г. Великобритания разорвала дипломатические и торговые отношения с Советским Союзом (они были восстановлены только через 2 года). Чуть позже были разорваны также дипломатические отношения СССР с Китаем. В Китайской республике происходит резня ориентирующихся на Советский Союз коммунистов [64].

Серия терактов обрушивается на советских представителей за рубежом. В Польше сыном участника Белого движения Б. Ковердой был убит полпред СССР П. Л. Войков. Позже освобождённый из тюрьмы Коверда будет воевать на стороне нацистской Германии. Пришедший годом ранее к власти в Польше Ю. Пилсудский недвусмысленно сформулировал перспективу геополитического продвижения на Восток, и угроза новой советско-польской войны становится реальностью. Проект Пилсудского «Междуморье» предполагал создание огромной восточноевропейской державы с центром в Варшаве. И именно Польша, а вовсе не Германия, мыслилась тем государством, которое начнёт первую агрессию против Советского Союза [47].

Активизировалось белогвардейское движение, воодушевляемое реанимацией идеи нового похода против боль-

шевики. Особую активность проявлял всё ещё возглавляемый П. Н. Врангелем Русский общевоинский союз. Имела место заброска агентуры в СССР, организация диверсий. Отдельные инциденты столкновений с белыми диверсантами фиксировались, в частности, при пересечении советско-финской границы. Активизировалось и антисоветское подполье в СССР¹. Хлебозаготовительный кризис 1927 г. и восстановление практики продразвёрстки привёл к росту кулацкого сопротивления, организованного зачастую в виде деятельности вооружённых бандформирований. Кулак, констатировалось в партийных оценках, становился проблемой политической. Советский Союз, стремясь снять внешнее напряжение, предлагал заключить договор о ненападении правительствам Польши и Японии. В обоих случаях был получен отказ, из которого следовало, что планы военных действий существуют [34].

Всё в совокупности убеждало руководство СССР, что войны избежать не удастся. С высокой партийной трибуны было заявлено о неизбежности войны. Г. Е. Зиновьев критиковал Бухарина, а Сталин – самого Зиновьева за использование тезиса «война возможна», вместо «война неизбежна»². Признавая войну неизбежной, Сталин считал при этом возможным её отсрочить, чтобы, с одной стороны, успеть советскому народу подготовиться к ней, а с другой – дождаться столь же неизбежного антиимпериалистического выступления трудящихся Востока.

Принятие тезиса неизбежности войны побудило рассчитать расклад сил. Будущая война могла начаться с высту-

пления против СССР целого блока государств – Великобритании, Финляндии, стран Прибалтики, Польши, Румынии, Китая, Японии. Расчёт соотношения сил приводил к выводу о вероятном полном разгроме. Под ружьём Красной Армии находились 607 тысяч человек, а при мобилизации её численность могла достигнуть 1,2 млн. Это было крайне мало. Только вероятные противники из стран Восточной Европы могли выставить армию в 4 раза численно превосходящую. (Для сравнения: по состоянию на 22 июня 1941 г. Советский Союз имел армию в 4,8 млн человек, не считая потенциально мобилизуемых). Ещё более тяжёлым являлось в 1927 г. положение СССР по наличию военной техники. Недостаточное её количество усугублялось сравнительно низким качеством. Не было заводов, которые могли бы в случае войны наладить выпуск вооружения. Военные эксперты во главе с начальником штаба РККА давали крайне пессимистические оценки развития событий на случай начала военных действий [48].

Военная тревога 1927 г. и положила начало форсированной подготовке страны к войне, побудила к реорганизации системы. Все, кто отказывался принимать установку приоритетности подготовки к войне, определялся врагом, чему Сталин дал соответствующее теоретическое обоснование. Именно в контексте военной тревоги принимается решение о форсированной индустриализации. Разрабатывается, а с 1928 г. реализуется первый пятилетний план. В конце того же 1927 г. на XV съезде ВКП(б) принимается также решение о проведении политики коллективизации. В условиях военной тревоги и была свернута модель НЭПа, заменяемая системой, которая условно определяется как сталинская.

С 1928 г. на западной границе СССР возводится система оборонительных укреплений, получившая в дальнейшем неофициальное обозначение – «линия Сталина». Разрабатывается план эва-

¹ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века: документы и материалы. Т. 6. Схватка: 1925–1927 гг. / сост. И. И. Басик. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. 850 с.

² Сталин И. В. Международное положение и оборона СССР: Речь на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1949. С. 3–59.

куации на случай, если превосходящие силы противника займут первым ударом регионы на западе. Организуется массовое обучение населения военному делу по линии только что созданного Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Позже на его основе организуется движение ГТО. С 10 по 17 июля 1927 г. по всей стране проводится неделя обороны, предназначенная продемонстрировать решимость советского общества противостоять врагу («пролетарский смотр»). Под девизом «Наш ответ Чемберлену!» проводилась общественная мобилизация, в рамках которой любое достижение советского общества рассматривалось в качестве такого ответа.

В. В. Маяковский по горячим следам политических событий 1927 г. пишет стихи «Англичанка мутит». Советская культура переключается также на тему подготовки страны к войне, ставшей ключевой. Включение механизма политических репрессий также обуславливалось контекстом приближающейся войны.

В 1927 г. была разгромлена «левая оппозиция», предлагавшая в ответ на военный вызов самим подтолкнуть революционный процесс, критикуя позицию Сталина по максимальному оттягиванию войны. На следующий год оказалась уже разгромлена «правая оппозиция», критиковавшая установки на форсированную индустриализацию, приводящую будто бы к разбалансировке народного хозяйства. Левые предлагали авантюристическую тактику борьбы без должной подготовки к войне, предложения правых также блокировали подготовку на основе доводов заботы о социальном благополучии советского человека.

Насколько были оправданы политические репрессии? Вопрос этот не тема представляемого рассмотрения. Но важно указать, что понимание их не будет полным без контекста приближающейся войны. И очевидно, что при наличии в 1941 г. в партии 2 системных оппозиций,

задачи борьбы с противником были бы предельно осложнены [46].

Репрессии обрушивались не только на оппозицию, но также и на потенциальные и фактические группы «пятой колонны». Намерение жёстко карать своих врагов власть предъявила уже в 1927 г. И «пятую колонну» противнику к началу Великой Отечественной войны создать в СССР не удалось, тогда как в Германии продолжало существовать, хотя и значительно ослабленное, ориентированное на Москву антисоветское подполье. Посол Соединённых Штатов Америки в Советском Союзе в 1936–1938 гг. Дж. Дэвис оправдывал сталинские репрессии с позиции уничтожения вражеской агентуры¹.

Фактор героизма и патриотизма советского народа

Предвоенные годы СССР акцентированно работал по задаче патриотического воспитания, на которую были направлены все гуманитарные институты. Патриотизм как чувство идентичности с российской исторической общностью, любви к «земле русской», сочетался с патриотизмом советским, чувством гордости принадлежать к первому в мире социалистическому государству. Соединялась патриотика через прошлое с патриотикой через будущее. Такое сочетание, как показала война, себя оправдало [63].

Без героизма и патриотизма победы в войнах не достигаются. Жертвенный героизм советских солдат и партизан имел во время Великой Отечественной войны массовый характер. За военные годы зафиксировано 445 случаев, аналогичных подвигу А. Матросова, 237 случаев – аналогичных подвигу Н. Гастелло. Совокупность героических проявлений складывалась в героизм народа. Массовая готовность пожертвовать собой означала, что ценность Родины была для поколения войны выше ценности ин-

¹ Дэвис Дж. Моя миссия в Москве. Дневники посла США 1936–1938 годов. М.: Родина, 2022. 432 с.

дивидуальной жизни. Но чтобы такая иерархия могла сформироваться, нужна была соответствующая идейная атмосфера¹ в обществе [29, с. 192].

Примеры героизма имели место и со стороны противника. И важно ответить, почему советская героика оказалась выше героики неприятеля.

Существует цивилизационно и идеологически различное понимание героизма. Западные либеральные демократии в значительной степени утратили дух героики прежних столетий. В немалой степени этому способствовала секуляризация сознания. Скепсис в отношении жизни вечной приводил к тому, что жизнь физическая как биологическое существование становилась высшей ценностью. Императив войны – принесение жизни в жертву во имя иных высших идеалов – вступал в противоречие с новой секулярной ценностной иерархией. Отсюда – неготовность французов умирать во имя Франции, предпочтение утратить суверенитет, чем утратить жизнь. Героика Сопротивления оказалась неожиданно обретена в контексте нового экзистенциального понимания. Абсурдность жизни давала ответ, что смерть лучше рабства [36; 67]. Из ценности свободы вытекают установки героики европейского антифашизма, выраженные словами Д. Ибаррури: «Испанский народ предпочитает умереть стоя, нежели жить на коленях» [81].

Немцы, надо признать, во время Второй мировой войны продемонстрировали больше героики, чем их противники на Западе. Но героизм немецкого солдата был архетипически языческим. Это был героизм сверхчеловека, по образцу Зигфрида [53]. Герой-триумфатор повергал врагов и торжествовал, ввиду достигнутого превосходства. Немецкий кинематограф, равно как, впрочем, и по сей день

Голливуд, утверждал этот тип героического.

Героизм советского человека был совершенно другого типа. Он восходил к христианской традиции героики Голгофы. Это был жертвенный героизм, а не героизм триумфаторский. «Смертью смерть поправ» – через самопожертвование героя жизнь побеждала смерть. «Любовь побеждает смерть» – эти слова, как известно, принадлежали Сталину, вынесшему соответствующее резюме на тексте поэмы-сказки М. Горького «Девушка и смерть». Героика любви советского солдата побеждала героика ненависти нацизма. Глубинно архетип христианства, сохраняемый в традициях русского солдата, побеждал архетип язычества.

Другая составляющая советского героизма состояла в героике коллективного подвига. Русский/советский солдат отдавал жизнь за «друзья своя». Готовность умереть «за друзья своя», за товарищество, оказывалась выше западных индивидуалистических установок героики. Илья Муромец побеждал Зигфрида.

С распадом СССР героизм оказался отделён и от патриотизма, и от христианской традиции. В массовой культуре был утверждён тип героя-преступника. Установки космополитизма и потребительства подрывали потенциалы страны в её противостоянии внешним угрозам. Восстановление патриотической традиции героики следует рассматривать в этом отношении как фактор победы. Однако патриотический нарратив даётся зачастую в западных, голливудских формах, имеющих архетипически языческую природу. Необходимо восстановить цивилизационное измерение героического в России. На абсурдность попыток внедрения язычества среди бойцов СВО обратил внимание патриарх Московский Кирилл².

¹ Назаров О. «Ни в одной другой армии мира» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/6273> (дата обращения: 11.11.2024).

² Патриарх Кирилл прокомментировал попытки возрождения язычества в зоне СВО // РИА. Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20250211/svo-1998734816.html> (дата обращения: 11.12.2024).

Фактор нерыночной модели организации советской экономики

Рынок всегда, во все времена, обна-руживал плохую сочетаемость с задача-ми военной мобилизации. Отношения на рынке диктуются получением выгоды субъектов участия: продавец товара или услуг стремится из продать дороже, по-требитель – приобрести дешевле. Рыноч-ное производство определяется потреби-тельским спросом, а не государственной целесообразностью. Но в ситуации вой-ны такая логика оказывается деструктив-ной. Завышение цены продаж на товары, связанные с войной, спрос на которые возрастает, играет объективно в пользу противника. Поэтому государства в во-енное время вносят, как правило, ограни-чения в действие рыночных законов.

В Первую мировую войну Российская империя столкнулась с нежеланием кре-стьян продавать армии хлеб по установ-ленным государством ценам. Продоволь-ственный кризис побудил к введению продразвёртки, что и было осуществ-лено ещё до Февральской революции постановлением Министра земледелия А. А. Риттиха от 2 декабря 1916 г.

В СССР в период Великой Отече-ственной войны цены на товары регу-лировались не отношениями спроса и предложения, а стратегической целесооб-разностью. Элементы рынка продолжали сохраняться и в период войны, но ры-ночные законы не были определяющими. Как следствие – способность государства управлять экономическими процессами, что давало очевидное преимущество пер-ед рыночными экономикami¹.

Большой дискуссионной проблемой являлась в советском обществоведе-нии проблема применимости формулы Д-Т-Д (штрих) к экономике социализма. У К. Маркса решений её не давалось, рав-

но как вообще тема переходной фазы от капитализма к коммунизму (что и опре-делялось как социализм) не была про-работана. В фокусе дискуссии оказался вопрос о существовании и допустимости организационной и моральной прибыли при социализме. Вариант ответа на этот вопрос имел практические следствия. Признание существования прибыли при капитализме задавало ориентир макси-мизации денежных доходов, тогда как отрицание – реального производства. Дискуссия началась ещё до Великой Оте-чественной войны, продолжилась в по-слевоенные годы и не прекращалась до перестройки включительно. Её перипе-тии были детально описаны в моногра-фии Е. Ю. Спицына [76]. На важность вопроса указывает введение в 1943 г., критическое для судеб страны и мира, предмета политэкономии в качестве обя-зательной дисциплины в советских вузах [75].

Сам Сталин, включившись в дис-куссию, признавал сохранение закона стоимости при социализме, но отрицал сохранение феномена прибыли. В кни-ге «Построение социализма в СССР» он эпатировал приверженцев сохранения основ рыночного хозяйствования ут-верждением о свёртываемости в перспек-тиве товарно-денежных отношений и переходе к прямому безденежному това-рообмену. Обычно эта последняя работа Сталина рассматривается даже частью авторов, поддерживающих в целом его курс, как наименее проработанная в ста-линском наследии, и даже абсурдная. А между тем современный тренд мирово-го финансово-экономического развития фиксирует отказ от классических денег и переход к безналичному обращению. Но-вая регуляция, по-видимому, будет осу-ществляться либо в формате посткапита-лизма, либо социализма. Книга Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» оказалась в этом отношении про-роческой. И важно зафиксировать, что некапиталистический характер товарно-

¹ Финансы СССР в годы войны. 1941–1945 гг. Рос-сийский государственный архив экономики // Российский государственный архив экономики: [сайт]. URL: <http://rgae.ru/ep.shtml/finansy-pobedy.shtml> (дата обращения: 11.12.2024).

денежных отношений в Советском Союзе оказался одним из факторов Победы¹.

Товарно-денежные отношения в СССР в период Великой Отечественной войны, безусловно, сохранялись, и возврата к экономике образца «военного коммунизма» не произошло. Но не работал и ориентир получения прибыли. Существовала приоритетная установка выпуска продукции (прежде всего, военной техники), а не получения дохода. При функционировании экономики по формуле Д-Т-Д (штрих) организовать работу тыла под нужды фронта было бы весьма проблематично. И в том, что советская экономическая система не была ориентирована на прибыль, заключалось одно из значимых преимуществ над врагом [38].

Впрочем, тенденции ограничения капиталистического типа товарно-денежных отношений имели место в большинстве воюющих стран. Соответствующие ограничения вводились и в Первой мировой войне. Война, в целом, показывала нефункциональность классической модели капитализма [50].

Утрата преимуществ советской системы, состоящих в её ориентации на производство реального продукта, а не денежный доход, происходит ещё при существовании СССР. С демонтажом социализма восстанавливается система распределений по описанной Марксом формуле Д-Т-Д (штрих). Реальная экономика социализма периода Великой Отечественной войны была заменена экономикой в 1990-е гг. фантомной, для войны не предназначенной.

Фактор приоритетности в производстве средств производства (группа «А»)

Война такого масштаба, которой была Великая Отечественная, начавшаяся к тому же с потерь значительных инфраструктурно развитых территорий, не мог-

ла не привести к экономическому спаду. И этот спад действительно отмечается по всем макропоказателям. Наиболее значительным он оказался по валовой продукции сельского хозяйства и розничному товарообороту. По ним в 1943 г. достигалась лишь треть от показателей довоенного времени. Но было при этом исключение – продукция машиностроения. За все годы войны, включая критические 1941–1942 гг., показатели по выпуску продукции машиностроения были выше довоенного уровня. Такая особенность с очевидностью объясняется сконцентрированностью экономики на главном – производстве, связанном с выпуском военной техники. Советская экономика оказалась способна быть сконцентрированной на главном. И эта концентрация достигалась за счёт ограничения потребительских запросов².

В советской теории политэкономии отрасли экономики дифференцировались на группу «А», к которой относилось производство орудий труда и средств производства, прежде всего, тяжёлая промышленность, и группа «Б», к которой относилось производство товаров личного потребления и домашнего обихода. В ходе жарких дискуссий утвердился подход о приоритетности развития отраслей группы «А». Такой взгляд соотносился в понимании советских идеологов с марксистским концептом о базисе общества. За счёт приоритетного развития группы «А» осуществлялась стратегия форсированной индустриализации.

Оппоненты возражали, указывая, что правильное идти от спроса, а соответственно – от потребностей граждан, и отдавать приоритет отраслям «Б». В этом случае, утверждают их последователи, не сложились бы экономические диспаритеты, и качество жизни населения было

¹ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997. С. 154–223.

² Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/9257> (дата обращения: 11.12.2024).

бы принципиально иным. Ключевой фигурой в экономической теории, оппонирующий сталинской модели «несбалансированного» развития экономики, стал Н. Д. Кондратьев. К его авторитету многие апеллируют сегодня как к автору не реализованной альтернативы. Но в перспективе грядущей большой войны план Кондратьева означал бы, что 1941 г. страна бы встретила без соответствующего промышленного и военно-технического потенциала. Расчёты Кондратьева, которые он успел сделать, впрочем, строились на предположении, что ближайший временной период пройдёт без крупных военных потрясений¹. Впрочем, не очевидно, что удалось бы при кондратьевском сценарии обеспечить подъём уровня потребления, т. к. для соответствующего прогресса в лёгкой и пищевой промышленности нужна была опять-таки база инфраструктуры тяжёлой промышленности (железнодорожный транспорт, станки, металлургическое производство) [42].

О том значении, которое уделял Сталин идее приоритетности группы «А» в развитии народного хозяйства, свидетельствует дискуссия об учебнике по политэкономии, состоявшаяся с его участием 29 января 1941 г. За несколько месяцев до начала ВОВ, когда уже Мировая война являлась свершившимся фактом, руководство страны считало целесообразным обсуждать содержание учебника по политэкономии. И это обсуждение являлось не бегством от реальности, а как раз напротив – определением ключевых стратегических подходов в контексте приближающихся потрясений. Позиция Сталина заключалась в том, что успехи индустриализации стали возможны исключительно потому, что в СССР удалось перевернуть «с ног на голову» законы капитализма. Капитализм бы пошёл

от рыночного спроса и отдал приоритет производству потребительских товаров. Советская политика руководствовалась не рыночной конъюнктурой, а стратегической целесообразностью, которая состояла в главенстве тяжёлой промышленности. «Если бы, – рассуждал Сталин, – у нас не было... планирующего центра, обеспечивающего самостоятельность народного хозяйства, промышленность развивалась бы совсем иным путём, всё началось бы с лёгкой промышленности, а не с тяжёлой промышленности. Мы же перевернули законы капиталистического хозяйства, поставили их с головы на ноги. Мы начали с тяжёлой промышленности, а не с лёгкой, и победили. Без планового хозяйства это было бы невозможно... Если бы, например, предоставить строительство промышленности капиталу, то больше всего прибыли приносит мучная промышленность, а затем, кажется, производство игрушек. С этого бы и начал капитал строить промышленность... Мы же начали с тяжёлой промышленности, и в этом основа того, что мы – не придаток капиталистических хозяйств»². Приоритетность в развитии тяжёлой промышленности, перепрофилированной на военную сферу, стала, безусловно, важным слагаемым победы.

Победить противника невозможно уподобляясь противнику, копируя его технологии и практики. За то время пока осуществляется копирование, он уходит вперед, и подражатель оказывается аутсайдером. Советский Союз шёл своим путём, а потому и смог вырваться вперёд (хотя мог и проиграть, совершив стратегическую ошибку). Некапиталистический путь развития экономики позволил СССР осуществить промышленный прорыв, на который в странах капитализма уходили десятилетия.

¹ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Сост. Ю. В. Яковец. М.: Экономика, 2002. 768 с.; Кондратьевщина. Сборник. М.: Издательство Коммунистической академии, 1930. 128 с.

² Сталин И. В. Беседа об учебнике «Политическая экономия» 29 января 1941 года (конспективная запись) // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 8.

Позиция о приоритетности развития группы «А» стала подвергаться ревизии в теории экономики ещё в советское время. Одновременно с этой ревизией страна лишалась возможности проведения экономической мобилизации. Переход же на капиталистические рельсы и логику спрос–предложение в постсоветские годы и вовсе лишил страну соответствующего преимущества для ситуации войны.

Фактор государственного экономического планирования и директивного управления экономикой

Уникальным феноменом в мировой экономической истории может быть признан Госплан ССР. Высмеивание системы советского планирования в либеральной критике имело характер вульгарной идеологической пропаганды. Реально Госплан стал штабом организации экономического прорыва СССР. Уникальность этого опыта признаётся в настоящее время экспертами, связанными с высшим уровнем современной государственной власти РФ. Иллюстрацией этой позиции является, в частности, монография «Кристалл роста. К русскому экономическому чуду» [20]. Исторический период 1929–1955 гг. в истории СССР был оценён в ней авторами как безусловный экономический рекорд в темпах роста, непревзойдённый до настоящего времени ни в одной из моделей. Государственное планирование представлено в книге в качестве ключевого инструмента организации советского планирования. В завершённом виде сталинская модель Госплана СССР институционально сложилась непосредственно накануне Великой Отечественной войны, что имело важнейшее значение для обеспечения экономической составляющей победы¹.

Именно на Госплан были возложены в период войны постановлением Государственного комитета обороны задачи ор-

ганизации эвакуации и мобилизации работы промышленности. И то, что СССР экономически переиграл Германию во время войны, сосредоточившись на главных направлениях при меньшем общем объёме промышленной продукции, является важнейшим фактором государственного планирования².

Отказ от государственного директивного планирования и переход на рекомендательное в перестроечный период стал фактором кризиса построенной на единой логике целеполагания советской экономики. Госплан был ликвидирован постановлением от 1 апреля 1991 г., т. е. ещё при существовании СССР, что усугубило его экономическое положение.

Военная стратегия предполагает принятие плана борьбы с противником. При современных войнах планирование должно, очевидно, распространяться не только на действия собственно воинских частей, но и на работы всех компонент государственной системы. Государственное экономическое планирование является одной из базовых компонент такого плана. Другое дело, что обеспечение его требует специфики организации всей государственной системы, которую представлял к началу Великой Отечественной войны СССР. Ни одно другое государство мира такого рода возможностями не обладало и не обладает в настоящее время.

Экономика Германии накануне войны превосходила по большинству показателей экономику СССР. Советский Союз имел существенный перевес по добыче нефти, а соответственно производству бензина, а также выпуску грузовых автомобилей и тракторов. По добыче угля и кокса, производству электроэнергии, чугуна, стали, проката чёрных металлов, меди, алюминия, цинка, кадмия, серной кислоты, азотной кислоты, металлоре-

¹ Байбаков Н. К. Из воспоминаний о Н. А. Вознесенском // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 141–145.

² Постановление ГКО СССР № 421 сс о порядке размещения эвакуируемых предприятий, с приложением записки Шверника Н. М. Молотову В. М. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/1335031> (дата обращения: 11.12.2024).

жущих станков, цемента Германия перед войной превосходила СССР. Факторное преимущество Советского Союза заключалось не в мощи экономики как таковой, а в возможностях мобилизационного управления ею, способности концентрации на стратегических направлениях за счёт менее значимых для победы [12, с. 19].

Величайшим проектом управления экономикой в мировой экономической истории стала советская эвакуация. Никогда ни до, ни после в истории в столь короткий период времени не осуществлялась перевозка столь значительного объёма производственных инфраструктур и трудовых кадров, как это было осуществлено в СССР в первые месяцы войны. Всего было эвакуировано около 2,6 тысяч предприятий вместе с работающими на них 18 млн рабочих с семьями. Общее число эвакуированных составляло примерно 25 млн человек. Вывезенные на восток предприятия составляли примерно 65% потенциала военно-промышленных наркоматов СССР: Подлежали эвакуации: 118 (из 139) предприятий авиапрома, 16 (из 27) – танкопрома, 32 (из 58) – стрелкового вооружения, 49 (из 65) – боеприпасов, 72 (из 147) – минометов, 41 (из 69) судостроения [12, с. 57; 69, с. 140, 147].

Масштабная задача усугублялась критически тяжёлым положением в 1941 г. на фронте, перегрузкой железных дорог и нехваткой в этих условиях транспорта. Между тем предприятия не только были эвакуированы, но и в кратчайшие сроки вошли в рабочий режим. Естественно, заводы и люди не вывозились в чистое поле. Быстрота перехода эвакуированных предприятий в рабочий режим обеспечивалась включением их в уже созданные в предвоенные годы инфраструктуры. Создаваемая ранее резервная промышленно-сырьевая база была расширена и включила собственные дополнительные мощности. Собственные мощности представляли собой законсервированную

исходно при введении в строй часть заводов. Закладка таких резервных частей было, безусловно, не рыночным решением. Но советская экономика создавалась не под рынок, а в перспективе потенциальных вызовов и форсированного развития. И это в условиях войны оправдало себя.

Был ли у Советского Союза на момент нападения противников единый план эвакуации? Эвакуационное планирование в СССР стало вестись, по-видимому, сразу после военной тревоги 1927 г. В военно-техническом отношении Советский Союз тогда был слабее объединённых сил потенциального врага. Реалистическая оценка заставляла считать, что на первом этапе войны возможно отступление, а соответственно, был нужен план перевоза на недостижимое для противника удаление промышленных объектов, культурных и иных ценностей. В связи с укреплением мощи СССР потребность в эвакуационных планах снижалась, но определённые проработки такой сценарной перспективы всё-таки велись¹. Без наличия соответствующего планирования и единого управления сверхмасштабную операцию эвакуации 1941 г. вряд ли было возможно провести. Было, безусловно, много неразберихи, но она не переросла в общий хаос. Эвакуация управлялась и не была стихийным явлением [49].

Возможность концентрироваться на главном являлась важнейшим преимуществом СССР периода войны в сфере управления экономикой. Тяжёлой промышленности отдавался безусловный приоритет над лёгкой, производством товаров массового потребления, а оборонной над всеми иными отраслями тяжёлой. Характерно, что общие объёмы промышленности за период войны сни-

¹ Исаев А. В. Искусство предвидеть: о решениях советского руководства накануне и в начале Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <https://histrf.ru/magazine/article/iskusstvo-predvidet-o-resheniyah-sovetskogo-rukovodstva-nakanune-i-v-nachale-velikoj-otechestvennoj-vojny> (дата обращения: 11.11.2024).

зились, тогда объёмы оборонной отрасли существенно возросли. За 1942 г. объём промышленного производства в СССР составлял 77% к показателям 1940 г. Масштаб потерь был значимым, хотя не катастрофичным, имея в виду территориальные потери и эвакуацию. В 1944 г. Советский Союз превзошёл по объёмам промышленного производства довоенный уровень на 4%, что само по себе, учитывая продолжавшуюся войну, было беспрецедентно и указывало на мобилизационные потенциалы советской экономики. Правда, в 1945 г. уже имел место определённый спад до 92% от уровня 1940 г., что объясняется реэвакуацией и отменой обязательных сверхурочных работ (в войну они составляли от 1 до 3 ч). А вот показатели роста по оборонной отрасли к уровню 1940 г. выражали совершенно иную тенденцию: 1941 г. – 140%, 1942 г. – 186%, 1943 г. – 224%, 1944 г. – 251%, 1945 г. – 215%. Таким образом, Советский Союз смог увеличить за время войны объёмы производства в сфере оборонной промышленности в 2,5 раза [12, с. 75].

В гонке экономик по общему объёму промышленного производства Германия во время войны не только превосходила СССР, но и ушла в отрыв. Так, если в 1940 г. Советский Союз производил 107% чугуна от уровня Германии и 96% стали, то в 1944 г. – только 55% и 59% соответственно¹. Но при этом СССР явно превзошёл Германию в период их прямого противоборства по всем видам военной техники [12, с. 82].

Существенный прирост Германии по экономическим потенциалам в целом и производству военной техники особенно дало присоединение к ней значительных европейских территорий с соответствующей промышленной инфраструктурой. Именно германская завоевательная политика – ограбление Европы – обеспечи-

ло Рейху военно-техническое преимущество к 1941 г. Но уже в 1942 г. Советский Союз производил: самолётов – в 1,9 раз больше Германии, танков – в 3,9 раз, орудий – в 3,1 раз, минометов – в 23,5 раз, автоматов, винтовок и карабинов – в 3 раза. Отставая по экономическому производству в целом, Советский Союз опережал противника в том, что было более всего в ситуации войны необходимо для победы².

Фактор концентрированности ресурсов в руках государства

СССР максимально во время Великой Отечественной войны, насколько это было возможно, воспользовался своими естественными преимуществами в ресурсах. Это стало принципиально возможно ввиду концентрированности их в руках государства. Но потенциалы могли стать реальным фактором победы лишь при условии стратегически правильной ресурсно-распределительной политики.

Создание в предвоенные годы второй промышленно-сырьевой базы на Урале позволило СССР экономически выстоять после потери Донецкого региона. Наличие второй базы отличало положение страны в сравнении с ситуацией Первой мировой войны. В Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. развитие промышленности и энергетики осуществлялось преимущественно за счёт южно-российских регионов, куда и направлялся промышленный капитал. География периода Гражданской войны и иностранной военной интервенции поставила большевиков при потере контроля над югом в крайне тяжёлое положение. Хозяйственная разруха первых лет советской власти являлась в этом отношении не в последнюю очередь результатом потери контроля над ресурсной инфраструктурой. А. Гитлер, исходя из опыта прошлой войны, полагал, что по-

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М.: Информационно-издательский центр, 1990. С. 32–34.

² Финансовые потери СССР в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipbr.org/projects/history/80/> (дата обращения: 11.11.2024).

теря Донбасса будет иметь для экономики СССР катастрофические последствия [32]. Но ресурсно экономика Советского Союза к 1941 г. уже была пространственно диверсифицирована [82].

Для Германии ресурсная проблема являлась, вероятно, наиболее критичной. Немцы в полной мере ощутили её ещё в Первой мировой войне. С началом кампании британский флот отрезал её от колоний, лишив стратегических поставок. Результатом дефицита энергетических и продовольственных ресурсов в Первую мировую войну стал острый социальный кризис в Германии. Немцы, привыкшие к сравнительно комфортному существованию, впервые с XVI в. столкнулись с реалиями голода. Годы Первой мировой остались в памяти немцев как «брюквенное время», названное так по употреблению супа из брюквы¹.

Во Вторую мировую войну Германия делала всё возможное, чтобы ситуация ресурсного дефицита не повторилась. Немцы ещё до войны при помощи американских инженеров наладили производство синтетического топлива. Военные действия Германии и союзнические альянсы Гитлера в значительной степени диктовались соображениями жизнеобеспечения Рейха. И тем не менее ресурсно в перспективах длительной войны Германия проигрывала и Советскому Союзу, и Британской колониальной империи, и США. Шансы для Гитлера давала лишь «молниеносная война», на которую и была сделана ставка в 1941 г., либо прорыв к энергоресурсам, на что немецкое командование уповало в кампании 1942 г. Не получилось ни то, ни другое. И, несмотря на то, что в период 1941–1942 гг. инициатива на Восточном фронте оставалась за Германией, стратегически она проиграла.

Фактор демографических потенциалов

От численности населения зависит численность армии и количество рабочих рук, а соответственно, демографические ресурсы всегда являлись важнейшим военным фактором. Трудно поверить сегодня, что СССР в довоенный период из всех значимых геополитических государств мира занимал первое место по показателям рождаемости.

Демографические преимущества СССР понимали и в Германии, и этот фактор, судя по высказываниям нацистского руководства, особо сильно беспокоил. К началу войны Советский Союз имел численность населения 196,7 млн человек. Около 20 млн дали присоединённые в предвоенный период западные территории. Германия явно уступала – 70,2 млн человек. Но если подсчитывать её вместе со всеми европейскими сателлитами и населением присоединённых территорий, выходило несколько более 200 млн. Совокупные силы оказывались примерно равны. Но по уровню консолидации населения, самосознания единой идентичности Советский Союз имел безусловное преимущество. Государствообразующее ядро советской общности – русский народ – имел, по данным переписи 1939 г., численность в 99,6 млн человек, что было выше численности этнических немцев почти на 30 млн.

Нацистское руководство мыслило в мальтузианских параметрах и понимало, что в разрезе столкновения демографических потенциалов Германия проигрывала. И отсрочка «большой войны» шансы её только понижала. По данным на 1923 г., когда родились те, кому в 1941 г. исполнилось 18 лет, суммарный коэффициент рождаемости в Германии составлял 2,62 рождения. В СССР в том же году он имел показатель 6,68 рождений – кажущийся немыслимым при современной малодетности. Последующие годы и в Германии, и в Советском Со-

¹ Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998. 634 с.

юзе показатели рождаемости устойчиво снижались, что соответствовало в целом описанию уже выдвинутой тогда теории демографического перехода. Минимальный суммарный коэффициент рождаемости в Германии в этот период фиксируется в 1933 г. – 1,58, в СССР в 1934 г. – 3,8. Далее, вопреки теории демографического перехода, следовал подъём [35]. И германское, и советское руководства приняли комплекс мер, направленных на повышение численности населения, что дало определённые результаты. К началу Второй мировой войны в 1939 г. суммарный коэффициент рождаемости в Германии составлял 2,39 рождений, в СССР – 4,98. Советский Союз при пролонгации соответствующих демографических тенденций уходил бы в отрыв. Уходил он в отрыв не только от Германии, но и от других ключевых геополитических акторов мира, включая США. Причём высокий суммарный коэффициент рождаемости в СССР обеспечивался не только за счёт национальных окраин, но и русского демографического ядра. Накануне войны среди русского населения он составлял 4,9 рождений¹.

Отсюда и гитлеровская идея войны на уничтожение, поставленная в качестве стратегического ориентира военной кампании на востоке. Помимо установок ксенофобии и расизма, которые нельзя снимать со счетов, был в ней и нескрываемый прагматический расчёт демографического соперничества. В понимании Гитлера противостояние с историческими врагами на востоке – русскими, славянами в целом, «азиатским варварством», не будет успешным без подрыва демографической базы врага.

Особое внимание тема демографических войн занимала в риторике рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. Во время своего визита в Харьков в апреле 1943 г., т. е. уже после фиаско Сталинградской битвы, рейхсфюрер рассуждал о войнах Европы с Азией в прошлом и будущем, акцентируя внимание на численном соотношении сил. О реалиях продолжающейся войны он говорил в перспективе войн будущих. Возможно, Гиммлер считал, что нынешняя война Германией уже проиграна. Но следовало, согласно его рассуждениям, создать задел для войн будущего, подорвав максимально демографические потенциалы противника. Достигнуть это было возможно путём физического уничтожения вражеского населения².

Подрыв демографических потенциалов, пусть и не в тех масштабах, как замысливалось нацистским руководством, действительно произошёл. Но сопротивление со стороны Запада продолжилось и после падения нацизма. Новые подходы в поражении демографических потенциалов противника связывались с воздействием на сознание и подсознание, формирование установок детности. О том, что руководство США было заинтересовано в вопросах глобального демографического управления, свидетельствует, в частности, Меморандум 200 – отчёт Совета национальной безопасности США, подготовленный в 1974 г. по инициативе госсекретаря Г. Киссинджера³. О целевом характере воздействия на демографические потенциалы России указывает также реализация в РФ на федеральном уровне в 1990-е гг. Федеральной программы планирования семьи,

¹ Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах, 2008–2023. Рождаемость в СССР. URL: [https://su90.ru/birth.html#:~:text=%20\(дата обращения: 11.11.2024\); Население Германии // Википедия: \[сайт\]. URL: \[https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Германии\]\(https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Германии\) \(дата обращения: 11.11.2024\); Население Советского Союза. 1921–1991. М.: Наука, 1993. С. 14, 40, 55.](https://su90.ru/birth.html#:~:text=%20(дата%20обращения%3A%2011.11.2024);%20Население%20Германии%20%2F%20Википедия%3A%20[сайт].%20URL%3A%20https%3A%2F%2Fru.wikipedia.org/wiki%2F%20Население_Германии)

² Гиммлер Г. Выступление в Харьковском университете перед командирами дивизий СС [Электронный ресурс]. URL: <https://nuremberg.media/project/20210914/261738/Gimmler-Vesti-voynuprovodya-liniyu-na-unichtozhenie-lyudey.html> (дата обращения: 11.11.2024).

³ National Security Study Memorandum 200 (NSSM 200) [Электронный ресурс]. <https://www.lifesitenews.com/warefamily/nssm200/nssm200.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

фактически формирования ориентиров малодетности и бездетности, запрещённых в настоящее время в качестве деструктивной идеологии¹. Итогом такого воздействия стало падение численности населения России до 143,8 млн и суммарного коэффициента рождаемости до 1,41 рождений в 2023 г. СССР к началу Второй мировой войны был третьим по численности населения среди стран мира (взятая отдельно РСФСР – четвёртая). Современная Россия находится на 9 месте, отставая от находящегося на 8 месте Бангладеш. По прогнозам ООН, к 2050 г. она опустится на 18-ю, а к 2100 г. на 22-ю позицию при условии, что тренды не изменятся.

Фактор пространственных потенциалов

В современных общественных науках получила распространение точка зрения об относительности значения пространства. Ценность территории будто бы снижается, уступая ценности времени [11]. В отдельных публикациях утверждает, что территория России, крупнейшая в мире, сыграла для неё отрицательную роль, определив экстенсивный, вместо интенсивного, путь развития [83].

Масштабные войны всякий раз представляли точки над «и», показывая ценность территорий России в качестве фактора преимущества над врагом. Наглядно значение пространственного фактора показала уже война с Наполеоном. Французская армия по мере продвижения по России таяла не только под ударами противника, но будучи вынуждена оставлять в тылу гарнизоны. Коммуникации растягивались и между ними в конечном итоге возникали разрывы. Действие пространственного фактора против армии неприятеля повторилось и во время ВОВ. Блицкриг со стороны Германии при советских

территориях был проблематичен. Тактика молниеносного удара могла сработать против европейских государств, но не против СССР. Присоединение к Советскому Союзу в 1939–1940 гг. ряда территорий позволило отодвинуть границу к западу, что также в итоге стало фактором сдерживания неприятеля, выигравшем некоторого времени. Отсрочка оказалась не столь большой: Львов, к примеру, пал уже 30 июня 1941 г. Но Таллин – 28 августа, что уже было больше времени, понадобившееся немцам для нанесения поражения Франции. Выборг был взят финнами 29 августа. Для срыва плана блицкрига новые территории, безусловно, имели значение. И даже падение Москвы не означало бы ещё, как показывал опыт войны 1812 г., завершение военного противостояния. Центр управления, столица в эвакуации, был уже подготовлен в Куйбышеве, и война бы продолжилась. Пространства СССР давали возможности ведения «скифской войны» в длительной перспективе, что вряд ли Германия могла выдержать.

Неожиданностью для германского политического и военного руководства было наличие у СССР трёх эшелонированных линий обороны. Сломив первые две оборонительные линии, немцы, утратив свой наступательный потенциал, не смогли пройти третьей. Первая линия обороны – линия Молотова – возводилась на новых присоединённых к СССР территориях непосредственно перед войной, вторая – линия Сталина – создавалась ранее по старой границе Советского Союза, третья была сооружена в значительной степени за счёт привлечения гражданского населения непосредственно в военное время [31; 37; 56].

Противник оккупировал во время войны огромную территорию, составлявшую 1,926 млн квадратных километров. Но это было лишь 8,7% всей советской территории.

При распаде Советского Союза территориальные потери были существенно

¹ Указ Президента РФ от 18.08.94 № 1696 «О президентской программе "Дети России"» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6826> (дата обращения: 11.11.2024).

больше, чем при немецкой оккупации – 23,7%. Россия и после них остаётся крупнейшим государством мира, но её геополитические потенциалы в сравнении с советским временем уменьшились. Специальная военная операция не в последнюю очередь решает задачу отодвинуть границу, ввиду угроз, продуцируемых возможностью расположения на сопредельных территориях сил НАТО.

Фактор идеологии

Советский Союз являлся идеократическим государством. Государств без государственной идеологии, даже в случаях официального утверждения с их стороны иной позиции, не бывает. Любое государство делает фундаментальный выбор, связанный с моделью устройства, стратегическими ориентирами и приоритетами. Осуществление этого выбора, предполагающего принятие одной ценностной платформы и отрицание других, уже само по себе указывает на наличие идеологии. В идеократических государствах идеология даётся акцентировано, проецируя основные стороны государственной и общественной жизни [14].

Основная задача идеологии – задать систему ценностей и смыслов – в военное время приобретает критически важное значение. При отсутствии же ценностей и смыслов отсутствует и мотивация для борьбы с врагом, отсутствуют и идеалы, во имя которых войны оказываются готовы идти на смерть, а гражданское население – отказаться от комфорта. Идеократическая модель в условиях войны, безусловно, с этих позиций более функциональна. Она позволяет, в частности, использовать наиболее масштабно и наиболее системно институты государственной пропаганды. Суть её во время войны состоит в утверждении в самосознании народа позиции – «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!». Эти слова, как известно, прозвучали в первый же день войны – 22 июня 1941 г. – в обращении по радио к советскому об-

ществу В. М. Молотова. Война была провозглашена Отечественной, что выводило на параллели с Отечественной войной 1812 г., указывало на её всенародный характер и подчёркивало: на кону само существование Отечества¹. Через 2 дня с опубликования в газетах «Известия» и «Красная звезда» текста песни В. И. Лебедева-Кумача война была определена также как «Священная война». Священный характер войны означал, что она ведётся между силами добра и зла в их абсолютном выражении.

Важнейшую роль в осуществлении единой политики в распространении и осуществлении пропаганды сыграло созданное уже 24 июня 1941 г. и подчинённое непосредственно ЦК ВКП(б) Советское информационное бюро. Связываемое в массовом восприятии со сводками с фронта, передаваемых гениально подходящим для этой миссии голосом Ю. Б. Левитана, Совинформбюро являлось действительно многопрофильной инфраструктурой. К июню 1944 г. в его состав входило 11 отделов. Во взаимодействии с Совинформбюро, выступающего координирующим центральным органом, находилось 18 радиостанций, 523 журнала, 1171 газеты, что совокупно представляло собой мощнейшую информационную силу. К работе были привлечены выдающиеся профессионалы своего дела. В литературную группу Совинформбюро входили такие видные представители советской литературы, как, например, В. Катаев, Л. Леонов, А. Новиков-Прибой, Е. Петров, А. Новиков-Прибой, С. Сергеев-Ценский, К. Симонов, А. Толстой, А. Фадеев, К. Чуковский, М. Шагинян, М. Шолохов, И. Эренбург [9].

Идеология СССР не была схоластически застывшей догмой. Руководству

¹ Выступление по радио председателя СНК СССР В. М. Молотова с заявлением советского правительства о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. 22 июня 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1354995> (дата обращения: 11.11.2024).

Советского Союза удалось провести её корректировку, найти оптимальные подходы, отвечавшие на вызовы времени. Великая Отечественная война стала символическим рубежом, отражавшим вектор идеологической трансформации СССР от установок левого марксизма к советскому большевизму как соединению марксистского учения с тем, что сегодня было бы определено как цивилизационный поход, идея государства-цивилизация. Условной датой такой трансформации принято непосредственно считать выступление И. В. Сталина на параде 7 ноября 1941 г., когда он связал Октябрьскую революцию с дореволюционной историей России, Ленина с фигурами имперского нарратива Александром Невским, Дмитрием Донским, Кузьмой Мининым, Дмитрием Пожарским, Александром Суворовым, Михаилом Кутузовым¹.

Сталин использовал одновременно несколько идеологических карт, позволявших действовать по максимально широкому фронту. Идеология СССР при Сталине оставалась идеологией коммунистической. Вопреки распространённой в последние годы позиции отказа от идей коммунизма в сталинский период не было. Другое дело, что это была не левая версия коммунизма в духе троцкизма, а идеология, связанная с позицией построения социализма (как переходной фазы к коммунистическому обществу) в одной стране. Тезис построения социализма в одной стране предполагал адаптацию к соответствующим условиям странового развития России. В этой версии ни русской, ни христианской идее идея коммунизма не противоречила. Идеал коммунизма как образа светлого будущего имел и большое мотивационное значение. Идея разделения на 2 полюса – капитализм и коммунизм – нашла отражение и в главной мотивационной песне военного времени «Священная война». Сохраня-

ются в культурной продукции тематика героики революции гражданской войны. Во время ВОВ был снят ряд художественных фильмов по Гражданской войне – «Александр Пархоменко», «Котовский», «Оборона Царицына». В 1942 г. состоялась первая экранизация романа «Как закалялась сталь». Павка Корчагин остаётся главным героем в восприятии советской молодёжи. Книги «Овод» и «Как закалялась сталь» – обе революционной направленности, были главными мотивационными книгами Зои Космодемьянской².

Коммунистическая идеология играла важную роль и в организации антифашистского европейского движения. Другое дело, что блокировка с Великобританией и США вынуждали давать коммунистические идеи во внешний мир дозированно и распускать Коминтерн. Впрочем, коминтерновские структуры упразднены не были, а лишь поменялся формат их организации.

Огромное мотивационное значение имело плакатное искусство. Агитацию через плакаты – мотивацию своих и развенчание противника через жанр карикатуры вели все без исключения воюющие страны. Советское плакатное искусство и карикатуристка в сравнении с другими с очевидностью выделялись. Уже на второй день войны художником И. Тоидзе, работавшим над иллюстрацией «Витязя в тигровой шкуре», был создан плакат «Родина-мать зовёт!», ставшим одним из главных символов народной мобилизации.

В первые дни войны через проект советских агитационных плакатов «Окна ТАСС» происходит реинкарнация проекта периода Гражданской войны «Окна РОСТА», где одну из первых ролей играл В. В. Маяковский. Особое место в проекте «Окна ТАСС» отводилось сатирическому

¹ Сталин И. В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 84–86.

² Огнев А. Наша Великая Победа и Павка Корчагин [Электронный ресурс]. URL: <https://xn----dt-beepi2ag6a4g.xn--p1ai/novosti/413-nasha-velikaya-pobeda-i-pavka-korchagin.html> (дата обращения: 11.11.2024).

творчеству художественного союза карикатуристов – Кукрыниксы. Кукрыниксы создали серию образов противника, предельно развенчав его, показав утрату нацистами человеческого подобия. И это сыграла свою роль: чтобы убить врага воспитанному на гуманистических идеалах советскому солдату требовалось перестать видеть в нём человека. В 1946 г. весь состав творческого союза, художники М. В. Куприянов, П. Н. Крылов и Н. А. Соколов, были направлены на Нюрнбергский процесс с задачей создания карикатурных зарисовок обвиняемых.

Вторым идеологическим вектором периода ВОВ стало восстановление русской державной традиции [41]. Ещё до войны начинается реабилитация героев дореволюционной России. Восстанавливается курс истории в школах и вузах. Была остановлена русофобская пропаганда, обличения «русской обломовщины» в духе Д. Бедного в литературе или Н. Бухарина в публицистике стали неуместными. Фильм 1938 г. «Александр Невский» проводил очевидные, включая образные, параллели с русско-немецким противостоянием XIII в. Русский князь, православный святой, предстаёт героем нового советского державного дискурса, защитником Отечества. Непосредственно перед Великой Отечественной войной создаются также фильмы, посвящённые Минину и Пожарскому, Богдану Хмельницкому, Петру I, Суворову, во время войны – Ивану Грозному и Кутузову. Новый принятый в 1943 г. вместо «Интернационала» гимн СССР сочетал слова «Русь» и «коммунизм». Во время войны были учреждены ордена: Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Богдана Хмельницкого, а также Отечественной войны и Победы. При этом сохранялись и установленные ранее ордена советской семантики – Ленина и Красного Знамени. С января 1943 г. в Красной Армии были восстановлены погоны, считавшиеся прежде признаком старорежимной системы. В революци-

онной лингвистике слово «золотопогонник» относилось к «языку вражды», но в военных реалиях всё поменялось [1].

Совинформбюро было упразднено сразу после смерти И. В. Сталина в марте 1953 г. Последующее перепрофилирование, переподчинение преемственной ей организации под эгидой Министерства культуры, безусловно, ослабляло потенциалы советской пропаганды, что и проявилось в утрате идеологического влияния. Отказ от идеологии в постсоветский период, установки деидеологизации привели к крайне негативным последствиям для государства. В контексте СВО возникший запрос на идеологию нашёл отражение в Указе президента № 809¹.

Фактор цивилизационной идентичности

Война предполагает разделение на «своих-наших» и «чужих-врагов». Ощущение принадлежности к «своим» выражается через понятие «идентичность». Осознание единства общности перед лицом внешних угроз является важнейшим фактором военных побед. Противник, соответственно, стремится внести раскол в эту общность, столкнуть одни её части с другими. И, безусловно, единство советского народа явилось одним из важнейших факторов победы.

Особенность российской цивилизационной идентификации заключалась в двухуровневой системе идентичностей. Первый уровень был этнический, второй – цивилизационный. Будучи грузином, армянином, татарин, башкиром, немцем – этничность – человек в Российской империи мог являться в то же время русским – цивилизационное самосознание. Эта же модель была восстановлена

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 11.11.2024).

в СССР. Этнический уровень выражался сообразно с принятой терминологией понятием «национальность», цивилизационный – соотносился с идентификатором «советский» (советский народ). Понятие «советский народ», употребляемое ранее спорадически, прочно вошло в идеологический лексикон именно во время ВОВ. Можно сказать, что именно в войну общность «советский народ» и сложилась, став модификацией российской исторической общности¹.

В выступлениях советских лидеров периода войны акцентировался многонациональный характер советского государства, приверженность принципам интернационализма. Это позиционирование противопоставлялось германскому расизму. В первом с начала войны обращении Сталина по радио к народу 3 июля 1941 г. руководитель советского государства упомянул 12 народов СССР, подчеркнув, что им угрожает разрушение национальной культуры и национальной государственности, онемечивание и их «превращение в рабов немецких князей и баронов»².

Непосредственно во время Московской битвы доснимался один из главных фильмов, демонстрирующих интернациональную политику СССР – «Свинарка и пастух». Слова о дружбе народов были внесены и в гимн Советского Союза.

Многонациональный характер СССР германское руководство пыталось использовать для организации внутреннего раскола. Велась пропаганда сепаратизма, создавались соответствующие националистические организационные структуры. Утверждать, что эта пропаганда была полностью безрезультатной, нельзя. Прецеденты коллаборационизма под вывеской борьбы за национальное осво-

бождение имели место. Но ни у одного из советских народов они не приобрели характер доминантной позиции. Значительным этнический коллаборационизм был только в регионах, присоединённых к СССР накануне войны, где идеи советского интернационализма не распространились столь же глубоко, как на остальной советской территории. Звания Героя Советского Союза были удостоены представители 68 народов. Среди них были и представители народов, подвергшихся депортации [51].

«Европейский альянс» оказался гораздо более внутренне разобщён и к концу войны распался. Бывшие союзники Германии – Италия, Болгария, Румыния, Финляндия, Венгрия – на финальной стадии военного противостояния повернули оружие против немцев.

Вместе с тем интернационалистского подхода для противостояния с врагом было недостаточно. Нужно было обращение к глубинным цивилизационным кодам, пробуждение связанных с идентичностью чувств любви к Родине. Война в Испании показала важность, но недостаточность интернационалистской идеи (движение Интербригад).

Каждая система должна иметь системообразующее ядро. Системообразующим ядром СССР выступал русский народ. Понимание государствообразующей роли русского народа утверждается на уровне властного и культурного дискурса в предвоенные годы. В кинофильме 1938 г. «Александр Невский» исполнялась мобилизующая песня «Вставайте, люди русские!». В переработанной в 1939 г. версии оперы «Жизнь за царя», вышедшей под наименованием «Иван Сусанин», песня «Славься», адресуемая прежде царю, адресовалась теперь русскому народу.

Русская тема ещё более акцентируется во время войны. К. М. Симонов пишет во время войны пьесу «Русские люди», а А. Н. Толстой создаёт рассказ «Русский характер». Сам верховный главнокоман-

¹ Трайнин И. П. Советское социалистическое многонациональное государство. М.: Политиздат, 1940. С. 61; Шепилов Д. Т. Великий советский народ. М.: Правда, 1947. 48 с.

² Сталин И. В. Выступление по радио 3 июля 1941 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 59.

дующий произносит на кремлёвском приёме в честь командующих войсками Красной Армии тост «За русский народ!». Русский народ был назван Сталиным «руководящей силой Советского Союза»¹. Ни до, ни после такое позиционирование роли русского народа в СССР и Российской Федерации не допускалось. Только в 2020 г. в поправках в Конституцию Российской Федерации было внесено положение о государствообразующем народе, корреспондентное со сталинским тостом 1945 г.

Новым в сталинской национальной политике стало развитие во время войны темы славянского единства. Ранее в соответствии с доминировавшим в языковедении марризмом такая акцентировка рассматривалась как теоретически несостоятельная. Идея славянского единства выдвигалась как противовес идеологии пангерманизма. В крайне тяжёлый период 5 октября 1941 г. в Москве был учреждён Всеславянский комитет. С 1942 г. от его лица стал издаваться журнал «Славяне». Своё видение славянского вопроса И. В. Сталин изложил 28 марта 1945 г. на обеде в честь президента Чехословакии Э. Бенеша: «Мы, новые славянофилы, стоим за союз независимых славянских государств. Первая мировая война разыгралась на спинах славянских народов. Мы видим, что и Вторая мировая война идёт на спинах славянских народов. Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь. Франция не воевала, она впустила немцев в свои пределы, и можно сказать, что она не подверглась оккупации. Бельгия и Голландия не воевали – они покорно легли перед немцами и подняли лапки вверх. Англия? Англия – на островах, и её положение особое. Кто пострадал от немецкого разбоя, от немецкой оккупации? Чехословакия, Польша, Югославия, Со-

ветский Союз... Мы сейчас бьём немцев, побьём их и тогда, если и когда они вздумают поднять и развязать новую войну. Но чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов»². Слова о «новых славянофилах», равно как и противопоставление немцы–славяне, были в довоенное время невозможны. Впрочем, славянский вектор сталинской политики был в хрущёвские годы, как и многое другое, пересмотрен. Журнал «Славяне» был закрыт в 1958 г., а Всеславянский комитет сокращён до 1 человека [40].

После распада СССР прежняя модель советской идентичности была отменена. При этом она обнаружила такую прочность, что и по прошествии десятилетий значительные группы населения продолжали себя идентифицировать как советские. Однако построение новых общностей на основе этнических идентификаторов или идеи гражданской нации оказалось проблематичным. СВО обнаружила запрос на восстановление идентичности цивилизационной, которая являлась, хотя и в другом категориальном выражении, одним из значимых факторов победы в Великой Отечественной войне.

Фактор традиционных ценностей

Понятие «традиционные ценности» сравнительно недавно вошло в государственный дискурс России. Соответственно, и вопрос о факторной роли традиционных ценностей в победу в историографии войны отсутствовал. И эта постановка сегодня не будет идеологической конъюнктурой.

Действительно, традиционные ценности формируются исторически как факторы выживания соответствующих сообществ [7; 8]. В экстремальной ситуации, которой является война, традици-

¹ Сталин И. В. Выступления на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 228–229.

² Сталин И. В. Речи на обеде в честь Э. Бенеша 28 марта 1945 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 359–363.

онные ценности оказываются рецептурой цивилизационного самосохранения. На ценностях постмодерна или какого-то подобия им войны, естественно, не выигрываются [5; 6].

Советский Союз накануне войны являлся всё ещё преимущественно крестьянской страной. По данным переписи 1939 г., большинство советского населения – 67% – составляли жители сельской местности. Соответственно, крестьянской являлась преимущественно и армия. Структура населения западных государств была иной: в ней преобладали жители городов. Традиционные ценности могли, безусловно, сохраняться и в городах, но тенденция их девальвации соотносилась с урбанизационным процессом.

Коллективизм, взаимопомощь, привычка к физическому повседневному труду – всё это являлось важным фактором, определяющим преимущества советского солдата перед противником. Воспитанный в суровых условиях российской природы, он был более неприхотлив, чем жители Европы или Северной Америки, уже существенно развращённые комфортом.

Если использовать дихотомию ценностей Р. Инглхарта, следует констатировать, что ценностные установки выживания в СССР в соответствующий период доминировали явно над ценностями самовыражения [27; 85]. На Западе было уже не совсем так. В Германии, понимая, что население в городах значительно развращено, популяризировали движение «фелькиш» с идеалами крестьянского быта. К ограничению потребностей как патриотическому долгу призывала население в период войны американская пропаганда. Но всё-таки советский народ морально и физически был больше готов к трудностям войны.

Это не означает, что для победы следует устанавливать ограничения в качестве жизни. Такой вывод о вреде прогресса для военной мобилизации был бы абсур-

ден. Но воспитательные установки, связанные с минимизацией потребностей, готовностью переносить трудности и невзгоды, способностью выживать в экстремальных ситуациях, действительно крайне важны и являются важной характеристикой готовности социума к войне.

Важнейшей институцией сохранения традиционных ценностей является религия. Религиозность воюющих наций, как показывает опыт разных войн, объективно возрастает.

Советский Союз, между тем, являлся государством, идеология которого основывалась на позициях научного атеизма. Однако перепись 1937 г. показала относительно невысокие достижения атеистической пропаганды. Через 20 лет после установления советской власти верующих в СССР было больше, чем неверующих – 56,7% от всех выразивших свою позицию в отношении к религии. Среди не выразивших своего отношения, следует предположить, были преимущественно верующие, что и объясняет отказ от предоставления данных ввиду боязни репрессий. Таким образом, можно констатировать, что советское население вступало в войну как преимущественно население религиозное. Результаты переписи 1937 г. были, по-видимому, восприняты руководством крайне серьёзно, о чём свидетельствует отмена её итогов. Ни в одной из последующих советских переписей вопрос об отношении к религии более не формулировался [25].

С начала войны отношения советской власти и Русской православной церкви резко меняются. С одной стороны, Церковь обращается к пастве с призывом защиты Отечества. Уже 22 июня 1941 г. местоблюститель патриаршего престола, митрополит Сергей (Страгородский) обратился к пастырям и народу с благословением защитников Родины и выражением уверенности о том, что Господь дарует победу. Митрополит обращался в своём воззвании к образам русских былинных богатырей и историческим героям Рос-

сии – Александру Невскому, Дмитрию Донскому. В отличие от времени Гражданской войны, Церковь поддержала советскую власть, и эта поддержка, имея ввиду преобладание верующих, имела огромное значение [59]. Немцы рассчитывали на иную позицию сохранившихся в СССР церковных структур, но из всех крупных иерархов на сторону врага перешёл лишь один – митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский) [57].

Вслед за Православной церковью с призывом к борьбе с врагом выступили и объединения других традиционных конфессий. В 1942 г. муфтий Габдрахман Расулев, председатель Центрального духовного управления мусульман, издал фетву о джихаде гитлеровской Германии. С другой стороны, уже в июне-июле 1941 г. власть свёртывает атеистическую пропаганду. Были закрыты антирелигиозные издания: журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник», газета «Безбожник» и другие. В период войны активно открываются храмы, открыто и широко проводятся религиозные праздники, происходит возведение в сан священнослужителей. Обновленческая церковь фактически восстановилась в единстве с РПЦ и внутрицерковный конфликт, поддерживаемый ранее властями, был исчерпан. По инициативе митрополита Сергия (Страгородского) Православная церковь осуществила сбор средств на создание танковой колонны имени Дмитрия Донского. Мусульмане Дагестана также осуществили сбор средств на танковую колонну, названную именем имама Шамиля. На Архиерейском соборе РПЦ состоявшемся 8 сентября 1943 г. в день Бородинского сражения было принято решение о восстановлении патриаршества. Открываются религиозные учебные заведения. Фактически можно говорить о сложившемся во время войны альянсе советской власти и Церкви. Но в хрущёвский период с началом нового антирелигиозного наступления он был разрушен [44; 84].

В постсоветский период, несмотря на предоставленные свободы религиозным организациям, традиционные ценности в обществе продолжают девальвироваться. Пропаганда массовой культуры оказывалась масштабнее церковных проповедей. Фактически формировалась модель потребительского, гедонистического общества с морально распушенной культурной элитой. Для ситуации, требующей системной мобилизации, такая модель показывала полную нефункциональность. Возможно, эта инверсия являлась главной утратой в перечне факторов победы. Не случайно, что Указ президента о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей, принятие которого блокировалось либеральной критикой ещё в январе 2022 г., через несколько месяцев с начала СВО был принят, став фактически основой нового ценностно-мировоззренческого строительства.

Фактор воспитания

Известны слова, приписываемые разным мыслителям, государственным и общественным деятелям, о том, что победы в войнах одерживаются школьными учителями. Действительно, учителя через систему образования и воспитания формируют сообщество, которое превосходит противника во время войны по своим качествам или уступает ему. Признание важнейшей роли советской школы в победе СССР над США в космической гонке может быть дополнено констатацией её огромного значения в победе в Великой Отечественной войне. Благодаря усилиям советского образования и воспитания был создан тип человека, наделённый такими характеристиками, как патриот, коллективист, носитель целостного мировоззрения, обладатель базовых технологических компетенций и неинструктивистского мышления.

Соответствующий тип образования утвердился в СССР после периода педагогических экспериментов с середины

1930-х гг. Это была неоклассическая модель, опиравшаяся на русскую традицию в педагогике. Рядом решений государства были отменены экспериментальные подходы – метод проектов или система комплексов. В школах была восстановлена классно-урочная система, школьная дисциплина, учебники. Учитель вновь был наделён ролью наставника жизни. Специальным постановлением с 1934 г. вновь в образование вернулось преподавание истории. Сталин принимал личное участие в формировании содержания исторического образования. И сформированная неоклассическая система советского образования прошла проверку в критических условиях войны [5; 6].

Война показала несостоятельность теории свободного индивидуалистического воспитания. Человек-индивидуалист оказался не способен выдерживать те нагрузки, которые дали военные годы. Наиболее функциональными в условиях войны оказались немецкая и русская педагогические школы. И война, помимо прочих противоречий противостоящих систем, стала ещё и конкуренцией двух педагогик.

Отличительными особенностями немецкой системы были инструктивизм и особое значение, придаваемое дисциплине. В войнах классических эти качества обуславливали успехи германской армии. Но война на восточном фронте носила экзистенциальный характер, и инструктивизм в ней давал сбой. Советское военное командование, в отличие от германского, в решающих сражениях действовало не по инструкции. Советский солдат оказался сильнее немецкого в силе духа, проявляемого в т. ч. в способности преступить черту жизни и смерти, выйти за рамки классической рациональности.

Во время Великой Отечественной войны повышенное внимание к образованию советского руководства сохранялось. В 1943 г. была учреждена Академия педагогических наук РСФСР – прообраз современной Российской Академии об-

разования. Негативный опыт первых военных лет обусловил решение восстановления существовавшего до революции раздельного обучения мальчиков и девочек. Война показала, что мужское и женское воспитание имеют фундаментальное различие и смешанное обучение себя не оправдывает. Уже в хрущёвские годы произошло восстановление смешанного обучения, и правильность такого шага сегодня вызывает сомнения [21].

Замена традиций коллективистской педагогики новыми модификациями теории свободного воспитания в перестроечный период ослабил, безусловно, воспитательные потенциалы школы. В ходе реформ 1990-х гг. далее оказались поражены наиболее сильные для условий военного времени стороны отечественного образования.

Фактор научно-технических потенциалов

Война во все времена предполагала соперничество военно-технических потенциалов противоборствующих армий. По мере технического прогресса значение этого фактора объективно возрастает. Специальная военная операция продемонстрировала возможности новых образцов военной техники. Гонка вооружений имеет как количественную сторону, так и качественную. Количественная сторона связана с потенциалами экономики, качественная – с потенциалами науки. Новые образцы военной техники, появившиеся на вооружении Красной Армии в предвоенный период и непосредственно в период войны, превосходили в целом аналоги в армиях других государств. Превосходство в сравнении с военной техникой армий западных демократий было очевидным. Вермахт имел в целом качественные образцы военной техники, но и они, по оценке экспертов, уступали советским новым образцам¹.

¹ Калашников К., Феськов В., Чмыхало А., Голиков В. Красная Армия в июне 1941 года (статистический сборник). Новосибирск: Сибирский

Системные успехи в науке между тем не могут быть достигнуты исключительно за счёт учёных-самородков. Научным изобретениям и их внедрениям в военную сферу предшествовала институционализация научных институций, включая конструкторские бюро. Причём реализуемые проекты носили не грантовый, краткосрочный, а инфраструктурный, долгосрочный, характер. Но и этим объяснение советского технического прорыва не исчерпывалось. Важным недоучтённым фактором являлось массовое движение изобретателей, формирование общей культурной обстановки вокруг идеи научно-технической революции. Соответствующий фундамент задавался и принципом политехнического образования, положенным в основание советской школы.

Результатом стало появление непосредственно перед войной или уже в военные годы новых образцов военной техники:

- стрелкового оружия: пистолет-пулемёт Шпагина (1941), пистолет-пулемёт Судаева (1943), противотанковое ружьё Дегтярёва (1941), противотанковое ружьё Симонова (1941);

- артиллерии: 122-мм гаубица М-30 (1938), 45-мм противотанковая пушка М-42 (1942), 57-мм противотанковая пушка ЗИС-2 (1941/1943), 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3 (1942), 100-мм полевая пушка БС-3 (1944), 120-мм полковой миномёт (1938/1943), боевая машина реактивной артиллерии БМ-13 «Катюша» (1941);

- танков и самоходных артиллерийских установок: средний танк Т-34-76 (1940), средний танк Т-34-85 (1941), тяжёлый танк КВ-1 (1940), тяжёлый танк ИС-2 (1943), самоходная артиллерийская установка СУ-76 (1942), самоходная артил-

лерийская установка СУ-85 (1943), самоходная артиллерийская установка СУ-100 (1943), самоходная артиллерийская установка СУ-122 (1942), самоходная артиллерийская установка ИСУ-122/ИСУ-122С (1943/1944), самоходная артиллерийская установка СУ-152/ИСУ-152 (1943);

- самолетов: истребитель Як-1 (1940), истребитель МиГ-3 (1940), истребитель Як-3 (1943), истребитель ЛА-5/ЛА-7 (1942), штурмовик ИЛ-2 (1941), пикирующий бомбардировщик ПЕ-2 (1940), фронтовой бомбардировщик ТУ-2 (1942), дальний бомбардировщик ДБ-3Ф/ИЛ-4 (1938), транспортный самолёт ЛИ-2 (1940) и др.

Одного перечня образцов военной техники достаточно для отражения масштабов работы конструкторской мысли¹.

Недофинансирование науки, установки о переизбыточности развития оборонной сферы в постсоветский период едва не привели к упразднению одного из важнейших факторов победы. Восстановление отечественного ВПК, оказавшегося неожиданностью для вероятных противников, стало ключевым свершением курса президента В. В. Путина по восстановлению суверенных потенциалов России.

Фактор социального равенства

Опыт Первой мировой войны демонстрировал, к каким последствиям в условиях военного времени могут привести социальные диспаритеты. По итогам кампании 1916 г. положение на фронтах было достаточно оптимистическим. Но Российская империя пала не под ударами неприятеля, а в результате Февральской революции. Важнейшим фактором успеха революционного движения являлся критический уровень неравенства в России. Но идеи свободы и равенства в условиях войны подорвали в итоге построенную на иерархии военную систему

хронограф, 2003. 204 с. Сравнительная оценка Вооружённых сил СССР и армий стран фашистского блока к началу войны // Исторические материалы: [сайт]. URL: <https://istmat.org/node/26037> (дата обращения: 11.11.2024).

¹ Шунков В. Н. Полная энциклопедия вооружений СССР Второй мир войны 1939–1945. М.: Харвест, 2010. 288 с.

[15]. Основанный на этих идеях Приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов одновременно, по оценке военных, полностью подорвал боеспособность российской армии [24]. Социальные протесты явились и фактором поражения в Первую мировую войну Германии. К моменту окончания военных действий фронты проходили за пределами германской территории, но Ноябрьская революция 1918 г. подорвала способности империи к сопротивлению. Хотя и сводить германское поражение исключительно к «удару в спину» было бы неоправданным преувеличением [45].

Советский Союз позиционировался как государство, в котором впервые в мире (если не считать краткосрочного и локального опыта Парижской коммуны) оказалась отменена эксплуатация человека человеком. Соответствующие положения нашли отражение в Конституции СССР 1936 г., на тот момент самой демократической из всех мировых конституций. В конституционный текст были включены даже принципы, не вполне соотносящиеся с юридической стилистикой документа: «кто не работает, тот не ест», «от каждого по способностям, каждому по труду»¹. Советский патриотизм рассматривался не только как защита Отечества, но и того общественного строя, который даёт человеку соответствующие социальные права. Безусловно, жизнь советского человека в предвоенный период оставалась крайне тяжёлой. Но в сравнении с жизнью до революции, о которой ещё сохранялись живые воспоминания, большинство видело существенные улучшения и было готово их защищать. Важным было и отсутствие разрывов в качестве жизни, которые имели место в Первой мировой войне.

Сталин в обращении по радио к советскому народу 3 июля 1941 г. говорил в т. ч. и с позиций угрозы для социальных завоеваний. Целью агрессии указывалось «восстановление власти помещиков, восстановление царизма». Естественно, таких целей германский нацизм не преследовал. Но тогда в июле 1941 г. ещё казалось возможным использование идеологических штампов эпохи Гражданской войны².

Отражением реального равенства являлось участие в боях на передовой детей высшей партийно-государственной элиты. Среди них: дети Сталина – Яков (погиб), Василий, а также приёмный Артём Сергеев (получил в боях 24 ранения, включая тяжелейшую рану от удара штыком в живот, свидетельствующую об участии в рукопашных столкновениях); сын Берии – Серго, сын Булганина – Лев, сыновья Микояна – Степан, Владимир (погиб под Сталинградом) и Алексей, приёмные сыновья Ворошилова – Тимур Фрунзе и Леонид Нестеренко, сын Щербакова – Александр.

Постсоветская приватизация привела к стремительному росту социальных диспаритетов. По индикаторам неравенства современное положение нельзя признать благополучным, тем более в России, имевшей советский опыт. Социальные диспаритеты должны быть взяты в акцентированное рассмотрение в фокусе проблемной повестки обеспечения национальной безопасности, особенно на фоне возрастающей военной эскалации. Неравенство объективно препятствует консолидированности общества, критически необходимого в ситуации внешне-противостояния.

Заключение

Проведённый анализ подтверждает тезис о том, что победа СССР в Великой Отечественной войне носила системный

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 11.11.2024).

² Сталин И. В. Выступление по радио 3 июля 1941 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 56–61.

характер. Система, позволившая победить, включала широкий спектр факторов, ряд которых приобрёл в военных условиях ключевое значение. Важно зафиксировать, что вся система была сориентирована на то, чтобы выдерживать экстремальные воспитание и сверхвысокие нагрузки. Этим она отличалась от систем, сориентированных на максимизацию удовлетворения потребностей и индивидуальных запросов человека. Страна в предвоенные годы жила установкой неизбежности грядущей войны, а с её началом – императивом «Все для фронта! Все для победы!». Ряд факторов победы был создан целевым образом в результате системной реорганизации, начатой под влиянием военной тревоги 1927 г. Другие оказались активированы либо непосредственно перед войной, либо уже в военное время. Определённые факторы победы связывались со спецификой советской системы и большевистской идеологии. Другие были заложены в фундаментальных основаниях российской цивилизации. Соединение советских системных компонент и российских, цивилизационных, дало синергичный эффект в годы войны. Теория государства-цивилизации даёт основания для осмысления потенциалов этого соединения.

Деактивация факторов победы началась в хрущёвский период истории СССР в рамках кампании десталинизации. В дальнейшем в позднесоветский период отключение и ослабление их определялось видением невозможности новых войн, подобных Второй мировой. Выдвинутый в годы перестройки концепт «нового мышления» подводил к установке ревизии советской модели, по мнению реформаторов, неоправданно ориентированную на потенциальную военную угрозу. В постсоветский период факторы Победы подверглись системной ликвидации как наследие «тоталитаризма» и «командно-административной системы».

Произошедшие изменения привели к принципиальному ослаблению потенциалов России в фокусе возможной «большой войны». Не исключено, что это ослабление политически поддерживалось со стороны потенциальных противников.

Создаваемая иллюзия завершения эпохи конфронтаций («конца истории») привела к ряду стратегических ошибок. Новая военная эскалация в мире обнаружила ошибочность прежнего либерального курса. Восстановление потенциалов страны на перспективу новых военных вызовов составило осевую компоненту политики президента В. В. Путина.

Специфика этого восстановления состояла, в частности, в сравнении с советской индустриализацией, в том, что многое приходилось осуществлять в латентном формате, в режиме закрытости от внешних акторов, которые могли бы блокировать соответствующие процессы. Когда же оно стало очевидным, помешать ему они уже были не в состоянии. Вместе с тем к началу новых военных конфронтаций не всё удалось успеть.

Сформированная в 1990-е гг. под задачи вхождения в Западный мир система продолжала действовать инерционным образом. Определённые компоненты, необходимые для успешного противостояния противнику, были реактивированы уже по ходу Специальной военной операции. Возник запрос на использование советского опыта противостояния Западу и непосредственно опыта Великой Отечественной войны.

Безусловно, обращение к этому опыту не должно быть прямым копированием. Мир изменился существенно, изменились и военные практики. Но фундаментально опыт Победы сохраняет свою актуальность. Главные испытания, по-видимому, ещё впереди, и к ним Россия должна подойти максимально подготовленной.

Дата поступления в редакцию 24.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. Париж: Ymca-Press, 1980. 340 с.
2. Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется?: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Россия молодая, 1992. 299 с.
3. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 552 с.
4. Бабинов Ю. А. Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. Симферополь: Таврия, 1991. 124 с.
5. Багдасарян В. Э. Российское образование: выбор пути. М.: Отчий дом, 2019. 336 с.
6. Багдасарян В. Э., арх. Сильвестр (Лукашенко). Педагогические системы: цивилизационно-ценностные основания. Ярославль: Индиго, 2023. 418 с.
7. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко). Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства. Ярославль: Шукаев и семья. 2024. 296 с.
8. Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль: ОАО «СПК», 2022. 256 с.
9. Баландина О. А. Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны: организация, кадры, направления деятельности Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны: организация, кадры, направления деятельности: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. 294 с.
10. Бартенев С. А., Вербило А. Н., Комков Г. Д. Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1985. 312 с.
11. Белоненко Е. О., Римский В. П. Капитализация времени в цивилизации модерна // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 1. С. 5–24.
12. Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. М.: ИздАТ, 2003. 412 с.
13. Бешанов В. В. Трусами завалили! От Ржевской мясорубки до Днепровского побоища. М.: Эксмо, 2011. 864 с.
14. Блинов В. В. Становление советской идеократии как новой эффективной формы централизованного государства в XX веке (1917–1953) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 106–113.
15. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОС-СПЭН, 1997. 376 с.
16. Бунич И. Л. Операция «Гроза», или Кровавые игры диктаторов. СПб.: Облик, 1997. 572 с.
17. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М.: РАН ИРИ, 1999. 212 с.
18. Вишлёв О. В. Западные версии высказываний И. В. Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 93–115.
19. Вождь, хозяин, диктатор / сост. А. М. Разумихин. М.: Патриот, 1990. 575 с.
20. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М., 2021. 360 с.
21. Гончарова Г. Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943–1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М.: ИД Высшей школы экономики, 2013. 28 с.
22. Горбачевский Б. С. Победа вопреки Сталину. Фронтовик против сталинистов. М.: Эксмо, 2012. 416 с.
23. Емельянов Ю. В. 10 мифов о Сталине. М.: Эксмо, 2009. 352 с.
24. Жарский А. П., Коршунов Э. Л., Михайлов А. А. «В мае-июне 1917 г. наша армия уже не была организованной массой: это была развращённая и разнузданная толпа». Причины крушения Императорской армии на исходе Первой мировой войны в воспоминаниях и дневниках русской военной эмиграции // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 78–86.
25. Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937 году // Исторический вестник. 2000. № 5. С. 105–114.
26. Жуков Ю. Н. Великий обман, или Хрущёв против «оттепели». М.: Концептуал, 2024. 176 с.
27. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–23.
28. Иного не дано / ред. Ю. Н. Афанасьев. М.: Прогресс, 1988. 675 с.

29. Ипполитов Г. М., Филатов Т. В. Исторический феномен морального духа армии в войне // Свободная мысль. 2023. № 1. С. 187–198.
30. Исаев А. В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 416 с.
31. Исаев А. В. Прорыв «Линии Сталина» на Украине в 1941 г. // Перспективы науки. 2012. № 4. С. 17–23.
32. Исаев А. В. Прорыв «Миус-фронта» июль–август 1943 года. М.: Стратегия КМ, 2006. 80 с.
33. Историки спорят. Тринадцать бесед / ред. В. С. Лельчук. М.: Политиздат, 1989. 510 с.
34. История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века / под ред. С. В. Гришачева. М.: Аспект Пресс, 2015. 336 с.
35. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
36. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
37. Касьян И. Н. Исторические аспекты строительства оборонительных сооружений в 1920–1930-х годах на западной границе СССР: «линия Сталина» // *Juvenis scientia*. 2018. № 4. С. 36–39.
38. Катасонов В. Ю., Платонов О. А. Экономика Сталина. М.: Кислород, 2014. 416 с.
39. Кашеваров А. Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной церкви. 1917–1945 гг. СПб.: СПб ГТУ, 1995. 138 с.
40. Кикешев Н. И. Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы: дис. ... канд. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2008. 605 с.
41. Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1939–1964). М.: Алгоритм, 1999. 400 с.
42. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. 768 с.
43. Кревельд ван М. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2005. 343 с.
44. Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011. 720 с.
45. Ланник Л. В. Накануне «удара в спину»: германская армия осенью 1918 г. // Первая мировая, Версальская система и современность. Вып. 2 / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. А. Малыгина. СПб., 2014. С. 274–284.
46. Лившин А. Я. «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. Вып. 50. С. 190–204.
47. Лопатнюк С. Государственный переворот в Польше 1926 года и иностранные государства // Вопросы истории. 1969. № 2. С. 88–97.
48. Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М.: Яуза, Эксмо, 2010. 733 с.
49. Лукьянин В. В. Эвакуация 1941–1942 гг. М.: Вече, 2023. 512 с.
50. Майзенберг Л. Ценообразование в народном хозяйстве СССР. М.: Госполитиздат, 1953. 260 с.
51. Малинский Г. Герои Советского Союза по национальности [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2009/08/16/901> (дата обращения: 11.11.2024).
52. Мединский В. С. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: Просвещение-Союз, 2024. 704 с.
53. Морозова Е. Б. Нацистский миф сквозь призму германо-скандинавской мифологии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. Т. 4. № 27. С. 397–401.
54. Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1988. 445 с.
55. Никонов А. П. «Бей первым!» Главная загадка Второй Мировой. СПб.: Энас, 2008. 446 с.
56. Носов К. С. Фортификационная лихорадка в Европе между двумя мировыми войнами // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 42–50.
57. Обозный К. П. Планы и перспективы объединения православных церквей на оккупированных территориях СССР и Центральной Европы под эгидой экзарха Сергия (Воскресенского) в 1941–1944 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 88. С. 58–77.
58. Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны: (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М.: Российское объединение исследователей религии, 2005. 540 с.
59. Одинцов М. И. Патриарх Сергий. М.: Молодая гвардия, 2013. 396 с.

60. Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 29–71.
61. Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 41–70.
62. Осмыслить культ Сталина / ред. Х. Кобо. М.: Прогресс, 1989. 656 с.
63. Павлов Д. А., Павлова А. Л. Патриотическое воспитание в Советском Союзе в 30–40 гг. XX века. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 3. С. 87–94
64. Попов В. И. Англо-советские отношения 1927–1929. М.: Издательство института международных отношений, 1958. 191 с.
65. Пыхалов И. В. Великая обогнанная война. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 480 с.
66. Русская православная церковь 988–1988. Очерки истории. 1917–1988. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1988. 111 с.
67. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: АСТ, 2020. 1072 с.
68. Сидоров А. В. Сталинизм: опыт и уроки осмысления // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7. С. 137–142.
69. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
70. Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: Алетей, 1998. 348 с.
71. Соколов Б. В. Кто воевал числом, а кто – умением. Чудовищная правда о потерях СССР во Второй Мировой. М.: Яуза, 2011. 357 с.
72. Соколов Б. В. СССР и Россия на бойне. Людские потери в войнах XX века. М.: Эксмо, 2013. 448 с.
73. Соловьев Б., Суходеев В. Секретный доклад Н. С. Хрущева // Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997. С. 441–457.
74. Солонин М. С. Мозгоимение. Фальшивая история Великой войны. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 656 с.
75. Сорокин А. Учебник должен быть «образцом для всех» // Родина. 2014. № 3. С. 84–91.
76. Спицын Е. Ю. Ложь и правда о советской экономике. Советская держава в 1945–1985 гг. М.: Концептуал, 2024. 816 с.
77. СССР в Великой Отечественной Войне. 1941–1945 / под ред. С. М. Кляцкина, А. М. Сеницына. М.: Воениздат, 1970. 856 с.
78. Стариков Н. В. Фальсификаторы истории. Правда и ложь о Великой войне. СПб.: Питер, 2015. 272 с.
79. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?: Нефантастическая повесть-документ: М.: Новое время. 1992. 352 с.
80. Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма / сост. Ю. П. Сенокосов. М.: Политиздат, 1989. 510 с.
81. Тамоников А. Испанская прелюдия. М.: Эксмо-Пресс, 2021. 320 с.
82. Тимошенко А. И. Урало-кузбасс: создание второй угольно-металлургической базы экономики СССР в 1930-е гг // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 1. С. 70–92.
83. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя: Просчёты советского планирования и будущее России. М.: Научно образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.
84. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М.: Хроника, 1994. 253 с
85. Шевченко М. А. От ценностей выживания к ценностям самовыражения: переход к постиндустриальному обществу // Практики воспроизводства ценностей: гуманитарный, социальный и экономический аспекты: тезисы докладов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 336–338.

REFERENCES

1. Agursky M. S. *Ideologiya natsional-bolshevizma* [Ideology of National Bolshevism]. Paris, Ymca-Press Publ., 1980. 340 p.
2. Alekseev V. A. «*Shturm nebes*» *otmenyayetsya?*: *Kriticheskiye ocherki po istorii bor'by s religiyey v SSSR* [Is “Storming the Heavens” Cancelled?: Critical Essays on the History of the Struggle against Religion in the USSR]. Moscow, Rossiya molodaya Publ., 1992. 299 p.
3. Assman A. *Zabveniyey istorii – oderzhimost muzhchin* [Oblivion of History – Obsession with History]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2024. 552 p.

4. Babinov Yu. A. *Gosudarstvenno-tserkovnyye otnosheniya v SSSR: istoriya i sovremennost* [State-Church Relations in the USSR: History and Modernity]. Simferopol, Tavria Publ., 1991. 124 p.
5. Baghdasaryan V. E. *Rossiyskoye obrazovaniye: put vybora* [Russian Education: Choosing a Path]. Moscow, Otchiy Dom Publ., 2019. 336 p.
6. Baghdasaryan V. E., Archimandrite Sylvester (Lukashenko). *Pedagogicheskiye sistemy: tsivilizatsionno-tsennostnyye osnovaniya* [Pedagogical systems: civilizational and value foundations]. Yaroslavl, Indigo Publ., 2023. 418 p.
7. Baghdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Archimandrite Sylvester (Lukashenko). *Traditsionnyye tsennosti kak osnova novogo mirovozzrencheskogo stroitelstva* [Traditional values as the basis for new ideological construction]. Yaroslavl, Shukayev i semya Publ., 2024. 296 p.
8. Baghdasaryan V. E., Sylvester (Lukashenko), Archimandrite. *Traditsionnyye tsennosti: strategiya tsivilizatsionnogo vrozozhdeniya* [Traditional values: strategy of civilizational revival]. Yaroslavl, OJSC "SPK" Publ., 2022. 256 p.
9. Balandina O. A. *Sovinformbyuro v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: organizatsiya, kadry, napravleniya deyatel'nosti Sovinformbyuro v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: organizatsiya, kadry, napravleniya deyatel'nosti : dis. ... kand. ist. nauk* [Sovinformburo during the Great Patriotic War: organization, personnel, areas of activity Sovinformburo during the Great Patriotic War: organization, personnel, areas of activity: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. St. Petersburg, 2022. 294 p.
10. Bartenev S. A., Verbilov A. N., Komkov G. D. *Istochniki pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Sources of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 312 p.
11. Belonenko E. O., Rimsky V. P. [Capitalization of Time in the Modern Civilization]. In: *Nauka. Iskustvo. Kultura* [Science. Art. Culture], 2015, Iss. 1, pp. 5–24.
12. Belousov R. A. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: XX vek* [Economic History of Russia: 20th Century]. Moscow, Izdat Publ., 2003. 412 p.
13. Beshanov V. V. *Trupami zavalili! Ot Rzhevskoy myasorubki do Dneprovskogo poboishcha* [Filled with Corpses! From the Rzhev Meat Grinder to the Dnieper Battle]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 864 p.
14. Blinov V. V. [Formation of Soviet Ideocracy as a New Effective Form of a Centralized State in the 20th Century (1917–1953)]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Studies], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 106–113.
15. Buldakov V. P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnoy voyny* [The Red Troubles. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 376 p.
16. Bunich I. L. *Operatsiya «Groza», ili Krovavye igry diktatorov* [Operation "Storm", or the Bloody Games of Dictators]. St. Petersburg, Oblik Publ., 1997. 572 p.
17. Vasilyeva O. Yu. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [The Russian Orthodox Church in the Policy of the Soviet State in 1943–1948]. Moscow, RAS IRI Publ., 1999. 212 p.
18. Vishlev O. V. [Western Versions of I. V. Stalin's Statements on May 5, 1941 Based on Materials from German Archives]. In: *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and Contemporary History], 1999, no. 1, pp. 93–115.
19. Razumikhin A. M., ed. *Vozhd, khozyain, diktator* [Leader, Master, Dictator]. Moscow, Patriot Publ., 1990. 575 p.
20. Galushka A. S., Niyazmetov A. K., Okulov M. O. *Kristall rosta. K angliyskomu vladeltsu chudu* [Crystal of growth. Towards the Russian economic miracle]. Moscow, 2021. 360 p.
21. Goncharova G. D. *Period razdel'nogo obucheniya v SSSR v 1943–1945 gg. i yego otrazheniye v literature i iskusstve* [The Period of Separate Education in the USSR in 1943–1945 and Its Reflection in Literature and Cinematography]. Moscow, ID Vyshey shkoly ekonomiki Publ., 2013. 28 p.
22. Gorbachevsky B. S. *Pobeda vopreki Stalinu. Frontovik protiv stalinistov* [Victory in Spite of Stalin. A Frontline Soldier Against the Stalinists]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 416 p.
23. Yemelyanov Yu. V. *10 mifov o Staline* [10 Myths about Stalin]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 352 p.
24. Zharsky A. P., Korshunov E. L., Mikhailov A. A. ["In May–June 1917, Our Army Was No Longer an Organized Mass: It Was a Depraved and Unbridled Crowd." The Causes of the Collapse of the Imperial Army at the End of World War I in the Memoirs and Diaries of Russian Military Emigration]. In: *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Journal], 2017, no. 2, pp. 78–86.

25. Zhyromskaya V. B. [Religiosity of the People in 1937]. In: *Istoricheskiy vestnik* [Historical Bulletin], 2000, no. 5, pp. 105–114.
26. Zhukov Yu. N. *Velikiy obman, ili Khrushchov protiv «ottepeli»* [The Great Deception, or Khrushchev Against the “Thaw”]. Moscow, Conceptual Publ., 2024. 176 p.
27. Inglehart R. [Postmodernism: Changing Values and Changing Societies]. In: *Polis* [Polis], 1997, no. 4, pp. 6–23.
28. Afanasyev Yu. N., ed. *Inogo ne dano* [No Other Way]. Moscow, Progress Publ., 1988. 675 p.
29. Ippolitov G. M., Filatov T. V. [Historical phenomenon of the army's morale in war]. In: *Svobodnaya mysl* [Free Thought], 2023, no. 1, pp. 187–198.
30. Isaev A. V. *Antisuvorov. Desyat mifov Vsemirnogo mira* [Antisuvorov. Ten myths of World War II]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2004. 416 p.
31. Isaev A. V. [Breakthrough of the “Stalin Line” in Ukraine in 1941]. In: *Perspektivy nauki* [Prospects of Science], 2012, no. 4, pp. 17–23.
32. Isaev A. V. *Proryv «Mius-fronta» iyul–avgust 194 goda* [Breakthrough of the “Mius Front” July–August 1943]. Moscow, Strategy KM Publ., 2006. 80 p.
33. Lelchuk V. S., ed. *Istorii sporyat. Trinadtsat besed* [Historians Argue. Thirteen Conversations]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 510 p.
34. Grishachev S. V., ed. *Istoriya rossiysko-yaponskikh otnosheniy: XVIII – nachalo XXI veka* [History of Russian-Japanese Relations: 18th – Early 21st Century]. Moscow, Aspect Press Publ., 2015. 336 p.
35. Isupov V. A. *Demograficheskiye katastrofy i krizisy v Rossii v nachale XX veka: istoriko-demograficheskiye ocherki* [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the 20th century: historical and demographic essays] Novosibirsk, Sibirsky khronograf Publ., 2000. 244 p.
36. Camus A. *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskustvo* [Rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 415 p.
37. Kasyan I. N. [Historical aspects of the construction of defensive structures in the 1920–1930s on the western border of the USSR: “Stalin line”]. In: *Juvenis scientia*, 2018, no. 4, pp. 36–39.
38. Katasonov V. Yu., Platonov O. A. *Ekonomika Stalina* [Stalin's Economy]. Moscow, Kislorod Publ., 2014. 416 p.
39. Kashevarov A. N. *Gosudarstvo i tserkov': Iz istorii izmeneniya Sovetskoy vlasti i Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [State and Church: From the History of Relations between Soviet Power and the Russian Orthodox Church. 1917–1945]. St.Petersburg, SPb GTU Publ., 1995. 138 p.
40. Kikeshev N. I. *Slavyanskoye dvizheniye v SSSR: 1941–1948 gody: dis. ... kand. ist. nauk* [Slavic Movement in the USSR: 1941–1948: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, IRI RAN Publ., 2008. 605 p.
41. Kozhinov V. V. *Rossiya. Vek XX-y (1939–1964)* [Russia. The 20th Century (1939–1964)]. Moscow, Algorithm Publ., 1999. 400 p.
42. Kondratyev N. D. *Predshestvuyut bolshiye tsikly konyunktury i teorii videniya* [Large Cycles of Conjunction and the Theory of Foresight]. Moscow, Ekonomika Publ., 2002. 768 p.
43. Creveld van M. *The Transformation of war* (Rus. ed.: Kuznetsov Yu., transl. *Transformatsiya voyny*. Moscow, IRIS Publ., 2005. 343 p.)
44. Kurl'yandsky I. A. *Stalin, vlast, religiya (religioznyy i tserkovnyy faktory vo vnutrenney politike sovet-skogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, Power, Religion (Religious and Church Factors in the Domestic Policy of the Soviet State in 1922–1953)]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2011. 720 p.
45. Lannik L. V. [On the Eve of the “Stab in the Back”: The German Army in the Autumn of 1918]. In: Novikova I. N., Pavlov A. Yu., Malygina A. A., eds. [The First World War, the Versailles System, and Modernity. Iss. 2]. St. Petersburg, 2014. P. 274–284.
46. Livshin A. Ya. [“War Alarm” of 1927 and Public Sentiment in the Soviet Union]. In: *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin], 2015, iss. 50, pp. 190–204.
47. Lopatnyuk S. [The Coup d'état in Poland in 1926 and Foreign States]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 1969, no. 2, pp. 88–97.
48. Lopukhovskiy L. N., Kavalerchik B. K. *Iyun 1941 goda. Zaprogrammirovannoye povrezhdeniye* [June 1941. Programmed Defeat]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2010. 733 p.

49. Lukyanin V. V. *Evakuatsiya 1941–1942 gg.* [Evacuation of 1941–1942]. Moscow, Veche Publ., 2023. 512 p.
50. Maisenberg L. *Tsenoobrazovaniye v narodnom khozyaystve SSSR* [Pricing in the National Economy of the USSR]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953. 260 p.
51. Malinsky G. *Geroi Sovetskogo Soyuz po natsionalnosti* [Heroes of the Soviet Union by Nationality]. Abstract at: <https://proza.ru/2009/08/16/901> (accessed: 11.11.2024).
52. Medinsky V. S. *Voyna. Mify SSSR. 1939–1945* [War. Myths of the USSR. 1939–1945]. Moscow, Prosveshchenie-Soyuz Publ., 2024. 704 p.
53. Morozova E. B. [Nazi myth through the prism of German-Scandinavian mythology]. In: *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i nauchnykh nauk* [Actual problems of the humanitarian and natural sciences], 2011, vol. 4, no. 27, pp. 397–401.
54. Nikolsky N. M. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 445 p.
55. Nikonov A. P. «*Bey pervym!*» *Glavnaya zagadka Vtoroy Mirovoy* ["Strike First!" The Main Riddle of World War II]. St. Petersburg, Enas Publ., 2008. 446 p.
56. Nosov K. S. [Fortification Fever in Europe between the Two World Wars]. In: *Voyenno-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 2017, no. 3, pp. 42–50.
57. Obozny K. P. [Plans and Prospects for the Unification of Orthodox Churches in the Occupied Territories of the USSR and Central Europe under the Auspices of Exarch Sergius (Voskresensky) in 1941–1944]. In: *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Bulletin of PSTGU. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church], 2019, iss. 88, pp. 58–77.
58. Odintsov M. I. *Vlast i religiya v gody voyny: (Gosudarstvo i nezavisimost' v organizatsii SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.)* [Power and Religion during the War Years: (The State and Religious Organizations in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945)]. Moscow, Rossiyskoye obyedineniye vzglyadov na religiyu Publ., 2005. 540 p.
59. Odintsov M. I. *Patriarkh Sergiy* [Patriarch Sergius]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2013. 396 p.
60. Odintsov M. I. [The Path of Seven Decades: From Confrontation to Cooperation (State-Church Relations in the History of Soviet Society)]. In: *Na puti k svobode sovesti* [On the Path to Freedom of Conscience]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 29–71.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Системные факторы победы СССР в Великой Отечественной войне в исторической и актуальной повестке // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 7–39.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-7-39

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E. Systemic factors of the USSR's victory in the great patriotic war in the historical and current agenda. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 7–39.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-7-39

УДК 94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-40-50

22 ИЮНЯ 1941 Г.: СИЛЫ ПРОТИВОСТОЯЩИХ СТОРОН

Шульц Э. Э.*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация**Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить соотношение сил РККА и вермахта на 22 июня 1941 г. с точки зрения технического оснащения по основным видам дорогостоящих и ресурсоёмких вооружений.

Процедура и методы. Проведены статистический и сравнительный анализы данных по производству и техническому оснащению по основным видам дорогостоящих и ресурсоёмких вооружений РККА и вермахта на 22 июня 1941 г. и второе полугодие 1941 г.; анализ технических характеристик и мемуаров на предмет экспертной оценки качества техники и её конкурентности.

Результаты. Сделан вывод, что СССР был готов к войне с Германией в достаточно высокой степени. На 22 июня 1941 г. РККА не уступала вермахту в техническом оснащении по тем видам вооружений, которые являлись наиболее затратными в производстве и требовались для ведения современной войны – в танках, самолетах и артиллерии. Существовавшие проблемы РККА в техническом оснащении являлись проблемами быстро растущей армии, максимально оперативно готовящейся к войне, причём эти проблемы не являлись катастрофическими. Экономика СССР смогла не только оснастить армию перед войной, но и значительно компенсировать потери от первого удара в течение полугода. Понеся значительные потери в людях и технике в первые месяцы войны, РККА показала возможности воевать тем, чем есть и в тех условиях, которые складываются. Вермахт и немецкая экономика с такими вызовами не справились.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы исследования могут использоваться для продолжения исследований по истории СССР 1930-х – начала 1940-х гг. и анализа Великой Отечественной войны, а также при преподавании курса истории России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, РККА, 22 июня 1941, готовность к войне, исторические мифы

JUNE 22, 1941: FORCES OF OPPOSING SIDES

E. Shults*Moscow State Linguistic University
ul. Ostozhenka 38/1, Moscow 119034, Russian Federation**Federal State University of Education
ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the ratio of the RKKA and Wehrmacht forces as of June 22, 1941 in terms of technical equipment in terms of the main types of expensive and resource-intensive weapons.

Methodology. Statistical and comparative analyses of data on production and technical equipment of the main types of expensive and resource-intensive armaments of the Red Army and Wehrmacht for June 22, 1941 and the second half of 1941; analysis of technical specifications and memoirs for expert assessment of the quality of equipment and its competitiveness were carried out.

Results. It is concluded that the USSR was prepared for war with Germany to a sufficiently high degree. As of June 22, 1941 the Red Army was not inferior to the Wehrmacht in technical equipment in those types of armaments which were the most costly in production and required for modern warfare - in tanks, aircraft and artillery. The existing problems of the Red Army in technical equipment were the problems of a rapidly growing army, preparing for war as quickly as possible, and these problems were not catastrophic. The USSR economy was able not only to equip the army before the war, but also to compensate considerably for the losses from the first strike within half a year. Having suffered significant losses in men and equipment in the first months of the war, the Red Army showed its ability to fight with what it had and under the conditions that are formed. The Wehrmacht and the German economy could not cope with such challenges.

Research implications. The conclusions of the study can be used to continue research on the history of the USSR in the 1930s - early 1940s and to analyze the Great Patriotic War, as well as in teaching the course of Russian history.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, June 22, 1941, readiness for war, historical myths

Введение

Исторический анализ Великой Отечественной войны на современном этапе является не только сверх актуальным, но и приобретает уникальные возможности. Актуальность обусловлена востребованностью научной и общественной мыслью, государственной политикой и системой образования, особенно в контексте усиливающихся в последние десятилетия «войн памяти» [2; 3; 29; 34]. Уникальные возможности, на наш взгляд, заключаются в уникальном шансе на «историческом удалении» впервые оценить Великую отечественную войну не с позиций сформированных интерпретаций конца 1950-х – 1960-х гг., которые получили дополнительный импульс в конце 1980-х – 1990-е гг. и до сих пор определяют многие исследовательские подходы и общественную мысль, а с точки зрения нового научного анализа источников, принципов историзма и накопленных методов и данных исторических исследований [31; 32; 33].

Всемирно известный французский историк М. Блок оставил свои впечатления очевидца о разгроме Франции Германией в 1940 г. Он проклинал низкий уровень военного образования и плохую учебную подготовку командного состава,

отсутствие молодых кадров во главе армии, занятие высших армейских должностей непрофессионалами [4, с. 75, 135, 142]. Французские генералы воевали как в Первую мировую войну и демонстрировали абсолютное непонимание роли авиации и танков в современной войне, которую вели немцы [4, с. 75, 221]. М. Блок считал, что высшие армейские чины в конце 1930-х гг. не верили в начало войны с Германией и вводили в заблуждение население; руководство страны и армии не проанализировали польскую кампанию вермахта и не предприняли серьёзных шагов по изменениям в армии, не воспользовались тем, что немцы предоставили 8 месяцев позиционной войны и только потом реализовали то, что сделали до этого в Польше [4, с. 139, 218]. Вот он, срез исторических реалий от профессионального историка, служившего во французской армии (которая, с т. з. немецкого командования, обладала самой сильной сухопутной армией и самыми крупными бронетанковыми силами в Западной Европе [8, с. 129]). В СССР привыкли к тому, что со второй половины 1950-х гг. такие обвинения выдвигались в адрес руководства СССР и советских вооружённых сил.

Нам уже приходилось рассматривать проблему готовности СССР к войне с Германией с точки зрения командного состава, механизированных корпусов, наращивания частей в западных округах и подготовки их к войне [28; 30; 32]. В данной статье в ответе на тот же вопрос о готовности СССР к войне попробуем разобратся в силах противостоящих сторон (СССР против Германии и союзников) на 22 июня 1941 г.

Соотношение противостоящих сторон

В 1941 г. вермахт (вооружённые силы Германии) насчитывал в своих рядах 7,2 млн военнослужащих. Против СССР было развёрнуто 3,3 млн чел. плюс 1,2 млн войск резерва, в которых не учтены ВВС и ВМФ [22, с. 263], т. е. суммарно более 4,5 млн.

Численность советских вооружённых сил (РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия) на 1 июня 1941 г. – 4 275 713 [25, с. 215] (меньше, чем было сконцентрировано вермахтом на западных границах СССР). 1 июня 1941 г. в западных военных округах СССР (Ленинградском, Особом Западном, Особом Киевском и Одесском, Особом Прибалтийском), включая ВМФ Северного, Балтийского и Черноморского флотов, числилось 2 742 881 чел.¹ (2 527 003 чел. в РККА + 215 878 в ВМФ). Возможно, что к 22 июня эта цифра увеличилась до 2,9 млн² [20, с. 74].

Для нападения на СССР предназначалось, по разным подсчётам³, от 3 700 до 4 000 танков и штурмовых орудий, причём половину панцерваффе составляли танки Pz.I и Pz.II [1, с. 251; 9, с. 70; 18, с. 45; 22, с. 267, 286; 23, с. 346]. У РККА в Западных военных округах на 22 июня 1941 г. имелось 12 765 танков (из них танков основных типов – 12 223, химических, «огнемётных» – 542 танка)⁴. Новые танки, к которым относились KB и Т-34, в западных округах составляли 1 301 ед. (KB – 469, Т-34 – 832) Т-26 и танки БТ составляли – 8 387 ед.⁵ (Т-26 – 4221, БТ-2 и 5 – 878, БТ-7 – 3288)⁶.

Танки KB и Т-34 были более чем конкурентны новейшим немецким танкам. Тяжёлых танков у вермахта не было, РККА же имела KB-I и KB-II. СССР перед войной был введён в заблуждение наличием в составе панцерваффе вермахта тяжёлых танков⁷ (что привело к решению снять с вооружения 45 мм орудий и введения 57 мм), легенды о тяжёлых танках всплывали в донесениях в течение первых лет войны и затем в мемуарной литературе. Немецкие генералы во время войны и после неё признавали су-

¹ Боевой и численный состав вооружённых сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.) / под ред. Г. М. Рагозиной. М.: ИВИ МО РФ, 1994. С. 243; Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг. Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. М.: Летний сад, 2005. С. 243.

² Проект постановления СНК СССР «О мобилизационном плане на 1941 год», 12 февраля 1941 г. // 1941. Документы и материалы. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Вып. 1. Т. 1. СПб.: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2011. С. 221–234.

³ В издании «Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М.: Кучково поле, 2015» допущена опечатка в итоговом количестве танков, но даются верные цифры в отдельных графах, где считаются только исправные и только пушечные танки вермахта в количестве 3 362 шт. Pz.I пулемётный танк и не входит в это количество [5, с. 502]. Как в годы войны, так и после часто завышалось количество немецких танков [27, с. 491].

⁴ Боевой и численный состав вооружённых сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.) / под ред. Г. М. Рагозиной. М.: ИВИ МО РФ, 1994. С. 133–134.

⁵ Разницу с общим количеством составляют танки других типов.

⁶ Там же. С. 132–134.

⁷ Краткий справочник по вооружённым силам Германии. М.: Военное изд-во НКО СССР, 1941. С. 51.; Спецсообщение разведывательного управления генерального штаба Красной армии о направлении развития вооружённых сил Германии и изменениях в их состоянии, 11.03.1941 // 1941. Документы и материалы. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Выпуск 1. Т. 1. СПб.: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2011. С. 77–76.

щественное техническое преимущество танковых частей РККА за счёт Т-34 и KB-1 в 1941 г. [21, с. 174, 329]. Танки Т-26 и тем более БТ сильно превосходили Pz.I и, как минимум, не уступали танкам Pz.II.

Одна из проблем состояла в том, что 60% новых танков KB и Т-34 приходилось на Киевский особый военный округ¹, так что в соотношении Pz.III и Pz.IV с новыми советскими танками Западный особый военный округ уступал, но существенно превосходил в соотношении Pz.I и Pz.II против БТ-7, а Т-26 удваивали это преимущество.

Против СССР было направлено, по разным данным, от 4 до 8,7 тыс. единиц авиации [5, с. 501–502; 17, с. 12; 23, с. 346; 25, с. 201, 507]. В западных военных округах советские вооружённые силы сосредоточили более 4 тыс. истребителей (4 727, из которых 4 118 исправных) и около 3 тыс. бомбардировщиков (3 429, из которых 2 890 исправных). При этом бомбардировщики новых типов (Пе-2, Як-4) составляли 326 единиц, а новые модели истребителей (МиГ-1, МиГ-3, Як-1, ЛАГГ-3) составляли 1 026 самолётов. В Западном военном округе (ЗапОВО), против которого был произведён основной удар в первые дни войны, насчитывалось 250 современных истребителей (Як-1, МиГ-1, МиГ-3) и 90 современных бомбардировщиков (54 – Пе-2, 8 – Ил-2, 28 – Як-2 и Як-4)². Заявления Г. К. Жукова в 1956 г. о том, что количественно РККА уступало в авиации люфтваффе³, следует

относить к политико-пропагандистским или как впечатлениям маршала после сражений первой недели войны, когда советская авиация серьёзно пострадала.

Артиллерия западных округов составляла более 20 тыс. орудий и более 20 тыс. миномётов, из которых более 7 тыс. – 45 мм орудий, более 6 тыс. – 76 мм, более 8,5 тыс. – 122 и 152 мм гаубиц и более 1 тыс. – орудий выше 200 мм и 107 мм пушек 1910–1930 гг.⁴ Артиллерия вермахта в июне 1941 г. насчитывала: лёгких пехотных 75 мм орудий – более 4 тыс., 150 мм пехотных орудий – более 800, лёгких полевых 105 мм гаубиц – более 7 тыс., тяжёлых 15 мм полевых гаубиц – 2,9 тыс., 105 мм пушек – более 700, 210 мм мортир – почти 400, 37 мм противотанковых орудий – 14,5 тыс., 50 мм противотанковых орудий – более 1 тыс., 81 мм миномётов – почти 12 тыс. [14, с. 534–536].

При разнице в подсчётах «количества стволов» в разных источниках у разных авторов (в т. ч. в связи с различным подсчётом техники союзников Германии) в любом случае получается примерное равенство в орудиях и минометах (которые часто шли в единой системе подсчётов на советской стороне) [5, с. 501–502; 17, с. 12; 23, с. 346; 25, с. 201, 507].

В оценке технического состояния РККА на 22 июня 1941 г. существует ещё миф о высокой неисправности техники. Статистические данные о наличии техники в частях и количестве исправной техники существуют и даже несколько раз публиковались. Соотношение граф даёт 81% исправной техники для танков и 86% для самолётов. Причём основную массу неисправной техники дают так называемые устаревшие типы: в тяжёлых танках процент исправных – 98%, в средних – 86%, в лёгких Т-26 и БТ – 80%; последние модели самолетов (Пе-2, Як-1,

¹ Боевой и численный состав вооружённых сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.) / под ред. Г. М. Рагозиной. М.: ИВИ МО РФ, 1994. С. 136.

² Боевой и численный состав вооружённых сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.) / под ред. Г. М. Рагозиной. М.: ИВИ МО РФ, 1994. С. 16–17, 244–249.

³ Проект выступления Г. К. Жукова на Пленуме ЦК КПСС, [не позднее 19 мая 1956 г.] // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 138.

⁴ Боевой и численный состав вооружённых сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.) / под ред. Г. М. Рагозиной. М.: ИВИ МО РФ, 1994. С. 16–17, 73.

МИГ-1, МИГ-3, ЛАГГ-3, Ил-2) – 89% исправных (в Западных округах (с 22 июня – Западный, Северо-западный, Юго-западный, Южный) и фронтах неисправные самолёты составляли 15%)¹.

«Устаревшая техника» как причина поражений

Проблема «устаревшей техники», которую выдвигают с конца 1950-х гг. как ключевую для РККА, опровергается в количественном соотношении указанными данными. Кроме того, история войн показывает, что они не ведутся исключительно с использованием самого современного вооружения: «устаревшему оружию» всегда находится место. Практика использования в боевых действиях устаревшей военной техники существовала в рассматриваемый период, продолжает существовать и в наши дни, причём даже самыми развитыми странами. Это было характерно всю войну и для немецких вооружённых сил.

Так, в Зимней войне 1939–1940 гг. Финляндия использовала против СССР во многом уже безнадёжно устаревшую технику, но смогла успешно применить свои возможности к ведению войны. К 1941 г. немецкие танки Pz.I и Pz.II были уже безнадёжно устаревшими, но составляли половину единиц бронетанковых частей вермахта, которые пересекли границу СССР 22 июня 1941 г. Эти лёгкие танки были сняты с производства только в конце 1941 г. ввиду больших потерь на восточном фронте [18, с. 46].

Так, советская авиация после первых месяцев войны стала использовать устаревшие истребители И-153, И-16 в качестве бомбардировщиков и штурмовиков²

[24, с. 138, 188]. Исследователи отмечали, что в годы Великой Отечественной войны советская истребительная авиация, наряду с прямыми задачами, использовалась для уничтожения и подавления наземных целей, несмотря на то, что боевой устав 1940 г. предусматривал применение истребительной авиации для атаки наземных целей противника только в особых случаях. В первый этап войны это было связано с большими потерями в авиации и недостатком бомбардировочной и штурмовой авиации, однако истребители продолжили выполнять эти задачи и после завоевания господства в воздухе на финальном этапе войны³ [9, с. 18–20; 10, с. 182; 12; 20, с. 7, 22]. Разница заключалась в массовом переходе на последние модели истребителей, однако это подчёркивает не только реальную возможность, но и обоснованность использования устаревших моделей истребителей в 1941 г. в качестве штурмовой и бомбардировочной авиации.

Истребительная авиация показательна в данном вопросе, т. к. здесь наиболее существенно ощущается разница в скорости и вооружённости, а бомбардировщики должны доставить груз и сбросить, и здесь не столь разительно сказывалась неравенство в скорости (потому что они всё равно в скорости уступали истребителям противника), живучесть бомбардировщика зависит от прикрытия истребителями и возможностями преодолеть огонь ПВО. Тем не менее в ночь с 7 на 8 августа советская дальнебомбардировочная авиация бомбила Берлин⁴ [7, с. 80] и на протяжении всей войны наносила бомбовые удары по военным и промышленным объектам Рейха и его союзников в Восточной Европе. Устаревшие к

¹ Боевой и численный состав вооружённых сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.) / под ред. Г. М. Рагозиной. М.: ИВИ МО РФ, 1994. С. 1, 16–17, 51, 55, 59, 240–241.

² Приказы НКО СССР о применении штурмовой и истребительной авиации на поле боя в качестве дневных бомбардировщиков // Военно-исторический журнал. 1976. № 3. С. 73–74.

³ Боевой устав истребительной авиации (БУИА-40). М. [б.и.], 1940. С. 6, 27–29.

⁴ Приказ о поощрении участников бомбардировки г. Берлина, 8 августа 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. Т. 13. М.: ТЕРРА, 1997. С. 48–49.

началу войны ТБ-3 прошли всю войну и работали даже в 1945 г.

Советские танки и артиллерия по своему качеству и возможностям даже в «устаревших моделях» на вооружении не уступали технике противника. Признавая преимущество новых танков СССР над немецкими (но часто забывая, что устаревшие танки РККА, как минимум, не уступали таким же в панцерваффе), мемуарная литература и исследования часто указывают на их недостаточное количество. Статистические данные опровергают такие утверждения (следует помнить, что и в советских, и в немецких мемуарах часто присутствует постоянное занижение собственных сил и завышение сил противника; завышение и занижение потерь [23, с. 335]).

«Болевые точки» растущей армии

Действительно, относительно и сравнительно, «болевыми точками» РККА были механизация, зенитные системы и средства связи. Признавая проблему как количественную, так и организационную для советских ПВО на начало войны, следует учитывать, что к войне на вооружении в западных округах стояло достаточно внушительное количество зенитных орудий – 5 506 единиц (76 мм – 2 073 ед., 85 мм – 2 616 ед.)¹ (которые были утеряны в связи с ударом немецких вооружённых сил, что усилило проблему ПВО в первый период войны). Что касается средств связи, то здесь всё тоже было не «безнадёжно проиграно». Например, современные исследования показывают, что радификация танковых войск РККА была не такой плохой, как часто представляется: доля танков с приёмопередатчиками в мехкорпусах РККА была выше, чем в панцерваффе (где было больше полевых радиостанций) [15, с. 357], крити-

ческие проблемы со связью в начале войны – больше стереотип, чем реальность [16, с. 111–112].

Проблема механизации Красной Армии заключалась в том, что техника (грузовики, легковые автомобили, трактора, мотоциклы и лошади) должна была в случае войны быть мобилизована из народного хозяйства: согласно мобилизационному плану для частей первой очереди РККА должно было поступить: 671 770 лошадей, 27 713 легковых автомобилей, 231 838 грузовых автомобилей, 45 492 трактора, 30 504 мотоциклов². Вывести эту технику до войны было невозможно, потому что это подорвало бы экономику СССР и возможности продовольственного и технического обеспечения страны и армии. Вооружённые силы Германии такую технику получили в виде захваченной в Польше и Франции в 1939–1940 гг., за счёт заводов оккупированных стран (в первую очередь, Чехии и Франции). Немецкая армия на 22 июня 1941 г. была воюющей армией, которая вела войну уже 2 года, а РККА – армией мирного времени, частично переходящей к предстоящей мобилизации.

Возможности и перспективы

Здесь следует понимать, что Вторая мировая война стала войной массовой штамповки техники. Никакое сверхоружие в этой войне не могло оказать серьёзного влияния. Яркие примеры: ФАУ-2, фаустпатрон – грозное противотанковое оружие в городе, которое так и не было использовано в полной мере; реактивные самолёты, которые произвели в 1944–1945 гг. почти 2 тыс. единиц [9, с. 645]. В этой войне побеждал тот, кто смог наладить производство конкурентной техники в объёмах больше, чем противник.

¹ Боевой и численный состав вооружённых сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.) / под ред. Г. М. Рагозиной. М.: ИВИ МО РФ, 1994. С. 74.

² Проект постановления СНК СССР «О мобилизационном плане на 1941 год», 12 февраля 1941 г. // 1941. Документы и материалы. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Вып. 1. Т. 1. СПб.: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2011. С. 228.

Именно это удалось сделать СССР (а на Дальневосточном ТВД – США).

Генерал М. В. Захаров, который с мая 1938 г. служил помощником начальника Генерального штаба РККА, с мая 1940 г. – начальником штаба Одесского военного округа, а с декабря 1941 г. по конец войны – начальником штаба различных фронтов, писал, что система вооружения Красной Армии перед войной оказалась настолько совершенной и перспективной, что без значительных корректировок или коренных изменений в сложившихся процессах производства было возможно в 1941 г. повысить выпуск боеприпасов более чем в 3 раза по сравнению с 1940 г. [13, с. 189].

Во втором полугодии 1941 г. промышленность СССР произвела, по разным подсчётам, от 3 до 4,8 тыс. танков, более 8 тыс. самолётов, почти 17 тыс. орудий и миномётов. Почти 2 млн ед. стрелкового оружия (в 1942 и 1943 г. выпускалось чуть более 5 млн ед.) [11, с. 266; 17, с. 158; 26, с. 171–172]. Да, где-то половина производства – это лёгкие танки (например, новые Т-60), но выпущенные 2 тыс. Т-34 и КВ – это столько же, сколько было танков этих типов на 22 июня. Весной 1942 г. на вооружении РККА было уже 4 959 танков и штурмовых орудий против 3 230 у Вермахта, 40 798 орудий и миномётов против 56 940, 2 480 самолётов против 3 395 у люфтваффе [9, с. 311]. Другими словами, РККА несколько уступала в орудиях и самолетах, но не тотально. И это в период максимального падения производства в СССР в связи с эвакуацией промышленности на восток (в конце 1941 г. была пройдена критическая точка падения производства, валовая продукция всех отраслей промышленности СССР с января по декабрь 1942 г. увеличилась более чем в 1,5 раза [6, с. 46]).

Чтобы понимать объёмы производства невоенной техники (сегодня применяется термин «товары двойного назначения») приведём цифры: в годы ВОВ из народного хозяйства было изъято и по-

ставлено в войска 335 663 автомобилей, 39 350 тракторов [25, с. 215].

Постоянные жалобы на нехватку техники, вооружения, боеприпасов звучат как в отечественных мемуарах по отношению к 1941–1942 гг., так и мемуарах немецких генералов по отношению к 1943–1945 гг. Конечно, каждый военачальник желает иметь силы в разы больше, чем у противника, но воевать приходится тем, что есть. Мастерство полководца и умения армии, собственно, в этом и заключаются. В Вермахте мастерство воевать «тем, что есть» показали Манштейн и Модель (Роммель в Африке). Остальные воевали добротнo, пока был полный комплект, и противник не превосходил в своих силах.

Заключение

РККА была готова к войне с Германией в той степени, какой могла подготовиться (причём следует отметить феноменальность уровня производства и оснащения техникой советских вооружённых сил в период 1939–1941 гг.). На 22 июня 1941 г. РККА не уступала вермахту в техническом оснащении по тем видам вооружений, которые являлись наиболее затратными в производстве и требовались для ведения современной войны – в танках, самолётах и артиллерии. Существовавшие проблемы РККА в техническом оснащении являлись проблемами быстро растущей армии, максимально оперативно готовящейся к войне, причём эти проблемы не являлись катастрофическими.

Экономика СССР смогла не только оснастить армию перед войной, но и значительно компенсировать потери от первого удара в течение полугодия. Понесённые значительные потери в людях и технике в первые месяцы войны, РККА показала возможности воевать тем, чем есть и в тех условиях, которые складываются. Вермахт и немецкая экономика с такими вызовами не справились.

Дата поступления в редакцию 18.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. 50 лет Вооруженных сил СССР / К. Ф. Скоробогаткин, Л. И. Белоусов, В. Д. Верходубов и др. М.: Воениздат, 1968. 583 с.
2. Багдасарян В. Э., Журавлев В. В., Ларионов А. Э. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. М.: Проспект, 2022. 304 с.
3. Багдасарян В. Э., Ларионов А. Э., Реснянский С. И. Информационные факторы формирования исторического сознания молодежи (на примере изучения представлений о Великой Отечественной войне) // Вопросы истории. 2022. № 8-1. С. 34–49.
4. Блок М. Странное поражение. Свидетельство, записанное в 1940 году. М.: РОССПЭН, 1999. 286 с.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2: Происхождение и начало войны / гл. ред. А. Э. Сердюков.. М.: Кучково поле, 2015. 1007 с.
6. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
7. Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2008. 590 с.
8. Гудериан Г. Воспоминания солдата / пер. с немецкого. Смоленск: «Русич», 1999. 656 с.
9. Дашичев В. И. Банкротство стратегии Германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2: Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи». 1941–1945 гг. М.: Наука, 1973. 663 с.
10. Действия войск противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под ред. И. Г. Зуба, Е. П. Егорова. М.: [б. и.], 1965. 249 с.
11. Ермолов А. Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: [б.и.], 2009. 309 с.
12. Завгородний Н. Из опыта боевого применения истребительной авиации по наземным целям в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1983. № 12. С. 18–23.
13. Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: АСТ, ЛЮКС, 2005. 766 с.
14. Иринархов Р. С. Прибалтийский особый... Мн.: Харвест, 2004. 544 с.
15. Исаев А. Инструмент «блицкрига» // Гейер Г., Макензен Э. фон. От Буга до Кавказа / пер. с нем. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 354–377.
16. Исаев А. Сказка о потерянной связи // Исаев А. В., Морозов М. Э. Мифы Великой Отечественной: Сборник. М.: Яуза; Эксмо, 2008. С. 111–112.
17. История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 4. М.: Изд-во МО СССР, 1975. 534 с.
18. Киреев Н., Колокольцев С. Танковые войска Вермахта // Военно-исторический журнал. 1974. № 2. С. 45–52.
19. Корнюхин Г. Воздушная война над СССР. 1941. М.: Вече, 2008. 391 с.
20. Кривошеев Г. Ф. Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне // Людские потери СССР в период второй мировой войны: сб. статей. СПб: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 71–81.
21. Меллентин Ф. В., фон. Бронированный кулак вермахта. М.: Вече, 2012. 399 с.
22. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. / пер. с нем. М.: ЭКСМО, Изографус, 2002. 798 с.
23. Переслегин Б. Л. Июнь 1941 года: Приграничное сражение на Юго-Западном фронте // Попель Н. В тяжкую пору. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 331–363.
24. Покрышкин А. И. Познать себя в бою. «Сталинские соколы» против асов люфтваффе. 1941–1945 гг. М.: Центрполиграф, 2007. 444 с.
25. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. 624 с.
26. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 333 с.
27. Танковая война на Восточном фронте. Бронетанковая техника в советской и германской армиях // Попель Н. В тяжкую пору. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 451–503.

28. Шульц Э. Э. Стереотипные образы Великой Отечественной войны: механизированные корпуса // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 4. С. 33.
29. Шульц Э. Э. Великая Отечественная война в контексте важности исторических событий для современного российского общества // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 4. С. 41–41.
30. Шульц Э. Э. Стереотипные образы Великой отечественной войны: образ мирно спящей границы и неготовности СССР к нападению // Вопросы истории. 2023. № 3. С. 32–39.
31. Шульц Э. Э. Стереотипные образы Великой отечественной войны: проблемы восприятия начала Второй мировой войны // Власть. 2021. Т. 29. № 6. С. 71–74.
32. Шульц Э. Э. Стереотипные образы Великой Отечественной войны: расстрелянный командный состав РККА // Новейшая история России. 2024. Т. 14. № 1. С. 59–72.
33. Шульц Э. Э. Стереотипные образы Великой Отечественной войны: Сталин, глобус и винтовки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 20–29.
34. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia / A. Larionov, V. Baghdasaryan, S. Fedorchenko, E. Shults // Linguistics and Culture Review. 2021. № 5. DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830

REFERENCES

1. Skorobogatkin K. F., Belousov L. I., Verkhodubov V. D., et al. *50 let Vooruzhennykh sil SSSR* [50 years of the USSR Armed Forces]. Moscow, Voenizdat Publ., 1968. 583 p.
2. Bagdasaryan V. E., Zhuravlev V. V., Larionov A. E. *Vospriyatiye sovetskogo proshlogo v dvadtsati novykh identichnostyakh, voynakh, formiruyushchikh pamyat i obrazy budushchego na postsovetском prostranstve* [Perception of the Soviet past in the context of the formation of new identities, memory wars and images of the future in the post-Soviet space]. Moscow, Prospect Publ., 2022. 304 p.
3. Bagdasaryan V. E., Larionov A. E., Resnyansky S. I. [Information factors in the formation of historical consciousness of young people (based on the study of ideas about the Great Patriotic War)]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2022, no. 8-1, pp. 34–49.
4. Blok M. *Strannoye povrezhdeniye. Svidetel'stvo, proiznesennoye v 1940 godu* [Strange defeat. Testimony recorded in 1940]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 286 p.
5. Serdyukov A. E., ed. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: v 12 t. T. 2: Proiskhozhdeniye i nachalo voyny* [The Great Patriotic War of 1941–1945: in 12 vols. Vol. 2: The Origin and Beginning of the War]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2015. 1007 p.
6. Voznesensky N. *Voyennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny* [The Military Economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948. 192 p.
7. Golovanov A. E. *Dal'naya bombardirovochnaya... Vospominaniya Glavnogo marshala aviatsii. 1941–1945* [Long-Range Bombing... Memories of the Chief Marshal of Aviation. 1941–1945]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2008. 590 p.
8. Guderian H. *Erinnerungen eines Soldaten* (Rus. ed.: *Vospominaniya soldata*. Smolensk, Rusich Publ., 1999. 656 p.)
9. Dashichev V. I. *Strategiya bankrotstva germanskogo fashizma. Istoricheskiye ocherki. Dokumenty i materialy. T. 2: Agressiya protiv SSSR. Padeniye «Tret'ey imperii». 1941–1945 gg.* [Bankruptcy of the Strategy of German Fascism. Historical Essays. Documents and Materials. Vol. 2: Aggression against the USSR. The Fall of the "Third Empire". 1941–1945]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 663 p.
10. Zub I. G., Egorov E. P., eds. *Deystviya voysk protivovozdushnoy oborony strany v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Actions of the Air Defense Forces of the Country in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, [b. i.], 1965. 249 p.
11. Ermolov A. Yu. *Tankovaya promyshlennost' SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Tank industry of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow, [b. i.], 2009. 309 p.
12. Zavgorodniy N. [From the experience of combat use of fighter aircraft against ground targets during the Great Patriotic War]. In: *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Journal], 1983, no. 12, pp. 18–23.
13. Zakharov M. V. *Generalnyy shtab v predydushchiye gody* [General Staff in the prewar years]. Moscow, AST Publ., LUX Publ., 2005. 766 p.

14. Irinarkhov R. S. *Pribaltiyskiy osoby...* [Baltic special...]. Minsk, Kharvest Publ., 2004. 544 p.
15. Isaev A. [The "blitzkrieg" tool]. In: Geyer G., Mackensen E., von. *Vom Bug in den Kaukasus* (Rus. ed.: *Ot Buga do Kavkaza*). Moscow, AST Publ., Transitkniga Publ., 2004, pp. 354–377).
16. Isaev A. [The Tale of a Lost Connection]. In: Isaev A. V., Morozov M. E. *Mify Velikoy Otechestvennoy* [Myths of the Great Patriotic War]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2008, pp. 111–112.
17. *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny. 1939–1945. V 12 t. T. 4* [History of the Second World War. 1939–1945. In 12 vols. Vol. 4]. Moscow, Izd-vo MO SSSR Publ., 1975. 534 p.
18. Kireev N., Kolokoltsev S. [Tank troops of the Wehrmacht]. In: *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military Historical Journal], 1974, no. 2, pp. 45–52.
19. Kornukhin G. *Vozdushnaya voyna nad SSSR. 1941* [Air war over the USSR. 1941]. Moscow, Veche Publ., 2008. 391 p.
20. Krivosheev G. F. [On the results of statistical studies of losses of the USSR Armed Forces in the Great Patriotic War]. In: *Lyudskie poteri SSSR v period Vtoroy mirovoy voyny* [Human losses of the USSR during the Second World War]. St. Petersburg, Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITS Publ., 1995, pp. 71–81.
21. Mellenthin F. W. von. *Die gepanzerte Faust der Wehrmacht* (Rus. ed.: *Bronirovannyy kulak vermakhta*). Moscow, Veche Publ., 2012. 399 p.)
22. Müller-Hillebrand B. The German Ground Army 1933–1945 (Rus. ed.: *Sukhoputnaya armiya Germanii 1933–1945 gg*). Moscow, EKSMO Publ., Izografus Publ., 2002. 798 p.
23. Pereslegin B. L. [June 1941: Border Battle on the Southwestern Front]. In: Popel N. *V tyazholuyu poru* [In Hard Times]. Moscow, AST Publ.; St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2002, pp. 331–363.
24. Pokryshkin A. I. *Poznat sebya v boyu. «Stalinskiye sokoly» protiv asov lyuftvaffe. 1941–1945 gg.* [Knowing Yourself in Battle. "Stalin's Falcons" against the Luftwaffe Aces. 1941–1945]. Moscow, Centerpoligraf Publ., 2007. 444 p.
25. Krivosheev G. F., Andronikov V. M., Burikov P. D., et al. *Rossiya i SSSR v voyne XX veka. Kniga poter* [Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Book of Losses]. Moscow, Veche Publ., 2010. 624 p.
26. Simonov N. S. *Voyenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-ye gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravleniya* [The military-industrial complex of the USSR in the 1920s–1950s: economic growth rates, structure, organization of production, and management]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 333 p.
27. [Tank warfare on the Eastern Front. Armored vehicles in the Soviet and German armies] In: Popel N. *V tyazholuyu poru* [In difficult times]. Moscow, AST Publ.; St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2002, pp. 451–503.
28. Shultz E. E. [Stereotypical images of the Great Patriotic War: mechanized corps]. In: *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense], 2021, vol. 9, no. 4, pp. 33.
29. Shultz E. E. [The Great Patriotic War in the context of the importance of historical events for modern Russian society]. In: *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense], 2023, no. 4, pp. 41.
30. Shultz E. E. [Stereotypical images of the Great Patriotic War: the image of a peacefully sleeping border and the USSR's unpreparedness for an attack]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2023, no. 3, pp. 32–39.
31. Shultz E. E. [Stereotypical Images of the Great Patriotic War: Problems of Perception of the Beginning of World War II]. In: *Vlast* [Power], 2021, vol. 29, no. 6, pp. 71–74.
32. Shultz E. E. [Stereotypical Images of the Great Patriotic War: The Shot Command Staff of the Red Army]. In: *Noveyshaya istoriya Rossii* [The Newest History of Russia], 2024, vol. 14, no. 1, pp. 59–72.
33. Shultz E. E. Stereotypical Images of the Great Patriotic War: Stalin, the Globe, and Rifles]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences], 2022, no. 1, pp. 20–29.
34. Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S., Shults E. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia. In: *Linguistics and Culture Review*, 2021, no. 5. DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: nuap1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard E. Shults – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Communication technologies, Moscow State Linguistic University, Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: nuap1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шульц Э. Э. 22 июня 1941 г.: силы противостоящих сторон // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 40–50.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-40-50

FOR CITATION

Shults E. E. June 22, 1941: Forces of opposing sides. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 40–50.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-40-50

УДК 930

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-51-57

ГЕРОИЗМ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

Фукс А. Н., Ковригин В. В.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить особенности отражения героизма советского народа и образа героев Великой Отечественной войны на страницах школьных учебников России, изданных с середины XX в. по настоящее время.

Процедура и методы. В основе исследования – материалы сравнительно-историографического анализа образа героев и героизма советского народа в годы Великой Отечественной войны в советских и российских школьных учебниках.

Результаты. Выявлены трансформации в образах героев Великой Отечественной войны и героизма советского народа в целом в школьных учебниках за последние полвека, представлена особая значимость этого материала для воспитания подрастающего поколения в духе любви и преданности Отечеству. Исследована зависимость содержания школьного учебника от политической ситуации и идеологических установок представителей различных направлений в историографии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области отечественной историографии, школьными учителями при подготовке к урокам.

Ключевые слова: историография, школьный учебник, герои Великой Отечественной войны, воспитательный потенциал, героизм советского народа, подвиг на фронте и в тылу

THE HEROISM OF THE SOVIET PEOPLE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR ON THE PAGES OF SCHOOL TEXTBOOKS

A. Fuks, V. Kovrigin

Federal State University of Education

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to study the peculiarities of representing the heroism of the Soviet people and the image of the heroes of the Great Patriotic War on the pages of school textbooks published in our country from the middle of the twentieth century to the present.

Methodology. The research is based on the materials of a comparative analysis of the image of heroes and heroism of the Soviet people during the Great Patriotic War on the pages of school textbooks published in our country from the middle of the twentieth century to the present.

Results. The transformations in the image of the heroes of the Great Patriotic War and the heroism of the Soviet people as a whole in school textbooks over the past half century have been revealed, and the special significance of this material for educating the younger generation in the spirit of love and devo-

tion to the Fatherland is presented. The dependence of the content of a school textbook on the political situation and ideological attitudes of representatives of different trends in historiography is investigated.

Research implications. The research materials can be used by specialists in the field of historiography.

Keywords: historiography, school textbook, heroes of the Great Patriotic War, educational potential, heroism of the Soviet people, feats at the front and in the rear

Введение

Тема героизма советских людей на фронтах и в тылу Великой войны являлась ключевой в научном и образовательном пространстве Советского Союза.

В первые годы после Победы в Великой Отечественной войне было опубликовано много мемуарной литературы, в которой участники боевых действий, офицеры и крупные военачальники, выдающиеся конструкторы военной техники рассказывали о героических страницах истории 1941–1945 гг. В ряду авторских воспоминаний особое место занимают «Воспоминания и размышления» маршала Г. К. Жукова, «Дело всей жизни» маршала А. М. Василевского, маршала В. И. Чуйкова и многих других военачальников. Не одно поколение советских школьников зачитывалось воспоминаниями А. М. Покрышкина о его ратном подвиге в борьбе с фашистскими асами. Воспоминания легендарного авиаконструктора «Цель всей жизни» А. С. Яковлева свидетельствовали о титанических усилиях учёных, конструкторов, рядовых рабочих, трудовом подвиге в создании современных моделей военных самолётов, которые позволили в ходе войны обрести преимущество в воздушных боях.

Воспоминания участников войны легли в основу содержания школьного курса отечественной истории, издания хрестоматий, которые позволяли реализовывать воспитательный потенциал школьной истории и развивать чувство гордости за подвиг отцов и дедов на фронтах Великой войны.

Темы отражения истории Великой Отечественной войны и героизма советского народа на страницах учебной литературы стали предметом присталь-

ного интереса историографической и педагогической науки уже давно [1; 4; 5; 7]. Многие исследователи отмечают особую значимость воспитательного потенциала подвигов героев Великой войны [6; 8; 9; 10; 12].

Подвиг народа на страницах советских школьных учебников

После окончания Великой Отечественной войны героизм советских воинов стал одной из центральных тем в школьных учебниках истории. Этот период был отмечен особым вниманием к подвигам солдат Красной Армии, их самоотверженности и мужеству, проявленным в борьбе против фашистской Германии. Одним из основных аспектов была идея коллективного подвига народа, который объединился для борьбы с врагом. Выразителем и наглядным представлением этого подвига стали героические поступки отдельных участников войны – от рядовых солдат до партизан и подпольщиков. Их примеры служили ярким подтверждением того, что каждый гражданин Советского Союза мог внести свой вклад в общую победу. Их имена становились символами стойкости и самопожертвования, а их подвиги использовались для воспитания у молодого поколения чувства долга перед Родиной.

Так, в первом изданном после войны учебнике под редакцией А. М. Панкратовой приведены рассказы о подвигах героев войны. В центре внимания авторов учебника – повествование о героизме всего советского народа: «Преданность советской Родине, готовность отдать жизнь за завоевания Великой Октябрьской революции, сознательное служение делу социализма, преданность советско-

му народу и великой партии Ленина–Сталина – вот что характеризует основные черты советских людей в годы Великой Отечественной войны...»¹. Характерной особенностью первых учебников послевоенной эпохи является тезис об особой роли вдохновляющего образа И. В. Сталина как вождя братских народов Советского Союза.

В этом отношении не отставал и учебник для 3–4 класса под редакцией А. В. Шестакова², где показана значимость самопожертвования в деле защиты Родины и на личном примере каждого героя – величие подвига всего советского народа под руководством Верховного главнокомандующего. Во второй половине 1950-х гг. имя И. Сталина стало реже упоминаться на страницах учебной литературы, а подвиг и самопожертвование всего народа, каждого солдата стал центральной темой учебного материала о Великой Отечественной войне.

Одним из лучших учебных пособий советского времени был учебник «Рассказы по истории СССР» для 4 класса Т. С. Голубевой³, в котором в доступной и яркой форме излагались героические события нашей истории. Будучи вводным, этот курс ставил цель в первую очередь сформировать первоначальные знания по истории нашей страны и на конкретных примерах показать величие подвигов отцов в годы Великой Отечественной войны. Авторы приводят подробные биографии Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло и других. Учебник переиздавался многократно. В «Рассказах по истории СССР» впервые подробно представлены рассказы о подвигах пионеров, что имело воспитательное значение для младшей и средней школы. Пример сверстни-

ков в наибольшей степени способствует воспитанию патриотизма и готовности встать на защиту Родины у подрастающего поколения.

Основополагающим принципом преподавания истории в средней и старшей школе Советского Союза являлась необходимость формирования у старшеклассников умений с позиций историзма оценивать события и явления прошлого и современности. Ввиду необходимости установления множества причинно-следственных связей и презентации всего исторического процесса представить биографии и дать подробное описание подвигов солдат только закончившейся войны не всегда представлялось возможным, поскольку это не укладывалось в требования к объёму школьного учебника.

Для осмысления истинного величия подвига наших соотечественников, каждого солдата, офицера Красной армии должны пройти годы. В многократно переиздававшемся в 1960–1980-е гг. учебнике под реакцией И. А. Федосова материал о великих подвигах советских воинов получил свой завершённый вид. Одним из центральных аспектов содержания учебника было освещение героических поступков советских воинов. В нём подробно рассказывалось о подвигах таких известных личностей, как Александр Матросов, Николай Гастелло, Зоя Космодемьянская, Александр Маресьев и многих других. Были подробно освещены не только героические поступки на фронте, но и биографии героев. Воспитательный потенциал школьных учебников многократно повышался благодаря такой «индивидуализации» подвига, не вступая в противоречие с коллективным подвижничеством в годы Великой войны. Личный пример героя, как никакой другой, показывал подросткам советских лет, что герои – вокруг нас. Это простые советские солдаты и офицеры, положившие на алтарь Победы свои жизни.

Впервые в учебнике 1970-х гг. издания появляются расширенные сюжеты и о ге-

¹ История СССР: учеб. для 10 класса / под ред. А. М. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1952. С. 398.

² Краткий курс истории СССР: учеб. для 3–4 класса / под ред. А. В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1951. 224 с.

³ Голубева Т. С. Рассказы по истории СССР: для 4 класса. М.: Учпедгиз, 1968. 207 с.

роизме, и подвигах в тылу – этим материалам посвящён отдельный параграф. На примерах подвигов тружеников тыла показано значение единения всего народа в деле разгрома врага и строительства мирной жизни. Подчёркивался коллективный характер героизма. Описывались массовые акции сопротивления врагу, такие как: партизанское движение, трудовые подвиги рабочих и крестьян, а также участие женщин и детей в борьбе за Родину. Это создавало образ единой нации, сплочённой перед лицом общей угрозы.

Отдельной сюжетной линией учебников истории СССР, изданных в 1960–1980-е гг., стало подробное освещение подвигов детей, подростков и юношей на фронте и в тылу – молодоговардейцев, Зинаиды Портновой, Леонида Голикова, Бориса Царикова и других. Пример их подвигов в таком возрасте – сильнейший инструмент в деле воспитания подрастающего поколения.

Трансформация образа героев в учебной литературе в 90-х гг. XX в. и эволюция государственной исторической политики

К сожалению, с начала 1990-х гг. новое поколение школьных учебников истории утрачивает тот воспитательный потенциал, которым обладали их предшественники. В науке становится «модным» развенчание «мифов» советского прошлого, что коснулось даже подвигов многих героев. Г. К. Жукову стали приписывать «трофейную кампанию», подвиг Зои Космодемьянской некоторые историки пытались «очернить» якобы имевшим место фактом сдачи партизанки своими же из-за недовольства приказом И. В. Сталина № 428 от 7 ноября 1941 г. о необходимости уничтожения всех населённых пунктов в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо от дорог, чем, якобы, в основном и занималась Зоя Космодемьянская. «Досталось» и подвигу панфиловцев: по мнению некоторых

историков 90-х гг. прошлого столетия, их было не 28, а более 100, и уничтожили они намного меньше танков. Отдельные «историки» пытались люмпенизировать образ великого национального героя Александра Матросова, подвиг которого повторили более тысячи бойцов Красной Армии, накрыв амбразуру фашистских дотов своим телом.

Особенностью историографической ситуации 1990-х гг. явилось отсутствие взвешенной государственной исторической политики. На высшем уровне был провозглашён тезис о «деидеологизации» исторического образования, которое на практике стало идеологизацией «наизнаку», направленной на разрыв культурно-исторической преемственности поколений.

Школьные учебники постепенно заимствовали эти негативные тенденции. К сожалению, из большинства книг исчезают рассказы о подвигах героев. Большая часть учебников (А. А. Кредера, И. М. Долуцкого, В. П. Островского и А. И. Уткина и др.) вообще не содержит ни одной фотографии героя, ни одного подробного рассказа о его жизни и подвиге на фронте или в тылу. История нашей страны имплантируется в западную матрицу политической истории, утрачивая тем самым свой воспитательный потенциал.

К концу 1990-х гг. вышли в свет сотни учебников, учебных пособий, хрестоматий, зачастую лишённых не только научной объективности, но и содержащих фактические ошибки. Отношение к содержанию школьной истории стало своего рода «лакмусовой бумажкой» идеологических и политических позиций не только профессиональных историков, но и известных общественных деятелей. Содержание школьной истории стало, по сути, ареной политической борьбы. В некоторых учебниках советское государство выступало в образе врага. Оно характеризовалось как тоталитарное. Отождествление фашистской Германии и СССР, по сути, являлось национальным преступлением,

поскольку приводило к заимствованному на Западе тренду о равной ответственности Советского Союза и фашистской Германии за развязывание войны. В этих условиях наблюдалась дегероизация славных подвигов советских бойцов. История перестала быть «лично» переживаемой для учащегося – только сухие и сжатые факты о сражениях Великой Отечественной, лишь отдельные упоминания подвигов героев без раскрытия их значения.

Сейчас, когда Россия защищает свой суверенитет в схватке с коварным врагом, важной частью государственной политики стало введение единого учебника по отечественной истории в школах. Это результат совместной работы правительства и историков, осознающих свою ответственность перед страной.

На протяжении последних 2 лет активно обсуждалась версия учебника под редакцией В. Р. Мединского. Новая редакция включает материалы, направленные на воспитание у молодого поколения чувства любви и преданности Родине. Полезной рубрикой нового учебника стал «Портрет на фоне эпохи», где приводятся биография и заслуги великих исторических деятелей. Для героев Великой войны предусмотрена специальная рубрика «Честь и слава Отечества». В каждом рассказе о подвиге героя представлена фотография, биография и описание его подвига. Так, например, о подвиге А. Матросова сказано следующее: «В раннем детстве потерял родителей и воспитывался в детском доме в Ульяновской области и в трудовой детской колонии в Уфе. В октябре 1942 г. был призван в армию и направлен курсантом в пехотное училище. В ноябре 1942 г. добровольно отправился на Калининский фронт. 27 февраля 1943 г. в бою за д. Чернушки в Псковской области прорвался к вражескому дзоту и закрыл своим телом амбразуру пулемёта. В результате наши бойцы смогли захватить вражеский опорный пункт с минимальными потерями. За этот подвиг самопожертвования он был удосто-

ен звания Героя Советского Союза. Имя Александра Матросова было присвоено полку, в котором он служил»¹. В едином учебнике представлен отработанный иллюстративный ряд: фотографии героев, фотохроника сражений, карты.

Заключение

Во всех учебниках прослеживается зависимость содержания школьных литературы от вектора развития политической ситуации в стране и идеологических установок представителей различных направлений в историографии [11].

Возвращение имён героев и их подвигов на страницы школьных учебников – важнейшее достижение современной методической науки. Воспитательный потенциал тех великих страниц истории не иссякнет никогда. Цель исторической науки – исследование событий прошлого на основе принципов научной объективности и историзма, а цель школьного курса истории – прежде всего, формирование мировоззрения подрастающего поколения в соответствии с задачами государственной исторической политики. Послевоенные советские учебники успешно справлялись с этой задачей.

Либерализация учебного книгоиздания в 90-е гг. XX в. привела к системному кризису исторического сознания и потере школьными учебниками воспитательной функции. К сожалению, на таких учебных книгах выросло целое поколение наших соотечественников. Выходу из кризиса и полноценной реализации социальной функции исторической науки и образования в настоящее время во многом способствует принятие единой концептуальной доктрины отечественной истории, ядром которой является положение о России как государстве-цивилизации [2; 3].

Дата поступления в редакцию 11.10.2024

¹ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. Базовый уровень. 1914–1954: учеб. для 10 класса. М.: Просвещение, 2023. 496 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов В. А., Макарова Н. В. Героизм советских людей в годы Великой Отечественной войны: отражение в школьном курсе истории // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: История и политика. 2019. № 4. С. 12–20.
2. Багдасарян В. Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 6. С. 15–29.
3. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., Арх. Сильвестр Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России. Ярославль: Шукаева и семья, 2024. 296 с.
4. Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретации, уроки прошлого: науч.-практ. конф. / отв. ред.: А. А. Рытиков, В. Ф. Блохин, О. В. Тишина. Брянск, 2023. 213 с.
5. Огановская И. С. Историческая память о Великой Отечественной войне как востребованная обществом и властью «духовная скрепа»: пристрастное мнение гражданина и педагога // Запад, Восток. Россия: вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 132–141.
6. Петровский М. Н. Образ советского солдата в школьных учебниках периода Великой Отечественной войны // Вопросы образования. 2018. № 6. С. 34–48.
7. Смирнова Е. П. Воспитание патриотизма у школьников через изучение героизма советского народа в годы Великой Отечественной войны // Педагогика. 2020. № 7. С. 78–85.
8. Тихонов П. И. Великая Отечественная война в контексте школьного исторического образования: проблемы и перспективы // Проблемы современного образования. 2019. № 10. С. 56–64.
9. Федоров А. М. Герои Великой Отечественной войны в современных школьных учебниках истории // Ученые записки Казанского федерального университета. Гуманитарные науки. 2018. № 11. С. 36–45.
10. Федорова С. И., Шевченко Н. В. К вопросу о сохранении исторической памяти, воспитании уважения к прошлому в новом векторе исторического развития России // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2023. № 3. С. 75–80.
11. Фукс А. Н., Ковригин В. В. Трансформация подходов к освещению Второй мировой войны в российских и зарубежных школьных учебниках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 33–41.
12. Шестаков Ю. В. Подвиги советского народа в годы Великой Отечественной войны: методические аспекты преподавания в школе // Преподавание истории в школе. 2020. № 2. С. 22–29.

REFERENCES

1. Averyanov V. A., Makarova N. V. [Heroism of Soviet People during the Great Patriotic War: Reflection in the School History Course]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i politika* [Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: History and Politics], 2019, no. 4, pp. 12–20.
2. Baghdasaryan V. E. [The Concept of a State-Civilization: Problems of Methodology and Political Implementation]. In: *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 2022, vol. 17, no. 6, pp. 15–29.
3. Baghdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Arch. Sylvester. *Traditsionnyye tsennosti kak osnova novogo mirovozzrencheskogo stroitel'stva Rossii* [Traditional Values as the Basis of Russia's New Worldview Construction]. Yaroslavl, Shukaeva i semya Publ., 2024. 296 p.
4. Rytkov A. A., Blokhin V. F., Tishina O. V., eds. *Velikaya Otechestvennaya voyna v drevney pamyati naroda: izucheniye, svoyeobraziye, uroki proshlogo* [The Great Patriotic War in the Historical Memory of the People: Study, Interpretations, Lessons of the Past]. Bryansk, 2023. 213 p.
5. Oganovskaya I. S. [Historical Memory of the Great Patriotic War as a “Spiritual Bond” Demanded by Society and the Authorities: Biased Opinion of a Citizen and a Teacher]. In: *Zapad, Vostok. Rossiya: voprosy vseobshchey istorii* [West, East. Russia: Issues of General History], 2020, no. 23, pp. 132–141.
6. Petrovsky M. N. [The Image of the Soviet Soldier in School Textbooks of the Great Patriotic War]. In: *Voprosy obrazovaniya* [Issues of Education], 2018, no. 6, pp. 34–48.
7. Smirnova E. P. [Fostering Patriotism in Schoolchildren through the Study of the Heroism of the Soviet People during the Great Patriotic War]. In: *Pedagogika* [Pedagogy], 2020, no. 7, pp. 78–85.

8. Tikhonov P. I. [The Great Patriotic War in the Context of School History Education: Problems and Prospects]. In: *Sovremennyye problemy obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2019, no. 10, pp. 56–64.
9. Fedorov A. M. [Heroes of the Great Patriotic War in Modern School History Textbooks]. In: *Uchenyye zapiski Kazanskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Scientific Notes of the Kazan Federal University. Humanities], 2018, no. 11, pp. 36–45.
10. Fedorova S. I., Shevchenko N. V. [On the Issue of Preserving Historical Memory, Fostering Respect for the Past in the New Vector of Historical Development of Russia]. In: *Munitsipalnoye obrazovaniye: innovatsii i eksperiment* [Municipal Education: Innovations and Experiments], 2023, no. 3, pp. 75–80.
11. Fuks A. N., Kovrigin V. V. [Transformation of Approaches to Covering World War II in Russian and Foreign School Textbooks]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 3, pp. 33–41.
12. Shestakov Yu. V. [Exploits of the Soviet People during the Great Patriotic War: Methodological Aspects of Teaching at School]. In: *Prepodavaniye istorii v shkole* [Teaching History at School], 2020, no. 2, pp. 22–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фукс Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета просвещения;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Ковригин Вадим Валерьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществознания Государственного университета просвещения;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Fuks – Dr. Sci. (History), Prof., Departmentally Head, Department for the Development of Educational Activities, Russian Society "Knowledge", Federal State University of Education;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Vadim V. Kovrigin – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History and Political Science, Federal State University of Education;
e-mail: letter@vkovrigin.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фукс А. Н., Ковригин В. В. Героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны на страницах школьных учебников // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 51–57.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-51-57

FOR CITATION

Fuks A. N., Kovrigin V. V. The heroism of the soviet people during the Great Patriotic War on the pages of school textbooks. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 51–57.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-51-57

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-58-65

«БОЯРСКИЙ ПРИГОВОР О СТАНИЧНОЙ И СТОРОЖЕВОЙ СЛУЖБЕ» 1571 Г.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Володихин Д. М.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

*Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)
109004, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сформировать представление о том, на какой тактический опыт опирались составители такого источника по истории русской граничной службы, как «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» 1571 г.

Процедура и методы. Предварительно проводится анализ состава «авторского коллектива» экспертов по особенностям пограничной службы, собранных князем М. И. Воротынским для составления документа, затем он дополняется источниковедческим анализом самого памятника, а также тактического опыта князя М. И. Воротынского и его помощников.

Результаты. Делается вывод о том, что «Боярский приговор...», с одной стороны, опирается на обширный тактический опыт людей с практическим знанием степных границ России, с другой стороны, жёстко привязан к региональным формам обороны рубежей и не годится для других участков несения пограничной службы: на западе и на востоке страны.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье проводится анализ источника в тех аспектах, которые до настоящего времени оставались без внимания со стороны специалистов по военной истории России XVI–XVII вв.

Ключевые слова: история военного дела, источниковедение, оборона южных границ России, пограничная служба, воинский устав, тактический опыт, князь Михаил Воротынский, царь Иван IV

«BOYAR'S VERDICT ON THE PATROL AND GUARD SERVICE», 1571: PROBLEMS OF SOURCE STUDIES

D. Volodikhin

Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky

(First Cossack University)

ul. Zemlyanoy Val 73, Moscow 109004, Russian Federation

Abstract

Aim. To form an idea of what tactical experience the compilers of such a source on the history of the Russian border service as the "Boyar's verdict on the Stanitsa and guard service" of 1571 relied on.

Methodology. A preliminary analysis of the composition of the "team of authors" of experts on the peculiarities of the border guard service, gathered by Prince M. I. Vorotynsky to compile the document, is carried out, then it is supplemented by a source analysis of the monument itself, as well as the tactical experience of Prince M. I. Vorotynsky and his assistants.

Results. It is concluded that the "Boyar verdict...", on the one hand, is based on the extensive tactical experience of people with practical knowledge of the steppe borders of Russia, on the other hand, is rigidly tied to regional forms of border defense and is not suitable for other areas of border service: in the west and in the east of the country.

Research implications. The article analyzes the source in those aspects that have so far been ignored by specialists in the military history of Russia of the 16th–17th centuries.

Keywords: history of military affairs, source studies, defense of the southern borders of Russia, border guard service, military regulations, tactical experience, Prince Mikhail Vorotynsky, Tsar Ivan IV

Введение

На протяжении периода с 1558 г. по начало 1570-х гг. армия Московского царства постепенно переходила с наступательной на оборонительную тактику на тех «фронтах», где имелось соприкосновение с «осколками» Золотой орды. Прежде всего, речь идёт о южных степных границах, где противником России являлось Крымское ханство, кроме того, целый ряд конфликтов произошёл на границах с ногайским степным сообществом. На востоке и юго-востоке шло освоение земель, когда-то принадлежавших двум «расформированным» в 1550-х гг. ханствам – Казанскому и Астраханскому. Здесь также в ближайшие годы не планировалось вести наступательных действий, вооружённая борьба шла лишь в рамках т. н. «черемисских войн», в целом не представлявших собой стратегической угрозы для безопасности Российского го-

сударства [3, с. 11–20; 7, с. 117–118]. Вооружённые силы России переключались с южного, «степного» театра военных действий на ливонский. Основные контингенты наиболее боеспособных войск отправлялись на запад и северо-запад для ведения боевых действий с Ливонским орденом, Речью Посполитой, впоследствии – со Шведским королевством. Лучшая часть воеводского корпуса также была занята ведением тактических операций на литовско-ливонском направлении.

Соответственно, оголялся степной юг, откуда не исчезла смертельно опасная для державы возможность глубокого прорыва крымцев. Отношения с крымским ханом отличались крайней напряжённостью и неприкрытой враждебностью. Крымский хан Девлет-Гирей рассматривал вошедшие в состав России территории Казанского и Астраханского

ханств как потенциальную часть своей державы – если удастся угрозами или постоянным военным давлением заставить Москву пойти на уступки по части границ. В свою очередь, Москва не шла на уступки подобного рода, особенно в отношении громадного и чрезвычайно богатого Казанского ханства, присоединённого к России в 1552 г.

А значит, следовало наладить сторожевую и караульную службу наилучшим образом, добиваясь понимания того, когда именно Девлет-Гирей, на каком направлении и с войском какой численности придёт, чтобы нанести удар по южным и коренным областям Российского государства.

Как раз с этой целью Иван IV инициировал создание документа, который вошёл в историю военного дела России как древнейший законодательный источник по организации обороны государственных границ, – «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». Организатором процесса работы над ним стал князь Михаил Иванович Воротынский. Он получил высокое официальное назначение: с 1 января 1571 г. по личному указанию царя он «ведаль» станицы и сторожи «и всякие государевы польские службы»¹.

«Боярский приговор» неоднократно анализировался историками с разных точек зрения [1; 2, с. 221–222; 4, с. 35–43; 5, с. 112; 6, с. 424]. Однако этот богатый источник ещё не становился объектом анализа с точки зрения каналов тактического опыта, на основе которых он составлен, и, следовательно, границ применимости в практической деятельности.

Именно эти задачи и ставятся в настоящей статье.

Состав «авторского коллектива» источника

Источниковедческий анализ «Боярского приговора» следует начинать с исследования того круга лиц, которые участвовали, прямо или косвенно, в его составлении. Это, прежде всего, сам Михаил Иванович Воротынский. В число его помощников вошёл значительный контингент специалистов по делам пограничной службы.

В начале 1571 г. Михаил Иванович собрал в столице людей, постоянно служивших на беспокойном юге и знавших особенности этого театра военных действий – «станичников» да «сторожей». В большинстве своём они были знакомы воеводе по совместной службе.

До наших дней дошёл документ, где в подробностях рассказывается, как и откуда собирали «консультантов» для общей большой работы. В частности, там говорится: «По государеву, цареву и великаго князя приказу боярин, князь Михайло Иванович Воротынской говорил государевым словом в Розряде² диакон Ондрею Клобукову с товарищи, что ему велел государь ведати и поустроити станицы и сторожи и велел доискатись станичных прежних списков. А в города [за ними следует послать]: в Путивль, и на Тулу, и на Рязань, и в Мещеру, и в иные в украинные города, и в Северу по детей по боярских³, по писменных по станичных голов и по их товарищев по станичников и по станичных вожей и по сторожей⁴, которые ездят из Путивля, и с Тулы, и с Рязани, и из Мещеры и из иных

¹ То есть Михаилу Ивановичу приказали упорядочить службу разведывательных и сторожевых отрядов, работавших в Диком поле – степной зоне между южными областями Московского государства и северными владениями Крымского ханства. Польская служба – служба в Диком поле.

² Здесь имеется в виду Разрядный приказ – учреждение, ведавшее в России XVI–XVII столетий организацией воинской службы.

³ Дети боярские – русское дворянство, по положению своему стоящее ниже аристократии – боярских родов.

⁴ Письменные головы, станичные головы, станичные вожжи – чины младших командиров в войсках, осуществлявших разведывательную и дозорную службу на границах Русского царства. Станичники и сторожа – рядовые воины разведывательно-дозорных отрядов, работавших в Диком поле.

украинных городов и из Северы в станицах на поле к розным урочищам, и которые преж сего езживали лет за десять или за пятнадцать. А велел им всем быти к Москве из ближних городов в тот же день по Крещенье Христово, а путивльским – 2 недели спустя после Крещенья Христова»¹.

Помимо опытных, можно сказать, матёрых пограничников, связанных службой с гарнизонами городов и крепостей, Воротынский затребовал аналогичных специалистов иного подчинения. А именно тех, кого отправляли в степь воеводы полевых соединений, дислоцировавшихся на южном направлении.

Более того, князь запросил прислать ему «ветеранов» пограничной службы, включая тех, кто от службы отставлен. Иначе говоря, Воротынский «...велел сыскивати, которые будет дети боярские в станицы и на сторожи и не ездят за старость и за увечья или за которое иное дело, а наперед того в станицах и на сторожи изживали, или будет которые дети боярские, станичные головы, и станичники и сторожи и в полону были, а ныне из полону вышли, и тех всех, сыскав, велел прислать к Москве часа того на те же сроки»².

В январе русская столица встречала съезжающихся знатоков пограничной службы. Небольшая часть, видимо, те, кто добирался из далёкого Путивля, явилась уже в феврале 1571 г.

Стоит обратить внимание на географию списка «экспертов»: Рязань, Мещера, Тула, Севера, Путивль. Затронуты сбором специалистов исключительно те регионы, которые находились под ударом со стороны Крымского ханства и ногайских орд. Здесь нет представителей «Литовского рубежа», где оборонитель-

ные действия перемежались с наступательными, Ливонского рубежа, где в ближайшее время планировалось приступить к масштабным наступательным операциям, Карелии, Урала, Среднего и Нижнего Поволжья. Русское правительство, таким образом, концентрировалось на одном направлении – южном. И «Боярский приговор», таким образом, оставался инструктивным документом в отношении одного этого направления, а не пограничной службы России в целом. Иначе говоря, он имел хоть и широкое, но сугубо региональное значение.

Воротынский доложил царю: «Дело сделано, люди собрались все по списку».

Тогда Иван IV «...приказал боярину, князю Михаилу Ивановичю Воротынскому о станицах и о сторожах и о всяких польских службах сидети... Станичных голов и их товарищев, станичников, и вожей и сторожей велел государь роспросити, а роспрося росписати подлинно порознь, из котораго города и по которым местом и до коих мест пригоже станицам ездити, и в которых местех сторожем на сторожах стояти, и до коих мест на которую сторону от которые сторожи разъездом бывати, и в которых местех головам на поле стояти для береженья от приходу воинских людей³, и из которых городов и по скольку человек с которою головою и каким людем на государеве службе быти, чтоб государю про приход воинских людей быти не безвестну и воинские б люди на государевы украины безвестно не приходили»⁴.

Источниковедение тактического опыта

Консультации со специалистами и ветеранами следовало закончить обобщением и фиксацией полученных сведе-

¹ Царский приказ о назначении князя М. И. Воротынского ведать станицы и сторожи, и о созыве в Москву станичных голов, вожей и сторожей для распроса // Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 1.

² Там же.

³ В данном случае «воинские люди» – это враг, наступающий с юга, т. е. крымские татары и ногайцы.

⁴ Царский приказ о назначении князя М. И. Воротынского ведать станицы и сторожи, и о созыве в Москву станичных голов, вожей и сторожей для распроса // Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 2.

ний. Вот главное дело всей жизни князя М. И. Воротынского как теоретика по тактическим вопросам и как полководца-организатора. Практическая работа по расстановке сторожей требовала других людей. Царь назначил для этого князей Михаила Тюфякина и Михаила Булгакова, а также дал им двух помощников: воеводу Матвея Ржевского по прозвищу Дьяк да Бориса Хохлова.

Выполняя царский приказ, князь М. И. Воротынский «с товарищи о станицах и о сторожах, и о всех польских службах сидел, и станичных и сторожевых голов, и станичников и вожей, и о полках, и урочищах, и о сторожах расспрашивал, как бы государеву станичному делу было прибыльнее, а роспроса их, приговор велел написать»¹.

Посоветовавшись с собравшимися, Воротынский вынес на обсуждение земской думы документ, который считают первым уставом пограничных войск России. Строго говоря, это вообще первый российский воинский устав. Именовался он «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». По решению думы документ вступил в силу 16 февраля 1571 г. Но здесь стоит напомнить об оговорке сделанной выше: этот документ – устав регионального значения.

«Боярский приговор» чётко регламентировал службу постоянных дозорных застав (сторож) и разведывательных отрядов, совершавших глубокие рейды в сердце степи (станиц).

Служилым людям были указаны точные сроки их дежурств: первые станицы выходили «в поле» 1 апреля, последние – 15 ноября. В поле они сменяли друг друга 8 раз за «боевой сезон», пребывая на позиции по полмесяца.

Что касается сторожей, то они не уходили столь далеко «в поле», соответ-

ственно рисковали меньше и служили в несколько менее напряжённой обстановке. Отсюда – более длительные сроки службы, чем у станичников. Сторожа весной-летом должна была выстаивать на позиции по 6 недель. Осенью срок пребывания на позиции сокращался до 1 месяца. Сроки вывода сторожей на позиции, а также их отвода назад, с поля, считались стратегически важным делом, о нём требовалось извещать командование вплоть до самого государя: «А с которых сроков, и с которого числа и в котором месяце воеводы сторожей учнут на поле на сторожи отпущати, и о том им писати к государю тот же час, с первым гонцом, и роспись тому подлинная прислати, с которых сроков станут отпущати. А на донецких сторожах и из всех украинских городов на польских сторожах сторожей ставити апреля с 1 числа, а стояти сторожем до тех мест, докуды снега большие укинут». Иными словами, для сторожей не было обязательного, чётко прописанного срока отхода с позиций – 15 ноября не для них. От них требовалось стоять до «больших снегов», и неважно, когда земля укроется белым одеялом, поздно или рано, уходить до того нельзя.

«Боярский приговор» определял основные маршруты движения, способы оповещения главных сил русской оборонительной армии на Оке, количество и качество коней (запрещалось отправлять станичников и сторожей на службу на «худых» конях). Не оставлены были без внимания нормы выплат за пребывание на опасных участках.

От русских пограничников требовалось нести службу, «с коня не сседа». Не останавливаться в лесах из-за опасности попасть в ловушку неприятеля, но искать для стана место, где можно было бы устроиться «усторожливо», т. е. издалека видя приближение врага. Найдя неприятеля, сейчас же отправлять гонца к воеводам в «украинных городах», а самим скрытно двигаться неподалёку от вражеских отрядов, выясняя числен-

¹ Царский приказ о назначении князя М.И. Воротынского вести станицы и сторожи, и о созыве в Москву станичных голов, вожей и сторожей для роспроса // Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 2.

ность противника и поддерживая через гонцов связь с командованием. Нельзя сразу же покидать позицию, надо продолжать, пока возможно, разведывательную работу. Но и торопиться с вестями тоже не стоит – сведения требуются проверенные.

Документ, разработанный Воротынским «со товарищи», предусматривал суровое наказание за оплошку: «А которые сторожа, не дождавшись себе смены, со сторожи съедут, а в те поры государевым украинам от воинских людей учинится война, и тем сторожам быть казненным смертью. А которые сторожи на сторожах лишние дни за сроком перестоят, а их товарищи на обмену в те дни к ним не приедут, и на тех [опоздавших] сторожах заслушание имати [выплаты] тем сторожем, которые за них через свой срок лишние дни перестоят, по полуполтине¹ на человека на день. А которых станичников или сторожей воеводы или головы кого пошлют дозирати на урочищах и на сторожах, а [если]... они стоят небрежно и неусторожливо и до урочищ не доезжают, а хотя приходу воинских людей и не будет, и тех станичников и сторожей за то бити кнутъем»².

Русским «пограничникам» предписывалось также, останавливаясь на ночлег, не расседлывать коней, не разжигать огонь для приготовления пищи в одном месте дважды за день, не оставлять наблюдение за врагом после того, как он обнаружен.

По «Боярскому приговору» можно судить: пограничная служба в XVI в. была смертельно опасной. Только очень рискованные люди могли отважиться на такую «работу». Летописи и разряды пестрят случаями, когда вести о неприятеле приходили от сторожей и станичников задолго до его появления у Оки, оказываясь таким образом спасительными для всей

системы русской обороны. Но время от времени станичник оказывался в плену у татар, и жить ему оставалось столько, сколько выдержит человеческая плоть под скорой и беспощадной пыткой.

Анализ документа заставляет отметить особую географию и хронологию инструктивных статей, в нём содержащихся. Города и «урочища», перечисленные в нём, относятся к Поочью и землям, лежащим к югу от Окского рубежа. И, самое главное, время, регламентированное для выхода дозорщиков и станичников на службу, зависело от циклических природных явлений Русского Юга. Сход снегов, подсыхание земли, начало осенних дождей и выпадение снегов – явления, которые определяли, на какой срок русский пограничный служилец будет востребован в поле и сколь долго его служба продлится. Ни для Урала, где происходили столкновения с Сибирским ханством, ни для Карелии, ни для Поволжских регионов названная хронология не подходила.

Важно учитывать тактический опыт самого князя М. И. Воротынского. Богатейший человек, боярин и воевода, командовавший в разное время отдельными полками и самостоятельными полевыми соединениями, Михаил Иванович был прежде всего военачальником-практиком. Судьба его наполнена походами, боями, службой на воеводстве в городах дальних и ближних. Первое его известное по источникам воеводское назначение, стоит напомнить, произошло в 1539 г. А в дальнейшем – море службы, надолго прерываемой лишь опалой. Князь Воротынский накопил за 3 десятилетия громадный опыт воеводской работы на степных окраинах России. Иначе говоря, работы, смысл которой состоял в противостоянии татарам, ногайцам, черемисе. Это значит: князь очень хорошо знал врага, а ещё того лучше – боевые ресурсы, коими Россия могла оперировать на границах, отражая противника [2, с. 203–220].

И, стоит заметить, этот был враг, стоявший на востоке и на юге. Воротынский

¹ 25 копеек серебром.

² Боярский приговор о станичной и сторожевой службе // Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 3.

являлся героем взятия Казани. Кроме того, князь очень много воевал на степном юге. Специалистом по литовско-ливонскому театру военных действий он не являлся, а дела обороны Русского Урала от него были вообще бесконечно далеки.

Заключение

Итак, «Боярский приговор» надо считать документом, составленным специалистом своего дела при возможностях широкой консультации у иных специалистов своего дела. Опыт Воротынского, опыт специалистов и ветеранов перелился на бумагу, чтобы застыть строками инструкции, способной, при тщательном её соблюдении, спасти немало жизней. Впоследствии нормы «Боярского приговора» изменялись, их дорабатывали, совершенствовали, но добротная основа, полученная когда-то трудами Воротынского, оставалась прежней.

Введённый в действие зимой 1571 г. «Боярский приговор» улучшил качество русской пограничной службы. Не сию же секунду, разумеется, а в перспективе. Никакая бумага, даже составленная наилучшим образом, со знанием боевой практики и на основе большого боевого опыта, не может привиться к армейской действительности одномоментно. Требуются время и твёрдая воля к соблюдению установленных норм. Тогда положение дел выправится.

«Боярский приговор», как было доказано, мог быть иметь только региональное применение. Вся регламентация пограничной службы, в нём установленная, касалась только Русского Юга. К остальным областям России она не имеет никакого касательства.

Однако значение «Боярского приговора», созданного Воротынским со товарищи, колоссально. Документ уникален по одной важной причине: Россия начала выстраивать масштабную оборону на своих южных рубежах, как уже говорилось, с возникновением «крымской угрозы» в 1510-х гг. Успех в организации

ежегодных оборонительных мероприятий пришёл в 1530-х – 1540-х гг. Мягко говоря, далеко не сразу русские воеводы научились отбивать крымцев. Позднее, в 1550-х гг., Россия попыталась перейти на юге в наступление, потеснить Крымское ханство, а ещё лучше – разгромить его, как прежде были разгромлены другие татарские «юрты». Выяснилось, что сил для реализации столь масштабного проекта пока недостаточно. Достаточно их станет, стоит напомнить, лишь при императрице Екатерине II, т. е 2 столетия спустя. В конце 1550-х гг. произошла смена приоритетов на ниве русской международной политики. Государство Российское развернулось лицом к северу, и, соответственно, вектор экспансии оказался направлен в сторону Ливонии. Но в 1560-х гг. активизировался сам крымский хан, ведь для него, с одной стороны, перенаправление основных сил России на север создавало отличный шанс побороться за Русский Юг, а с другой – пепел Казани стучал в его сердце. Многие крымские правители считали Казань и Астрахань «своими», им казалось, что присоединение обоих «юртов» к могучей Крымской державе – дело времени.

И вот Воротынский обобщает опыт гибельно опасной борьбы на юге – после отступлений и наступлений и новых отступлений, а потом главного осознания – битва за Русский Юг завершится не скоро. Не через год, возможно, не через десятилетие. Она будет наследоваться Русским царством из поколения в поколение. Как когда-то далекие предки наследовали от поколения к поколению чудовищную ситуацию ордынского ига.

Поэтому и документ, выработанный в 1571 г., сохранит своё значение на всё время, пока будет продолжаться это титаническое вооружённое противостояние в южнорусском регионе. Актуальность он потеряет лишь в XVIII столетии.

Дата поступления в редакцию 16.11.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской уkraine Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1846. 88 с.
2. Володихин Д. М. Полководцы Московского царства. М.: Молодая гвардия, 2020. 352 с.
3. Володихин Д. М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015. 304 с.
4. Каргалов В. В. Русские воеводы XVI–XVII вв. М.: Вече, 2005. 384 с.
5. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди: происхождение русского дворянства. СПб.: Государственная типография, 1898. 330 с.
6. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 576 с.
7. Флоря Б. Н. Иван Грозный М.: Молодая гвардия, 1999. 403 с.

REFERENCES

1. Belyaev I. D. *O storozhevoy, stanichnoy i polevoy sluzhitel'nitse polskoy Ukrainy Moskovskogo gosudarstva, do tsarya Aleksey Mikhailovicha* [On the guard, stanitsa and field service in the Polish Ukraine of the Moscow state, before Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1846. 88 p.
2. Volodikhin D. M. *Polkovodtsy Moskovskogo tsarstva* [The commanders of the Moscow Kingdom]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2020. 352 p.
3. Volodikhin D. M. *Patriarkh Germogen* [Patriarch Hermogenes]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2015. 304 p.
4. Kargalov V. V. *Russkiye voyevody XVI–XVII vv.* [Russian voivodes of the 16th–17th centuries]. Moscow, Veche Publ., 2005. 384 p.
5. Pavlov-Silvansky N. P. *Gosudarevy sluzhili lyudyam: priznaniye russkogo dvoryanstva* [The sovereign's serving people: the origin of the Russian nobility]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1898. 330 p.
6. Skrynnikov R. G. *Tsarstvo terrora* [The Reign of Terror]. St. Petersburg, Nauka, Publ. 1992. 576 p.
7. Florya B. N. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1999. 403 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; проректор по научной работе Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет);
e-mail: volodih@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy M. Volodikhin – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Research Vice-Rector; K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University);
e-mail: volodih@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Володихин Д. М. «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» 1571 г.: источниковедческие проблемы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 58–65.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-58-65

FOR CITATION

Volodikhin D. M. «Boyar's verdict on the patrol and guard service», 1571: problems of source studies. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 58–65.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-58-65

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-66-75

Р. М. ОРЖЕНЦКИЙ – ПРОФЕССОР ДЕМИДОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦЕЯ

Лушников А. М.*Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова
150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование биографии и основных вех научного творчества российского и польского учёного Р. М. Орженцкого.

Процедура и методы. В работе использовались принципы объективности, научности и историзма.

Результаты. Уточнены основные факты биографии известного российского учёного-энциклопедиста Р. М. Орженцкого. Основное внимание в статье уделяется ярославскому периоду деятельности учёного. На основании изучения широкого спектра исторических источников и исследовательской литературы освещено творческое наследие Р. М. Орженцкого-юриста. Вместе с тем в статье указывается, что именно в Демидовском юридическом лицее Р. М. Орженцкий получил общероссийское признание в качестве статистика, в частности пионера в области математической статистики, а также в качестве яркого представителя психологического направления в политической экономии. Отдельно подчёркнуто, что Орженцкий являлся замечательным педагогом. При этом свою психологическую теорию Р. М. Орженцкий в качестве профессора Демидовского юридического лицея перенёс и на учебный процесс.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в высших учебных заведениях при чтении общих курсов по отечественной истории, истории народного образования Российской империи, истории Ярославского края и проведении по указанным учебным дисциплинам практических занятий.

Ключевые слова: Демидовский юридический лицей, Р. М. Орженцкий, земская статистика, трудовое право, революция 1917 г., биография

R. M. ORZHENTSKY – PROFESSOR OF DEMIDOV LAW LYCEUM

A. Lushnikov*P. G. Demidov Yaroslavl State University
ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl 150000, Russian Federation*

Abstract

Aim. A study of the biography and main stages of scientific work of the Russian and Polish scientist R. M. Orzhentsky.

Methodology. During the writing of the article, the principles of objectivity, scientificity and historicism were applied.

Results. Based on the results of the conducted research, the main facts of the biography of the famous Russian scientist-encyclopedist R.M. Orzhentsky were clarified. The main attention in the article is paid to the Yaroslavl period of the scientist's activity. Based on the study of a wide range

of historical sources and research literature, the creative heritage of R. M. Orzhentsky the lawyer is covered. At the same time, the article indicates that it was at the Demidov Law Lyceum that R. M. Orzhentsky received all-Russian recognition as a statistician, in particular, a pioneer in the field of mathematical statistics, as well as a bright representative of the psychological direction in political economy. It is separately emphasized that Orzhentsky was a remarkable teacher. At the same time R. M. Orzhentsky, as a professor at the Demidov Law Lyceum, transferred his psychological theory to the educational process.

Research implications. The results of the study can be used in higher education institutions when teaching general courses on Russian history, the history of public education in the Russian Empire, the history of the Yaroslavl region, and conducting practical classes on these academic disciplines.

Keywords: Demidov Law School, R. M. Orzhentsky, zemstvo statistics, labor law, revolution of 1917, biography

Введение

Жизнь российского и польского учёного Романа Михайловича Орженцкого (1863–1923) очень похожа на сюжет авантюрного романа с большими вкраплениями рутинных будней. Вероятно, он был человеком порывистым и увлекающимся, что видно по его неоднократной смене мест учёбы, работы, жительства (и даже государств), научных специализаций, политических пристрастий и даже особенностям личной жизни. Да и характер он имел, судя по всему, с норовом, сложно сходилась с людьми, не любил «плыть по течению» и «ходить в строю». Уже в период его научного творчества отношение к учёному было неоднозначным, а посмертная судьба его научного наследия не менее извилиста.

Почти забытый в Советском Союзе, начиная с середины 1920-х гг. (все упоминания сводились к тому, что это «вульгарный», мелкобуржуазный экономист), и не очень ценимый в Польше, он стал достаточно известным персонажем исследований в постсоветской России. В некоторой степени это касается Украины и, насколько нам известно, в меньшей мере Польши. При этом как экономист он фактически забыт, как статистик поднят «на щит» и отнесён к числу ведущих специалистов (учёных и практиков), а как юрист почти неизвестен до сих пор.

В этой связи нами была предпринята попытка с максимальной подробностью восстановить его биографию и вехи на-

учного творчества, кратко рассмотреть его вклад в развитие политической экономики и статистики и осветить наследие Р. М. Орженцкого-юриста. Отметим, что литература о нём фрагментарна, данные об учёном достаточно противоречивы, а оценки творчества – порой неоднозначны [1; 3 и др.]¹.

Некоторые факты биографии уточнить проблематично в связи с тем, что архив Демидовского юридического лица (г. Ярославль), в котором учёный работал с 1907 по 1918 г., практически полностью сгорел в июле 1918 г. в период подавление антибольшевистского восстания в Ярославле. Не сохранился даже формулярный список учёного, а отдельные сведения, имеющиеся в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО), касаются преимущественно его практической работы. Некоторые сведения отложились в фондах филиала ГАЯО-Центре документации новейшей истории (ЦДНИ) (филиал ГАЯО ЦДНИ), о чём будет сказано далее.

В наибольшей степени в литературе затронут вклад Романа Михайловича

¹ См.: Большая советская энциклопедия. М.: Изд. БСЭ, 1974. Т. 18. С. 508; История Академии Наук УССР. Киев: АН УССР, 1967. Кн. 2. С. 359–360 (на укр. языке); Птуха М. В. Академик Р. М. Орженцкий. Киев: Б.и., 1923. 20 с.; Птуха М. В. Академик Роман Михайлович Орженцкий // Записки социально-экономического отдела ВУАН. 1926. Т. 2-3. С. 1-19 (на укр. языке); Роман Михайлович Орженцкий // Статистический бюллетень Одесского губернского статистического бюро. 1923. № 5-6. С. 161–170 и др.

в развитие статистики [2; 4; 5; 7; 8; 9; 11; 15 и др.], а как учёный-юрист он рассматривается крайне редко [12; 14; 16 и др.]. При этом известная нам справочная литература на польском языке изобилует фактическими ошибками [например, 17, с. 127–128].

Ранняя ярославская биография

В конце 1906 г. ему было отказано в занятие кафедры политической экономии и статистики Новороссийского университета в г. Одессе «за вольнодумство». Он начал поиск нового места работы и был принят приват-доцентом в Демидовский юридический лицей (г. Ярославль) по кафедре политической экономии и финансовой науки. Дело в том, что в 1907 г. статистика стала преподаваться в лицее в качестве отдельной, как бы сейчас сказали, базовой дисциплины. Напомним, что Демидовский юридический лицей формально был учреждён в 1868 г., а фактически начал работать в 1870 г. Курс статистики там изначально преподавал Н. Н. Ворошилов (1839–1873), а затем достаточно длительное время, А. Р. Свищевский (1861 – после 1937). И для того, и для другого это не было основной специализацией, да и само преподавание статистике было своеобразным приложением к курсу политэкономии. Только с 1907 г. она стала отдельной дисциплиной.

Естественно, разочарованный в политэкономических исследованиях и политической борьбе Р. М. Оржецкий не мог не заинтересоваться такой перспективой. Сказались и личные обстоятельства, т. к. в этот период он находился в процессе развода с женой, а в 1907 г. вступил в новый брак с А. П. Зелингер. Для человека, воспитанного в католической традиции, это был смелый и неординарный шаг.

Отметим, что детям от первого брака он постоянно оказывал материальную помощь и поддержку. Так, его сын Михаил (1891–?) окончил впоследствии Демидовский юридический лицей, был оставлен там же с 1916 г. по кафедре

уголовного права для подготовки к профессорскому званию. Кроме того, Орженский-младший являлся в лицее и лектором (преподавателем) латинского языка¹. Вероятно, здесь не обошлось без рекомендации отца.

Обустройство на новом месте и необходимость поддержки прежней семьи вынуждали его работать буквально на износ. Помимо основной работы, учёный еженедельно ездил в Рыбинск (около 80 км от Ярославля), где читал лекции по статистике в местной коммерческой школе. Вёл ежемесячные занятия по политэкономии и статистике и в столице, Петербурге, на частных курсах Раева, Стоюниной, Побединского. По официальным данным, в 1906–1907 учебном году он преподавал ещё и в Петербургском императорском университете².

Начало педагогической деятельности в Ярославле

Вернёмся к основной педагогической и научной деятельности Р. М. Орженцко-го, которая протекала в Ярославле. Дело в том, что руководство Демидовского юридического лицея (с 1907 г. директором лицея был профессор М. П. Чубинский (1871–1943)) проводило достаточно либеральную кадровую политику. В лицее одновременно с нашим героем нашли пристанище на преподавательских должностях гонимые в столичных университетах марксист Н. Н. Полянский (1878–1961), социалисты Б. А. Кистяковский (1868–1920) и Б. В. Чредин (1885–1930). В числе студентов лицея начала XX в. были будущие видные руководители Советской России. Среди них: Н. И. Подвойский (1880–1948), впоследствии нарком по военным делам РСФСР; М. С. Кедров (1878–1941) – один из создателей ВЧК; А. М. Стопани (1871–1932) – один из руководителей прокуратуры РСФСР и др. Первая кадетская организация в Яро-

¹ Филиал ГА ЯО-ЦДНИ. Ф.7867. Оп. 2, Д. 2938. Л. 1-5.

² Юридическая библиография. 1907. № 2. С. 56–60.

славской губернии была создана в значительной степени на базе лицея.

В начале 1907 г. Орженцкий переезжает в Ярославль, где становится приват-доцентом кафедры политической экономии и финансовой науки, а с декабря 1909 г. утверждается в должности экстраординарного профессора по той же кафедре. Во многом его стараниями в вузе был учреждён статистический кабинет с богатым подбором литературы. В 1912 г.¹ в Петербургском университете учёный защитил докторскую диссертацию по статистике. Отметим, что он стал вторым после А. А. Чупрова (1874–1926), защитившим докторскую диссертацию по статистике. На май 1913 г. за ярославским профессором было закреплено 2 лекционных курса: политэкономия (4 ч в неделю), а также статистика (число часов в неделю не указано)².

Наконец, в 1914 г. он утверждается в должности ординарного профессора по кафедре политэкономии и финансовой науки Демидовского юридического лицея. В этой должности он и оставался до самого отъезда из Ярославля в августе 1918 г.

По общему мнению, Роман Михайлович был замечательным педагогом. При этом свою психологическую теорию он в известной степени переносил и на учебный процесс. Так, учёный считал, что соотношение лекционных занятий с семинарскими и практическими занятиями должен определять только преподаватель, причём исходя из характеристик конкретной студенческой аудитории, это соотношение может быть разным. Профессор был против обязательного посещения занятий и контроля явки. Для него учебный процесс был сотворчеством преподавателя и студентов, где надо ориентироваться на самых талантливых и подготовленных учеников, а не

на основную массу, а тем более не на самых слабых. Он считал, что только в ходе лекций студент может получить хорошую профессиональную подготовку.

Вуз был для учёного храмом науки, а не мастерской по натаскиванию просвещённых ремесленников. Идеалом являлось широкое научное образование, позволяющее развиваться дальше, учиться самому и учить других. Подготовка к практической деятельности была вторичной, причём научно подготовленный выпускник всегда мог приспособиться к любой профильной практической деятельности. Примечательно, что в этом его взгляды совпали с идеологией учебного процесса, исповедуемой в Демидовском юридическом лицее со дня его основания.

Ярославский период (1907–1918 гг.) стал самым плодотворным в творчестве учёного. Он сразу же включился в научную и общественную жизнь лицея, в 1908–1910 гг. был соредактором вузовских изданий «Юридические записки» и «Юридическая библиография». С коллегами у него сложились ровные отношения, в т. ч. с коллегой по кафедре и предшественником в преподавании статистики А. Р. Свирщевским, преподававшим на его кафедре финансовое право. К тому же именно в этот период учёный опубликовал более 25 рецензий на труды экономистов и юристов, о чём будет сказано ниже.

Статистическое бюро

В 1910 г. Роман Михайлович был назначен на должность заведующего Оценочно-статистического бюро Ярославского губернского земства, что предполагало активное занятие земско-статистическими исследованиями. Эту должность он занимал до 1918 г., став одним из самых видных российских специалистов в сфере теории и практики земской статистики. В этой связи стоит обратить внимание на его труд как практика-статистика именно в ярославский период его жизни [6, с. 6–7, 172–173 и

¹ Орженцкий Р. М. Сводные признаки // Временник Демидовского юридического лицея. 1910. № 103. С. 5–443.

² Филиал ГАЯО–ЦДНИ. Ф.541. Оп. 2. Д. 30. Л. 1–2.

др.]. Новая должность позволила учёному уменьшить интенсивность педагогической деятельности и организовать несколько командировок за границу с научной целью.

Ярославский период деятельности учёного условно можно назвать более «статистическим», в отличие от предыдущего одесского, который был более «политэкономическим». В части вклада в развитие науки статистики его роль оценивается высоко, хотя и тут не всё так однозначно. Учёного обоснованно считают основоположником математической статистики, автором первого соответствующего учебника. При этом основные научные работы Орженцкого были опубликованы в Ярославле или в период работы в этом городе¹. При этом он был одним из редких исследователей, кто не разделял политэкономии и статистику (будучи специалистом в обеих областях знания), рассматривая их как один предмет.

Естественно, что в лице Р. М. Орженцкий читал и основной курс политэкономии². При этом учёный отказывался

иметь дело с абстрактными людьми, которыми оперирует традиционная статистика. Для него человек-субъект принятия решений на основании совокупности своих психических переживаний и стремлений. Статистика для него также стала психологической наукой, причём ориентировался он не на германскую историческую школу, а, скорее, на британский позитивизм в духе Дж. С. Милля. Ему принадлежит теория «сводных признаков» (через средние и относительные сводные величины) и принижение (до полного отрицания) роли наблюдения. Он пришёл к выводу, что сводные признаки не показывают нам истину, но чем больше даётся измерений одного объекта, тем больше мы приближаемся к истине.

Однако даже выделения типа, основания классификации сводных признаков связывались с интуицией и творчеством исследователя. Примечательно, что он признавал важную роль волевого фактора и целенаправленной деятельности людей при распределении, что делало некое «нормальное», усреднённое распределение в социальной сфере практически невозможным. Поскольку более полной информацией обладают доминирующие группы, то наблюдается асимметрия в их пользу.

Термин «математическая статистика» был известен и ранее, однако именно Орженцкий первым подготовил учебник с таким названием и вывел данную терминологию на первый план. В России упование на точность новой науки большой поддержки не встретило, кроме отдельных авторов, например у А. А. Чупрова. За рубежом такой подход особого понимания не вызвал, а в числе его наиболее ярких критиков оказался великий британский экономист Дж. М. Кейнс (1883–1946) [13, с. 46–53].

В этой связи характерна рецензия на «Учебник математической статистики» одного из ведущих отечественных эконо-

читанным в 1908/1909 учебном году). Литографированное издание.

¹ См.: Орженцкий Р. М. К теории фонда // Юридические записки Демидовского Юридического лицея. 1909. Вып. I. С. 125–144; Орженцкий Р. М. О частичном наблюдении в статистике // Юридические записки. 1909. Вып. II. С. 310–324; Орженцкий Р. М. Сводные признаки // Временник Демидовского юридического лицея. 1910. № 103. С. 5–443; Орженцкий Р. М. Урожай ржи на крестьянских землях Ярославской губернии. Ярославль: Тип. Губ. правления, 1912. 46 с.; Орженцкий Р. М. О статистическом методе // Природа. 1914. Сентябрь. Ст. 1017–1032; Орженцкий Р. М. К вопросу о природе хозяйственных явлений и методе их изучения // Юридические записки. 1914. Вып. V. С. 196–209; Орженцкий Р. М. Некоторые приемы статистического метода. Ярославль: Тип. Губ. правления, 1914. 165 с.; Орженцкий Р. М. Учебник математической статистики. Ярославль: Тип. Губ. правления, 1914. 251 с.; Орженцкий Р. М. К вопросу о корреляции // Статистический Вестник. 1914–1915. Кн. 4. С. 94–98; 1916–1917. Кн. 1–2. С. 116; Орженцкий Р. М., Гуревич М. Б. Положение мукомольной промышленности осенью 1915 г. по данным специального исследования в Ярославской губернии. М.: Б.и., 1916. Вып. 3. 10 с. и др.

² Орженцкий Р. М. Политическая экономия. Лекции. Вып. 1–2. Ярославль, 1909 (составлены студентами И. Ю. Калецким и А. С. Люксембургом по лекциям,

номистов и статистиков А. А. Кауфмана (1864–1919). Одновременно с трудом нашего героя им было рассмотрено исследование австрийского статистика Х. Форхера «Статистический метод: введение в основы и в существенные характерные черты» (Лейпциг, 1914). О труде Р. М. Орженцкого в части теории статистики было сказано, что он «...должен войти в число необходимых пособий для каждого интересующегося этой теорией»¹.

При этом математическую часть работы Кауфман оценил очень критично, а теоретическую часть назвал в высшей степени ценной. Не без основания слово «учебник» рецензент постоянно употреблял в кавычках, отмечая, что сложный материал в отдельных местах не поясняется, а достаточно очевидные вещи комментируются излишне подробно. Опять же можно констатировать настороженное отношение именно к математической статистике. Да и взгляды учёного на статистику претерпели некоторую эволюцию. Если первоначально он считал статистику методологической наукой, пригодной для многих сфер деятельности («служанкой многих господ»), то затем всё более склонялся к тому, что это общественная наука, количественно характеризующая общественные явления и предметы.

В целом Орженцкий-статистик был признан своими коллегами, а отзывы о нём таких корифеев статистики, как А. А. Кауфмана, И. И. Кауфмана, М. В. Птухи, Е. Е. Слуцкого, были порой не просто положительными, но и выражались в превосходных степенях.

Работа юристом

Более сложно отразить наследие Р. М. Орженцкого-юриста, хотя оно связано со всеми его предыдущими ипостасями. Напомним, что он окончил именно юридический факультет университета,

практически всю свою преподавательскую карьеру преподавал опять же на юридических факультетах университетов или в юридическом вузе, долгое время был юристом-практиком. Очевидно, что свою психологическую теорию (прообраз «поведенческой экономики») он экстраполировал и на право.

С этим связана и его идеологическая позиция, которая в целом не изменилась. Однако его политические взгляды были уже не столь радикальными, как в одесский период, а скорее, реформистскими. Вероятно, этому способствовало и общение в Демидовском юридическом лицее с одним из основателей науки трудового права Л. С. Талем (1866–1933) и другими социально ориентированными исследователями. В крайнем случае, на известной фотографии профессоров и служащих Демидовского юридического лицея 1913–1914 учебного года их фотографии помещены рядом.

Исследования Р. М. Орженцкого позволяют всесторонне рассматривать вопросы, связанные с правовым регулированием труда. Начнём с того, что проблемы заработной платы заботили его и как экономиста, и как статистика. Учёный был противником «железного закона заработной платы», считал, что разносторонние потребности рабочих не подлежат элементарному вычислению. Более того, отрицалось само наличие фонда заработной платы, т. к. существует общий фонд, который расходуется на цели производства, нужды самого капиталиста и др.

В этой связи вполне допускалось, что конкретный размер заработной платы определяется не только желаемой структурой затрат работодателей, но реальным соотношением социальных сил, расширенными потребностями и волей работников. При этом дополнительные затраты на оплату могут дать большой экономический эффект. Здесь в зачатке можно рассмотреть то, что в последствие получило название теории «человеческо-

¹ Кауфман А. А. К вопросу о существовании статистического метода (оттиск из «Статистического вестника». Кн. IV. 1914–1915). М.: Б.и., 1915. С. 20.

го капитала» [10, с. 457–574]. Естественно, что данная терминология была ему чужда, но значение условного «человеческого фактора» выходило на первый план.

Он занимался, в частности, изучением связи экономических циклов и изменения конъюнктуры рынка с ростом безработицы и динамикой забастовок. Учёный выступал за направленность бюджета, которую в современных терминах можно назвать «социальной», что связывалось с увеличением ассигнований на поддержку неимущих слоёв населения, социальные пособия и др.

В некоторых публикациях он непосредственно касался рабочего вопроса. Так, в рецензии на исследование Н. Н. Полянского «Стачки рабочих и уголовный закон» (СПб, 1907) он опровергал мнение автора рецензируемого труда, будто свобода коалиций делает излишней законодательную охрану интересов рабочих. Для ярославского учёного было очевидно, что коллективные способы борьбы рабочих за свои права должны сочетаться с наличием развитого трудового законодательства, защищающего рабочих от неконтролируемой эксплуатации. Между тем Н. Н. Полянский утверждал обратное, а именно то, что предоставление рабочим широкой коалиционной свободы гораздо ценнее и желательнее для них, чем вся отеческая забота о них законодателя.

Р. М. Орженцкий обоснованно отметил, что Н. Н. Полянский не придаёт особого значения отрицательным сторонам забастовки, хотя они довольно существенны, в т. ч. для самих рабочих. По мнению Орженцкого, забастовку нельзя признать единственным средством борьбы за интересы рабочих, причём это средство является нелёгким и для самих забастовщиков. В рецензии обращалось внимание и на то, что Н. Н. Полянский провёл своё правовое исследование в некотором отрыве от экономической составляющей затронутых проблем, в частности, рассмотрел не все теории заработ-

ной платы, не учитывал экономических последствий забастовок¹.

Кстати, вернёмся к опубликованным уважаемым профессором рецензиям на труды коллег. В частности, в «Юридической библиографии, издаваемой Демидовским юридическим лицеем», он публиковал рецензии на труды известных финансистов и статистиков: И. М. Кулишера, Р. Штаммлера, П. А. Никольского, Л. В. Ходского, Б. С. Цыпкина, Ю. Э. Янсона и др.². Не остались без рецензионного внимания автора труды философов К. Каутского, Н. А. Бердяева и др. Это позволяет рассмотреть его воззрения на целый спектр проблем, связанных с теорией права, финансовым и административным правом.

Последние годы работы в Ярославле

Вернёмся к биографии Р. М. Орженцкого. К революционным событиям 1917 г. он отнёсся, вероятно, вполне позитивно. В крайнем случае, никаких сведений о его действиях, свидетельствующих об обратном, у нас нет. Он продолжил преподавание в Демидовском юридическом лицее, на базе которого в начале 1919 г. был образован Ярославский государственный университет. Не прекратил он и практической работы на ниве статистики. Так, до августа 1918 г. он совмещал преподавание с заведованием Статистическим отделом исполкома Ярославского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

В сентябре 1918 г. Р. М. Орженцкий покинул Ярославль³. В ноябре этого же года в выписке о распределении педагогической нагрузки он уже не числился⁴.

¹ См.: Орженцкий Р. Рецензия на книгу Н.Н. Полянского «Стачки рабочих и уголовный закон» // Юридическая библиография. 1907. №3. С.16-18.

² Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. 1907. № 7. С. 50–51; 1908. № 2. С. 88–90 и др.

³ На начало сентября 1918 г. он ещё числился ординарным профессором ярославского вуза (см.: Сборник Ярославского государственного университета. Ярославль: ЯрГУ, 1920. Вып. 1. С. 351).

⁴ Филиал ГА ЯО - ЦДНИ. Ф.7867, Оп.2, Д. 917. Л.11.

Причина переезда была вполне прозаичной: в ходе подавления антибольшевистского восстания в июле 1918 г. Ярославль сильно пострадал, а условия жизни там стали крайне тяжёлыми.

В дальнейшем Роман Михайлович некоторое время был профессором Петербургского университета, одновременно работал в Центральном статистическом управлении (ЦСУ) в Москве, затем трудился в Киеве. Наконец, в 1922 г. он не вернулся из зарубежной командировки в Варшаву, где был избран профессором местного университета. Однако его концептуальные подходы к проблемам экономики, статистики и права были уже выработаны в годы профессорства в ярославском вузе.

Заключение

В качестве заключения отметим следующее. Перу учёного принадлежит более 10 монографий и учебников и ещё

около 50 публикаций, причём почти 40 из них приходится на ярославский период его работы. Именно в Демидовском юридическом лицее он получил общероссийское признание в качестве статистика, в частности, пионера в области математической статистики, а также в качестве яркого представителя психологического направления в политэкономии. Профессора волновала и тематика юридического характера: психологическая теория права, соотношение законодательного и коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, роль заработной платы в стимулировании труда и др. Они остаются в центре внимания учёных и в настоящее время. Его вклад в науку достоин внимания и, благодаря универсальности Р. М. Орженцкого, рассмотрению стыковых проблем экономики, статистики, права и психологии.

Дата поступления в редакцию 02.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонюк С. Н. Академик Р. М. Орженцкий – основатель киевской экономической школы // Учёные записки Киевского национального экономического университета им. В. Гетмана. Киев: КНЭУ, 2006. С. 17–29.
2. Ваганов В. А., Завьялов Ф. Н. 180 лет ярославской статистики // Вопросы статистики. 2015. № 9. С. 84–88.
3. Гущина Е. В., Морозов Д. К., Салова Ю. Г. Библиографический сборник Демидовского университета. Ярославль, Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2008. 253 с.
4. Диденко О. Н. Р. М. Орженцкий – организатор отдела статистической методологии при Центральном управлении государственной статистики // Фундаментальные исследования. 2013. № 10. С. 3215–3218.
5. Завьялов Ф. Н. Жизнь, отданная науке // Теоретическая экономика. 2023. № 2. С. 114–130.
6. Завьялов Ф. Н. Использование достижений земских исследований для современной методологии и статистики. Ярославль: Филигрань, 2018. 286 с.
7. Завьялов Ф. Н. Р. М. Орженцкий – выдающийся ярославский статистик // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Т. 1: Гуманитарные науки. С. 260–265.
8. Завьялов Ф. Н. Р. М. Орженцкий и его значение в статистике // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы. Вып. 1. Ярославль: ЯрГУ, 1994. С. 35–38.
9. Завьялов Ф. Н. Статистик Р. М. Орженцкий: учёный и практик // Вопросы статистики. 2014. № 6. С. 80–84.
10. Капелюшников Р. И. Экономические очерки: методология, институты, человеческий капитал. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 574 с.
11. Корнев В. П. Видные деятели отечественной статистика. 1686–1990. Биографический словарь. М.: Финансы и кредит, 1993. 198 с.
12. Лушникова М. В., Лушников А. М. Развитие науки финансового права в России. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. 952 с.
13. Лушников А. М. Дж. М. Кейнс и Ф. А. Хайек: право и экономика: единство и борьба гигантов. М.: Проспект, 2023. 176 с.

14. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовое право и финансовое право: жизнь и научное наследие А. А. Исаева и Р. М. Орженцкого // Вестник трудового права и права социального обеспечения. Вып. 1 Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 59–64.
15. Статистика в Санкт-Петербургском университете / под ред. Я. В. Соколова, Д. А. Львовой. СПб.: Изд. СПбГУ, 2010. 266 с.
16. Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушников, Н. Н. Тарусиной. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 834 с.
17. Profesorowie Wydziału Prawa i Administracji Uniwersytetu Warszawskiego 1808–2008 / pod red. G. Baltrusajtys. Warszawa: LexisNexis, 2008. 354 s.

REFERENCES

1. Antoniuk S. N. [Academician R. M. Orzhentsky – the founder of the Kyiv economic school]. In: *Uchoynnye zapiski Kiyevskogo natsional'nogo ekonomicheskogo universiteta im. V. Getmana* [Scientific notes of the Kyiv National Economic University named after V. Getman]. Kyiv, KNEU Publ., 2006, pp. 17–29.
2. Vaganov V. A., Zavyalov F. N. [180 years of Yaroslavl statistics]. In: *Voprosy statistiki* [Questions of statistics], 2015, no. 9, pp. 84–88.
3. Gushchina E. V., Morozov D. K., Salova Yu. G. *Bibliograficheskiy sbornik Demidovskogo universiteta* [Bibliographic collection of Demidov University]. Yaroslavl, Rybinsk, Rybinskiy Dom Pechati Publ., 2008. 253 p.
4. Didenko O. N. [R. M. Orzhentsky – the organizer of the statistical methodology department at the Central Administration of State Statistics]. In: *Fundamentalnyye issledovaniya* [Fundamental research], 2013, no. 10, pp. 3215–3218.
5. Zavyalov F. N. [A Life Devoted to Science]. In: *Teoreticheskaya ekonomika* [Theoretical Economics], 2023, no. 2, pp. 114–130.
6. Zavyalov F. N. *Ispolzovaniye dostizheniy zemskikh issledovaniy dlya sovremennoy metodologii i statistiki* [Using the Achievements of Zemstvo Research for Modern Methodology and Statistics]. Yaroslavl, Filigran Publ., 2018. 286 p.
7. Zavyalov F. N. [R. M. Orzhentsky – an Outstanding Yaroslavl Statistician]. In: *Yaroslavskiy pedagogicheskiiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2014, no. 1, vol. 1: Humanities, pp. 260–265.
8. Zavyalov F. N. [R. M. Orzhentsky and His Significance in Statistics]. In: *Vysshneye obrazovaniye v Rossii: istoriya, problemy, perspektivy. Vyp. 1* [Higher Education in Russia: History, Problems, Prospects. Iss. 1]. Yaroslavl, Yaroslavl State University Publ., 1994, pp. 35–38.
9. Zavyalov F. N. [Statistician R. M. Orzhentsky: scientist and practitioner]. In: *Voprosy statistiki* [Questions of statistics], 2014, no. 6, pp. 80–84.
10. Kapelyushnikov R. I. *Ekonomicheskiye ocherki: metodologiya, instituty, chelovecheskiy kapital* [Economic essays: methodology, institutions, human capital]. Moscow, Izd. dom VSHE Publ., 2016. 574 p.
11. Kornev V. P. *Vidnyye deyateli otechestvennoy statistiki. 1686–1990. Biograficheskiy slovar* [Prominent figures in domestic statistics. 1686–1990. Biographical dictionary]. Moscow, Finance and credit, 1993. 198 p.
12. Lushnikova M. V., Lushnikov A. M. *Razvitiye nauki finansovogo prava v Rossii* [Development of the science of financial law in Russia]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr-Press Publ., 2013. 952 p.
13. Lushnikov A. M. *Dzh. M. Keyns i F. A. Khayyek: Pravo i ekonomika: yedinstvo i bor'ba gigantov* [J. M. Keynes and F. A. Hayek: Law and Economics: Unity and Struggle of the Giants]. Moscow, Prospect Publ., 2023. 176 p.
14. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. [Labor Law and Financial Law: Life and Scientific Heritage of A. A. Isaev and R. M. Orzhentsky]. In: *Vestnik trudovogo prava i prava zhestkogo obespecheniya. Vyp. 1* [Bulletin of Labor Law and Social Security Law. Issue 1]. Yaroslavl, Yaroslavl State University, 2006, pp. 59–64.
15. Sokolov Ya. V., Lvova D. A., eds. *Statistika v Sankt-Peterburgskom universitete* [Statistics at St. Petersburg University]. St. Petersburg, Izd. SPbGU Publ., 2010. 266 p.
16. Egorova S. A., Lushnikova A. M., Tarusina N. N., eds. *Yaroslavskaya yuridicheskaya shkola: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Yaroslavl Law School: Past, Present, Future]. Yaroslavl, YarSU Publ., 2009. 834 p.
17. Baltrusajtys G., ed. *Profesorowie Wydziału Prawa i Administracji Uniwersytetu Warszawskiego 1808–2008*. Warszawa, LexisNexis, 2008. 354 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лушников Андрей Михайлович – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;
e-mail: amlu0909@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey M. Lushnikov – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Law), Prof., Departmentally Head, Department of Labor and Financial Law, P. G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: amlu0909@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лушников А. М. Р. М. Орженцкий – профессор Демидовского юридического лица // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 66–75.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-66-75

FOR CITATION

Lushnikov A. M. R. M. Orzhentsky – professor of Demidov Law Lyceum. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 66–75.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-66-75

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-76-91

ИЗОБРЕТЕНИЕ ФАЛЬШИВЫХ НОВОСТЕЙ. ВЫСЫЛКА КОРРЕСПОНДЕНТА «ТАЙМС» ИЗ РОССИИ В 1903 Г.

Кременецкий К. В.¹, Банникова Н. В.²

¹ Нью-Йоркская киноакадемия (Лос-Анджелесское отделение)
91505 Калифорния, Бербанк, Риверсайд Драйв 3300, США

² Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотрение информационной кампании лондонской «Таймс» против России на примере деятельности собственного корреспондента «Таймс» в Петербурге в 1901–1903 гг.

Процедура и методы. Проанализированы сообщения периодики и архивные материалы.

Результаты. Показано, что назначение Д. Брейема, молодого человека с минимальным журналистским опытом, собственным корреспондентом в столицу России было связано с начатой «Таймс» кампанией по дискредитации внутренней и внешней политики России. В своих публикациях Брейем использовал материалы из диссидентских русских газет, а революционные газеты использовали и творчески развивали материалы «Таймс». На деятельность корреспондента «Таймс» обратило внимание русское правительство. Высылка Брейема из России была вызвана его статьями с нападками на особу государя императора и контактами с представителями «партии пассивного сопротивления» Финляндии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование демонстрирует роль средств массовой информации в формировании межгосударственных отношений России и Великобритании

Ключевые слова: Дадли Брейем, Таймс, Мещерский, манифест 26 февраля 1903, Финляндия, «Освобождение», «Искра»

FABRICATION OF FAKE NEWS. EXPULSION OF THE «TIMES» OWN CORRESPONDENT FROM RUSSIA IN 1903

K. Kremenetski¹, N. Bannikova²

¹ New York Film Academy (Los Angeles Campus)
3300 Riverside Drive, Burbank, California 91505, USA

² Russian State Humanitarian University
Miusskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation

Abstract

Aim. Study the activity of the «Times» correspondent in St. Petersburg in 1901–1903.

Methodology. Analysis of media and archival sources.

Results. Dudley Braham, a young man with little professional experience was sent by the «Times» to Petersburg to wage a media campaign against Russian internal and foreign policy. Braham was using in his publication's materials from Russian revolutionary papers, and revolutionary papers were using materials from the «Times». That connection was not missed by Russian police and eventually

by Russian government. The decision to expel Braham was triggered by his papers about the tsar's Manifesto of February 26, 1903, and by his contacts with the activists of the «party of passive resistance» in Finland.

Research implications. Paper demonstrates the role of fake news and media campaigns in shaping relations between Russia and Britain.

Keywords: Dudley Braham, «Times», prince Meschersky, Manifesto of February 26 1903, Finland, «Osvobozhdenie», «Iskra»

Введение

В начале XX в. отношение Великобритании к России характеризовалось традиционной враждебностью [12; 18]. Этим обстоятельством определялись тон и тематика сообщений корреспондентов английских газет о внутренней и внешней политике России.

Сообщения иностранных корреспондентов, в т. ч. корреспондентов «Таймс», о России привлекают внимание исследователей [3; 4; 10]. Изучаются выступления и интервью русских политических деятелей в иностранной печати [6; 8].

Собственный корреспондент лондонской «Таймс» Д. Брейем¹ пробыл в Петербурге менее 2 лет и в мае 1903 г. был выслан из России за враждебное отношение к русскому правительству и изобретение фальшивых новостей. За высылкой Брейема последовала продолжавшаяся несколько лет «газетная война» между «Таймс» и Россией. Эти события упоминаются в ряде работ [5, с. 192; 14, р. 38–41; 15, р. 383–384; 16, р. 564; 19, р. 63–64], но до сих пор не были предметом специального рассмотрения.

При рассмотрении деятельности Брейема в России, приведшей к его высылке, были проанализированы его корреспонденции в «Таймс», перепечатки и отклики на материалы «Таймс» в других газетах. Статьи в «Таймс» сопоставлялись со статьями в эмигрантских революционных изданиях, что позволило выяснить их взаимозависимость. Представляют интерес комментарии и полемика с пу-

бликациями «Таймс» в русской прессе. Анализ архивных материалов позволил установить, как готовились газетные сообщения и какое внимание им уделялось в дипломатических кругах.

Место корреспондента «Таймс» в Петербурге освободилось в 1901 г. в связи с тем, что многолетнему корреспонденту «Таймс» в России Добсону был предоставлен длительный отпуск по личным обстоятельствам [2, с. 34]. Брейем в это время был помощником корреспондента «Таймс» в Берлине [15, р. 382]. Одной из причин, по которой Брейем получил это назначение, было то, что, находясь в Германии, он познакомился с П. Б. Струве и другими русскими революционерами [17, р. 55].

Брейем о внутренней политике России

В феврале 1902 г. московский генерал-губернатор Сергей Александрович принял депутацию московских рабочих в связи с организацией общества взаимопомощи². 10 мая (27 апреля) 1902 г. в «Таймс» появилась статья Брейема «Волнения в России»³. В статье Брейем описывает эпическую картину революционный волнений в России. Рассказана история о том, как в Москве полицеймейстер Трепов организует рабочие профсоюзы по английскому образцу, в т. ч. на предприятии французского подданного Гужона. Перевод значительной части этой статьи был опубликован парижской *Matin*⁴.

¹ Dudley Braham (1875–1951). В документах и периодике встречается написание Брагам, Браам, Брахам, Брехем, Graham.

² Московские Ведомости. 1902. 7(20) февраля. С. 2.

³ The Agitation in Russia // The Times. 1902. May 10. P. 7.

⁴ Le Matin. 10 Mai 1902. P. 3.

В качестве источника информации для этой статьи Брейем использовал диссидентские русские газеты¹. Приём рабочей депутации в Москве Сергеем Александровичем Брейем упомянул в качестве примера борьбы царизма с рабочим движением². Вслед за «Таймс» приём рабочей депутации московским генерал-губернатором описала лондонская «Революционная Россия»³.

Через неделю Брейем сообщил дополнительные детали о «забастовке Гужона». Теперь оказалось, что Гужону для защиты от московского полицеймейстера пришлось прибегать к помощи министра финансов Витте и французского посла. Со ссылкой на «Таймс» эту статью перепечатали французские газеты⁴. Со ссылкой на статьи петербургского корреспондента «Таймс» рассказ о забастовке на фабрике Гужона поместила *Free Russia*⁵. Статьи в «Таймс» были восприняты революционными газетами как сигнал к дальнейшим публикациям. Свою исправленную по «Таймс» версию событий поместил выходивший в Лондоне социалистический журнал «Жизнь»⁶.

В декабре 1902 г. Брейем обратил внимание на статью в петербургской газете «Свет» о намечавшейся в Петербурге организации обществ взаимопомощи рабочих под патронажем министерства внутренних дел. Брейем объявил, что петербургская полиция собирается организовать рабочие профсоюзы по образцу московских и сравнил это событие с конфликтом между московской полицией и Гужоном⁷. «Искра» перепечатала сообще-

ние корреспондента «Таймс» и снабдила его комментарием⁸.

В статьях Брейем комментировал политическую систему России, указывая, что правительство России и его финансовая политика враждебны народу⁹. С декабря 1902 г. новости из России появляются под заголовком «Движение за реформы в России». Главной темой стали рассказы о стремлении народа России к свободе, и как за это его угнетает правительство¹⁰. Брейем поместил подробный отчёт о банкете либеральных литераторов в связи с годовщиной крестьянской реформы¹¹. Большая часть этой статьи со ссылкой на «Таймс» была напечатана в «Революционной России»¹².

29 декабря 1902 г. (11 января 1903 г.) Брейем прислал из Петербурга сообщение, со ссылкой на «Санкт-Петербургские Ведомости», о том, что планируется переподчинение фабричных инспекций (подведомственных министерству финансов) министерству внутренних дел. Под пером Брейема это несостоявшееся переподчинение фабричной инспекции превратилось в конфликт между министерствами финансов и внутренних дел¹³.

Брейем и Финляндия

3 февраля 1899 г. был принят Манифест об издании законов, общих для России и Финляндии. Сфера обороны была отнесена к вопросам общегосударственного значения, в связи с чем была упразднена существовавшая в Финляндии территориальная армия. Эти мероприятия вызвали кампанию протеста и

¹ Из мира мерзости и запустения // Революционная Россия. № 4. Февраль 1902. С. 24; Из Москвы // Искра. № 19. 1 апреля 1902. С. 5.

² The Times. May 10, 1902. P. 7.

³ Революционная Россия. № 6. Май 1902. С. 9.

⁴ The Times. May 17, 1902. P. 8; Le Matin. 17 Mai 1902. P. 3; Le Temps. 18 Mai 1902. P. 2.

⁵ Free Russia. June 1902. No 6. P. 65.

⁶ Жизнь. № 2. Май 1902. С. 386.

⁷ Свет. 22 ноября 1902. С. 1; The Times. December 9, 1902. P. 5.

⁸ Зубатовщина в Петербурге // Искра. № 30. 15 декабря 1902. С. 2. Эта статья была включена Л.Д. Троцким в собрание сочинений (Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 4. М.–Л., 1926. С. 56–59).

⁹ The Times. November 19, 1902. P. 11; The Times. April 18, 1903. P. 7.

¹⁰ The Times. December 8, 1902. P. 10; The Times. February 28, 1903. P. 8.

¹¹ The Times. March 9, 1903. P. 5.

¹² Революционная Россия. № 19. 1 марта 1903. С. 12–13.

¹³ The Times. January 13, 1903. P. 3.

солидарности с Финляндией в европейской печати. В Петербурге вопросы местного управления Великого Княжества Финляндского рассматривались с точки зрения полноты суверенитета России. Комментарии иностранной прессы о событиях в Финляндии считались вмешательством во внутренние дела России.

Сообщения о порабощении и руссификации Финляндии были одной из постоянных тем Брейема. Со ссылкой на финляндские источники Брейем рассказывал о жестокости казаков и полиции и отмечал, что нельзя доверять сообщениям русской прессы, а Финляндию хотят вычеркнуть из списка европейских наций¹.

26 августа (8 сентября) 1902 г. было принято Высочайшее постановление, направленное на усиление влияния генерал-губернатора Финляндии на деятельность Финляндского Сената². Упоминания о предстоящих изменениях в законодательстве появлялись в финляндских газетах³.

Брейем сообщил об этих изменениях в законодательстве ещё до их публикации и вступления в силу и объявил их государственным переворотом, который превратит Финляндию в обычную провинцию полувосточной Империи⁴. На статью Брейема обратили внимание в Петербурге и подчеркнули, что корреспондент «Таймс» первым высказался по этому вопросу и использовал сведения, полученные от финляндской оппозиции. Он пришёл к «нелепым выводам, продиктованным, понятно, политическим пристрастием», а затем точку зрения «Таймс» воспроизвели другие европейские газеты⁵. Была отмечена корреспонденция

Брейема, в которой он сообщил о планах представителей финляндской оппозиции подать петицию царю Николаю с просьбой восстановить финляндскую армию⁶. Брейем писал об отказе финляндской молодёжи подчиняться новому закону о воинской повинности, что создаёт большие затруднения для русского правительства⁷.

11 (24) февраля 1903 г. Брейем передал, что 4 губернатора в Финляндии заявили протест генерал-губернатору Н. И. Бобрикову в связи с применением закона о воинской повинности в Финляндии. Это сообщение со ссылкой на «Таймс» перепечатывали французские газеты⁸. Вскоре такое же сообщение со ссылкой на выходящую в Стокгольме диссидентскую газету *Fria Ord* напечатала революционная газета «Освобождение»⁹. Брейем писал, что финляндцев хотят превратить в рабов, в Финляндии царит террор и установлена диктатура, но Финляндия сопротивляется восточному деспотизму¹⁰.

Такая оперативность сообщений «Таймс» о событиях в Финляндии была возможна благодаря тесным контактам Брейема с представителями финляндской партии «пассивного сопротивления», которые снабжали Брейема материалами о положении в Финляндии. Брейем переписывался с активистом партии пассивного сопротивления Дж. Рейтером (Julio Reuter). Брейем с супругой неоднократно посещали Рейтера в Гельсингфорсе и Рейтер приезжал к Брейему в Петербург. В целях конспирации письма передавались через связных и знакомых, а общие знакомые упоминаются только по инициа-

¹ The Times. April 26, 1902. P. 9; The Times. October 7, 1902. P. 3; Le Matin. 7 Octobre 1902. P. 3.

² Финляндская Газета. 19 сентября (2 октября) 1902. С. 1–2.

³ Åbo tidning. 19 September 1902. S. 1. Сообщение помечено 16 сентября; Hufvudstadsbladet. 21 September 1902. S. 5.

⁴ The Times. September 23, 1902. P. 3.

⁵ Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. 9. СПб. 1902. С. 145–149.

⁶ Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. 10. СПб. 1903. С. 24.

⁷ The Times. February 10, 1903. P. 4; Le Matin. 10 Février 1903. P. 3.

⁸ The Times. February 26, 1903. P. 3; Le Temps. 27 Février 1903. P. 2

⁹ Освобождение. № 17. 16 февраля (1 марта) 1903. С. 296. «Прошения губернаторов» были напечатаны в Fria Ord. No 8. 18 Februari 1903. S. 5–7; Fria Ord. No 9. 26 Februari 1903. S. 1.

¹⁰ The Times. April 18, 1903. P. 7; The Times. April 25, 1903. P. 7; The Times. April 30, 1903. P. 5.

лам¹. В письме в Форин Оффис посол Великобритании в Петербурге признавал, что одной из причин высылки Брейема была его поездка в Финляндию². Такое же мнение высказано в справке о высылке Брейема в Департаменте полиции, в особенности выделена статья в «Таймс» от 17/30 апреля 1903 г.³

Брейем о Манифесте от 26 февраля (11 марта) 1903 г.

26 февраля (11 марта) 1903 г. был подписан и на следующий день обнародован царский манифест⁴. Манифест был важным этапом в подготовке правительством политических реформ в России. В его составлении принимали участие В. П. Мещерский и В. К. Плеве [1, с. 156–169; 9, с. 33–39; 13, с. 192–205].

Сначала «Таймс» напечатала английский перевод Манифеста агенством Рейтер и краткую заметку Брейема о Манифесте⁵. Затем в нескольких статьях Брейем писал, что Манифест никого не удовлетворил, либеральное общественное мнение разочаровано, и предсказывал катастрофу в России. Беспокойство Брейема вызывало то, что начальное образование находится под контролем православной церкви⁶.

Затем Брейем объявил, что Манифест не заслуживает никакого внимания, а идею Манифеста царю подсказал некий метеоролог-любитель Демчинский⁷. Оценка «Таймс» с упоминанием Демчин-

ского попала в журналы⁸. Со ссылкой на «Таймс» сообщение о том, что Демчинский был вдохновителем Манифеста, передали французские газеты⁹.

Откуда взялся Демчинский? Демчинского рекламировало «Освобождение» как одного из «тайных советников» царя и объявило, что Демчинский якобы подал царю докладную записку о реформе государственного устройства¹⁰.

Выждав для приличия некоторое время, «Таймс» опубликовала изложение «меморандума Демчинского», отметив, что мысль о Манифесте царю внушил Демчинский, а текст Манифеста был составлен Мещерским и отредактирован Плеве¹¹. Вслед за «Таймс» изложение «записки Демчинского» сочинил для «Освобождения» Л. Г. Франк¹² [7, с. 65–66].

2(15) апреля 1903 г. в парижском журнале *La Nouvelle Revue* появилась статья, подписанная псевдонимом «Русский» (*Un Russe*) с изложением официальной русской точки зрения на царский Манифест¹³.

В статье было подчёркнуто, что газета «Таймс» изменила своё первоначальное более благожелательное мнение о Манифесте под влиянием тенденциозных сообщений своего корреспондента в Петербурге. Этот корреспондент черпает информацию из враждебных к русскому правительству кругов и делает всё, чтобы представить в искажённом свете деятельность русского правительства. Петербургский корреспондент «Таймс» действует в интересах Англии и стремится дискредитировать всё, что касается России. К сожалению, его сообщения

¹ D. Braham to J.N. Reuter. January 10, 1902, October 24, 1902, April 8, 1903, April 19/May 2, 1903; Stella Braham to J.N. Reuter. June 6, 1902. Åbo Akademi University Library, The Manuscript Collections. Reuters Brevsamling. V. 2.

² Scott to Lansdowne. June 11, 1903; TNA PRO FO800/140. Fol. 176.

³ The Times. April 30, 1903. P. 5; Государственный архив РФ (далее – ГА РФ. Ф. 102. Оп. 60. 2-е д-во. 1903 г. Д. 3. Ч. 45. Л. 2.

⁴ Новое Время. 27 февраля 1903. С. 1.

⁵ The Times. March 13, 1903. P. 3.

⁶ The Times. March 16, 1903. P. 5; The Times. March 19, 1903. P. 3; The Times. March 23, 1903. P. 5; Le Matin. 23 Mars 1903. P. 3.

⁷ The Times, Thursday, March 26, 1903. P. 3.

⁸ The Spectator. March 28, 1903. P. 477; Review of Reviews. April 1903. P. 363–364; The Fortnightly Review. June 1, 1903. P. 971–972.

⁹ Le Figaro. 27 Mars 1903. P. 2; Le Temps. 27 Mars 1903. P. 2.

¹⁰ Освобождение. № 9, 19 октября (1 ноября) 1902. С. 144; Освобождение. № 11, 18 ноября (1 декабря) 1902. С. 182.

¹¹ The Times. April 7, 1903. P. 9.

¹² Освобождение. № 20/21, 18 апреля/1 мая 1903. С. 359–361.

¹³ La Nouvelle Revue. No 85. 15 Avril 1903. P. 433–442.

воспроизводятся во многих французских газетах¹.

Почти одновременно в газете «Фигаро» появилось «Письмо из России», где был «раскрыт секрет» появления царского Манифеста. В версии «Фигаро» идею Манифеста царю подсказал его шурин, великий князь Алексей Михайлович². Через 2 недели «Фигаро» опубликовало письмо князя Мещерского. Мещерский писал, что решил обратиться в газету, поскольку её читают в Петербурге и в Европе. Иностранные корреспонденты в Петербурге любят писать о том, что русский царь якобы принимает решения под чьим-то влиянием. Так, например, петербургский корреспондент «Таймс» объявил, что царский Манифест был внушён неким метеорологом-любителем Дмитриевским (Dimitrievsky). Далее Мещерский опровергал это сообщение и версию «Фигаро»³.

Публикации Брейема о Манифесте 26 февраля 1903 г. подчёркнуты в справке о высылке Брейема в департаменте полиции. Эта часть справки департамента полиции практически повторяет соответствующий параграф статьи в *La Nouvelle Revue*⁴.

«Таймс» и «письмо Плеве»

6–7 (19–20) апреля 1903 г. в Кишинёве произошёл еврейский погром. Это событие широко комментировалось в европейской и американской печати. В каждой стране тон и характер комментариев зависели от состояния межгосударственных отношений с Россией и от отношения к ним соответствующего органа печати.

2(15) мая 1903 г. выходивший в Риме орган итальянской социалистической партии «Аванти» объявил, что погром в

Кишинёве готовился заранее по приказу министра внутренних дел России. В качестве «доказательства» был приложен перевод «секретного письма» министра внутренних дел России кишинёвскому губернатору. Это письмо, как обычно при появлении подобных фальшивок, неизвестный русский диссидент якобы выкрал и переправил на Запад⁵.

Появление этой фальшивки на страницах «Аванти» было связано с ведшейся в то время прессой Италии кампанией против запланированного государственного визита царя Николая в Италию. Визит в итоге не состоялся, в связи с чем английский посол в Риме заметил, что у Великобритании нет причин переживать по этому поводу, поскольку улучшение отношений России и Италии – не в интересах Великобритании⁶.

Вскоре дело приняло занимательный оборот. Как именно «Таймс» узнала о «письме министра» в «Аванти», остаётся неизвестным. На публикацию мог обратиться внимание римский корреспондент «Таймс». 5(18) апреля «Таймс» напечатала «секретное письмо» русского министра внутренних дел. За подлинность «письма» ручался приславший его некий русский корреспондент⁷, и это письмо похоже на настоящее⁸. Со ссылкой на «Таймс» «письмо Плеве» было перепечатано другими газетами⁹.

Публикация в «Таймс» вызвала реакцию русского правительства. В «Правительственном Вестнике» появилось официальное опровержение фальшивки

⁵ Avanti. 15 Maggio 1903. P. 1.

⁶ British Documents on the Origins of the War 1898–1914. V. 1. London, 1927. P. 295.

⁷ «a Russian correspondent». В те годы фамилия корреспондента в английских газетах не указывалась. Материалы Брейема из Петербурга выходили под заголовком «От нашего корреспондента» (From Our Correspondent).

⁸ The Times. May 18, 1903. P. 9–10.

⁹ Die Zeit. 18 Mai 1903. S. 5; The Daily News. May 19, 1903. P. 12; Münchner Neueste Nachrichten. 21 Mai 1903. S. 2; Fria Ord. 29 Maj 1903. S. 8.

¹ La Nouvelle Revue. No 85. 15 Avril 1903. P. 440–441.

² Le Figaro. 14 Avril 1903. P. 3. «Фигаро» перепутала имена. Царским шурином был великий князь Александр Михайлович.

³ Le Figaro. 29 Avril 1903. P. 3.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 60. 2-е д-во. 1903 г. Д. 3. Ч. 45. Л. 10б., л. 2.

с переводом «письма министра» на русский язык¹.

Через несколько дней «Новое Время» опубликовала статью, где были связаны публикации агентства Рейтер о внешней политике России и публикация клеветы на министра внутренних дел, и отметила, что цели английских корреспондентов «внушены зложелательством к России вообще и к русскому правительству в частности <...> подвиг их останется гнусной провокацией, достойной позорного клейма»².

«Письмо Плеве» тут же воспроизвели выходившие в Европе революционные русские издания. «Революционная Россия» и «Искра» вначале упомянули «Аванти», что позволяет предположить, что русские социалисты были причастны к публикации «письма Плеве» в Италии. «Искра» поначалу подошла к публикации «письма Плеве» осторожно, напечатав его под заголовком «Правда ли это?» и добавив, что не имела возможности проверить достоверность письма³. Вскоре «Искра» сообразила, что сомнения в правдивости «Таймс» неуместны, и напечатала про Плеве: «Г-н Плеве <...> только что изболоченный английским *Times*'ом, как автор известного письма к бывшему бесарабскому губернатору, фон-Раабену...»⁴.

В полемику с «Освобождением» вступили «Московские Ведомости», отметив, что марксисту Струве «фальсификат газеты *Times* пришёлся особенно по душе и что поэтому он всеми доступными ему мерами постарался придать этой наглой лжи вид истины»⁵.

Радикальные газеты использовали «письмо Плеве» для антигосударственной пропаганды и в последующие годы. Так, в марте 1906 г. «Наша жизнь» писала о знаменитом циркуляре «об организации погрома, фотография которого в своё время была выставлена в витрине газеты *Times* и помещена в «Освобождении»»⁶.

Высылка Брейема

Деятельность Брейема и тон сообщений газеты «Таймс» о событиях в России быстро обратили на себя внимание. В феврале 1902 г. министр иностранных дел граф Ламсдорф заявил протест послу Великобритании Ч. Скотту по поводу позиции английских газет⁷. 22 марта 1902 г. Скотт вызвал Брейема на беседу и посоветовал ему быть осторожным. Посол привёл в качестве примера проблемы, возникшие у московского корреспондента лондонской газеты *Standard* Марсдена после его сообщений о студенческих беспорядках в Московском университете. Скотт предупредил Брейема, что проблемы могут возникнуть и у Брейема, и тогда посольство ничем не сможет ему помочь. Брейем написал письмо руководителю иностранного отдела «Таймс» Чайролу и запросил у него и у управляющего М. Белла инструкции о своём дальнейшем образе действий. Брейема интересовало, следует ли ему прислушаться к предостережению Скотта и что произойдёт с ним, если его выдворят из России⁸. Чайрол ответил Брейему, что он обсудил это письмо с Беллом. Редакция одобряет корреспонденции Брейема, и он может рассчитывать на полную поддержку «Таймс» при любом развитии событий⁹.

¹ Новое Время. 1903. 14 мая. С. 1; Южный Край. 1903. 14 мая. С. 1.

² «Ложь не во спасенье» // Новое Время. 1903. 17 мая. С. 2.

³ Освобождение. 1903. 8(21 мая). С. 379–380; Революционная Россия. 1903. 15 мая. С. 6; Искра. 1903. 15 мая. С. 3. Под заголовком «Правда ли?» в «Колоколе» Герцена печатались сообщения, на правдивость которых журнал не претендовал.

⁴ «Подсудимый в роли судьи» // Искра. 1903. 1 июля. С. 4.

⁵ Московские Ведомости. 1903. 25 мая (7 июня). С. 1–2.

⁶ Наша Жизнь. 1906. 11 марта. С. 4.

⁷ British Documents on the Origins of the War 1898–1914. V. 1. London. 1927. P. 272–273.

⁸ D.D. Braham to V. Chirol. March 22 [1902] // TNL Archive. Braham Papers BNS-1.

⁹ V. Chirol to D.D. Braham. March 25, 1902 // TNL Archive. Foreign Editor's Letter Books. Vol. 4. P. 730. В «Истории Таймс» этот обмен письмами ошибочно отнесён к 1903 г. [10, p. 382–383]

1(14) мая 1903 г. посол Великобритании в письме в Форин Оффис сообщил о беседе с русским министром иностранных дел. Ламсдорф особенно отметил позицию газеты «Таймс», которая руководствуется ненавистью и подозрительностью к России¹. В тот же день было принято решение о высылке Брейема за пределы Империи «ввиду враждебного отношения к русскому правительству и искажения истины в корреспонденциях из Санкт-Петербурга, помещаемых в лондонской газете»².

Уведомление о высылке из России было предъявлено Брейему 15(28) мая 1903 г. Брейем телеграфировал об этом М. Беллу. Белл запросил мнение Д. Уоллеса, нельзя ли обратиться в посольство России с ходатайством об отмене распоряжения о высылке Брейема [15, р. 383]. Уоллес ответил, что связываться с русским послом не имеет смысла, дело получило огласку, и сделать ничего нельзя³. 18(31) мая 1903 г. Брейема посадили на поезд, и 19 мая (1 июня) он уже был в Пруссии. О высылке корреспондента «Таймс» не объявлялось в русской печати, поскольку 16–18 (29–31) мая 1903 г. отмечалось 200-летие Петербурга. Юбилею столицы империи придавалось большое значение. На празднование были приглашены представители европейских столиц, включая Лондон. Представители Англии не приехали. Лорд-мэр Лондона вместо поздравления прислал письмо с отказом от участия в торжествах. Письмо не было зачитано, но сведения о нём распространились в кулуарах⁴.

Высылка корреспондента «Таймс» была событием неординарным и вызва-

ла большой интерес в дипломатических кругах и в прессе.

16(29) мая 1903 г. немецкий посол в Петербурге направил в Берлин телеграмму о высылке Брейема из России за антирусскую позицию газеты «Таймс»⁵.

«Таймс» немедленно подняла шумную кампанию протеста и возмущения, объявив о невинности своего корреспондента. В редакционной статье «Таймс» подчеркнула, что мнения её корреспондента по вопросам внутренней политики России разделялись думающими русскими патриотами. Версия «Таймс» была воспроизведена парижской *Matin*⁶.

Одновременно «Таймс» поместила сообщение своего берлинского корреспондента, в котором цитировалась берлинская газета *Berliner Neueste Nachrichten*. В цитате содержалось утверждение, что высылка корреспондента «Таймс» связана с публикацией в «Таймс» «письма Плеве»⁷. 6 июня «Таймс» объявила, что будет искать защиты в Форин Оффисе. В редакционной статье «Таймс» аккуратно разделяла свою позицию и позицию посольства Великобритании в России, подчеркнув, что правительство России воспользовалось суверенным правом высылки нежелательных иностранцев, причём корреспондент «Таймс» не мог рассчитывать на поддержку и защиту посольства Великобритании⁸. Реферат этих статей с приложением вырезок из газеты «Таймс» был послан канцлеру Бюлову послом Германии в Лондоне Меттернихом⁹. Меттерних сообщил, что управляющий «Таймс» М. Белл завёл разговор о высылке Брейема с первым секретарём германского посольства графом Бернсторфом.

¹ British Documents on the Origins of the War 1898–1914. V. 2. London. 1927. P. 204.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 60. 2-е д-во. 1903 г. Д. 3. Ч. 45. Л. 3.

³ D. Mackenzie Wallace to M. Bell. 29 May 1903 Moberly Bell Files, TNL Archive. TNL/TT/MGR/CMB

⁴ Berchtold an Goluchowski 6 Juni / 24 Mai 1903. № 33 D // Haus-, Hof- und Staatsarchiv. (HNSA) PA X 119 Fol. 659.

⁵ Auswärtiges Amt Politisches Archiv (AAPA). RZ201/5616. Fol. 221/219; RZ201/5959. Fol. 355/354.

⁶ The Times. 1903. May 29. P. 7; Le Matin. 1903. 29 Mai. P. 3.

⁷ The Times. 1903. May 30. P. 7.

⁸ The Times. 1903. June 6. P. 11.

⁹ Metternich an Bülow. 1903. 30 Mai. AAPA. RZ201/5616. Fol. 225–228/223–226; Metternich an Bülow. 1903. 6 Juni. AAPA. RZ201/5616. Fol. 232–235/230–233.

PUNCH, OR THE LONDON CHARIVARI.—JUNE 17, 1903.

BEYOND HIS POWER.

RUSSIA (to the "Times"). "I'LL TEACH YOU TO CALL ME A BEAR! OUT YOU GO!"
 TRUTH. "AH. YOU MAY EXPEL HIM. BUT YOU CAN'T GET RID OF ME!"

Россия: «Я покажу, как называть меня медведем! Вон!»
 Правда: «Вы можете выгнать его, но не сможете избавиться от меня!»

Рис. 1 / Fig. 1. *Punch* о высылке корреспондента «Таймс» из России / *Punch* on the expulsion of the *Times* correspondent from Russia

Источник: *Punch*. 1903. June 17. P. 417.

Белл защищал своего корреспондента и обещал, что теперь «Таймс» усилит обличительные публикации о России. Меттерних высказал надежду, что в связи с этим «Таймс» будет занимать менее антигерманскую позицию¹.

Английская пресса поддержала «Таймс». Лейтмотивом сообщений было то, что корреспондент «Таймс» пострадал за правду и объективность² (рис. 1). Честность не позволяла ему закрывать глаза на то, что творится в России³. *Spectator*

¹ Metternich an Bülow. 1903. 6 Juni. AAPA. RZ201/5616. Fol. 238–239/236–237.

² The Oxford Magazine. 1903. June 3. P. 387; *Punch*. 1903. June 17. P. 417.

³ The National Review. 1903. July. P. 730–731.

написал, что «Таймс» – это единственная английская газета, которую регулярно читает русский царь, и министры решили выгнать корреспондента «Таймс», чтобы лишить царя объективной информации о том, что происходит в России¹. *Review of Reviews* объявил высылку Брейема делом рук реакционеров, окружающих царя². Это было частью пропагандистской линии английской прессы по представлению царя Николая как несамостоятельного в принятии решений.

17(30) мая 1903 г. посол в Лондоне граф Бенкендорф сообщил в телеграмме министру Ламсдорфу, что заместитель министра иностранных дел Великобритании Сэндерсон (Sanderson) выразил желание обсудить с Бенкендорфом частным образом высылку из России корреспондента «Таймс». Сэндерсон отметил, что ответственность за отношение к России лежит непосредственно на газете «Таймс», и попросил разъяснений по поводу высылки британского подданного. Посол ответил, что он может высказать только своё личное мнение. «Таймс» несёт полную ответственность за характер сообщений по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики России. Русское правительство потеряло терпение, и высылка корреспондента «Таймс» стало ответной мерой. Посол предложил, чтобы было опубликовано официальное коммюнике, разъясняющее мотивы высылки корреспондента «Таймс»³.

После беседы с русским послом Сэндерсон в одном из писем отметил, что тон и язык статей «Таймс» о России стал настолько оскорбительным, что у русского правительства иссякло терпение⁴.

Германский посол в Петербурге сообщил в Берлин, что он обсуждал высылку корреспондента «Таймс» с послом Вели-

кобритании. Английский посол подтвердил хронологию событий, изложенную в статье в «Таймс» от 30 мая 1903 г. Посол пояснил, что он неоднократно предупреждал Брейема о недопустимости столь негативных отзывов о внутренней и внешней политике России и признал в дипломатичной форме, что у русских властей были сведения о слишком тесных контактах Брейема с революционерами, и что Брейем использовал информацию из революционных источников при оценке внутреннего положения России⁵.

Сходное изложение причин, приведших к высылке Брейема из России, содержится в письме посла Ч. Скотта министру иностранных дел лорду Лэндсдауну. Посол докладывал, что высылка Брейема обсуждалась в Государственном Совете и была санкционирована царём. Русские власти установили, что Брейем общался с подозрительными личностями и революционерами, в т. ч. во время поездки в Финляндию. В разговоре с одним из секретарей британского посольства Брейем рассказал, что, когда его отпустили в сопровождении дворника на квартиру, чтобы он мог забрать свой паспорт, Брейем воспользовался этим, чтобы сжечь некоторые компрометирующие бумаги – подрывную литературу и листовки⁶.

Советник посольства Австро-Венгрии граф Берхтольд докладывал, что с появлением нового корреспондента, характер сообщений «Таймс» о России стал более враждебным. Публикации последних месяцев обострились по тону и стали почти провокационными. Берхтольд особо отметил сообщения о Манифесте 26 февраля 1903 г. и о событиях в Финляндии и добавил, что к публикации «письма Плеве» Брейем не имел никакого отношения⁷.

¹ The Spectator. 1903. June 6. P. 885–886.

² Review of Reviews. 1903. June. P. 550.

³ Копия этого письма была переслана в Департамент полиции и отложилась в Деле Брейема. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 60. 2-е д-во. 1903 г. Д. 3. Ч. 45. Л. 5–6.

⁴ Sanderson to Lascelles, private. 1903.17 June. TNA PRO, FO 800/15/123. Fol. 338–339.

⁵ Alvensleben an Bülow. 1903. 2 Juni. AAPA. RZ201/5959. Fol. 356–357/355–356.

⁶ Scott to Lansdowne. 1903. June 11. TNA PRO FO800/140. Fol. 175–176.

⁷ Berchtold an Gołuchowski. 1903. 6 Juni / 24 Mai. № 33 F. HHSA. PA X 119 Fol. 671–674.

Прибыв в Берлин, Брейем дал интервью берлинской газете *Berliner Tageblatt*. Он отрицал те мотивы, которые были названы в решении русского правительства о его высылке. Брейем отметил, что не имеет отношения к публикации «письма Плеве». Его высылка была мерой, направленной против «Таймс», а не против него лично¹.

Премьер-министр Великобритании Бальфур в ответ на запрос в парламенте отметил, что от посла в Петербурге был получен отчёт о причинах и обстоятельствах высылки корреспондента «Таймс»².

Сообщения о высылке корреспондента «Таймс» в Петербурге со ссылкой на «Таймс» напечатали парижские газеты³. *L'Aurore* объявила, что корреспондент «Таймс» был выслан из России за то, что он добыл секретный документ, указывающий на виновность русского правительства в организации погрома в Кишинёве⁴.

21 мая (3 июня) 1903 г. европейское издание «Нью-Йорк Геральд» связало высылку Брейема с публикацией «письма Плеве», хотя и не напрямую и в осторожных выражениях. Был приведён достаточно полный перевод статьи из «Нового Времени» «Ложь не во спасенье» и добавлено, что статья производит впечатление официозной⁵. 5 (18) июня 1903 г. эта же газета опубликовала интервью с Плеве, взятое 1(14) июня. В предисловии к интервью газета отметила, что Плеве стал объектом газетных атак. «Таймс» напечатала фальшивое письмо, якобы отправленное Плеве губернатору Кишинёва. В интервью Плеве изложил меры, принятые властями по подавлению бес-

порядков в Кишинёве, рассказал о ходе следствия по делу о погроме. Плеве подтвердил, что им было дано распоряжение о высылке корреспондента «Таймс», но что это была чрезвычайная мера⁶.

Русские газеты узнали о высылке Брейема из статей «Таймс».

«В «Правительственном Вестнике» появилось опровержение ложного сообщения *Times*'а, но, оказывается, дело этим не ограничилось. Как узнаём из самого же *Times*'а, петербургский корреспондент этой газеты, г. Брагам, должен был оставить Россию не по своей доброй воле. Самый факт удаления из России петербургского корреспондента этой газеты, несомненно, свидетельствует о желании русского правительства сохранить добрые отношения с Англией, т. к. г. Брагам с самого появления своего в Петербурге делал всё возможное, чтобы испортить эти добрые отношения между Россией и Англией посредством возбуждения английского общественного мнения против русского правительства. <...> всему есть граница, и г. Брагам своею бесцеремонностью, к слову сказать необычной у корреспондентов таких серьёзных газет, как *Times*, несомненно перешёл границы терпимого. Во всяком случае, этот инцидент можно считать исчерпанным»⁷.

В этой статье речь идёт об опровержении публикации в «Таймс» «письма Плеве». Не имея сведений о причинах высылки Брейема, «Новое время» связало её с появлением этой фальшивки на страницах «Таймс».

Похожее мнение высказали «Московские ведомости»: «...Само собою напрашивается предположение, что этот джентльмен был причастен, если не к составлению этого подложного письма, обнаруживающего скорее автора, искусившегося в русской канцелярской стилистике, то, во всяком случае, к его обна-

¹ Die Zeit. 3 Juni 1903. S. 8.

² The parliamentary debates (Authorised edition). ...4th Ser. v.123 1903. 9 June 1903. Questions. Col. 320–321

³ Le Figaro. 30 Mai 1903. P. 2; Le Temps. 1903. 30 Mai. P. 2; Le Temps. 1903. 31 Mai. P. 2.

⁴ L'Aurore. 1903. 2 Juin. P. 1.

⁵ «Novoe Vremya» and the «Times». The New York Herald. European Edition. Paris. 1903. June 3. P. 1. Сообщение из Петербурга помечено 17(30) мая, день публикации статьи «Ложь не во спасенье» в «Новом Времени».

⁶ The New York Herald. European Edition. Paris. 1903. June 18. P. 1.

⁷ Новое Время. 1903. 22 мая (4 июня) С. 2; Южный Край. 1903. 24 мая (6 июня). С. 2.

родованию в таком распространённом и считающемся серьёзным органом печати, как *Times*.

Основательно ли это предположение, или г. Braham уличен был в каких-либо других клеветнических наветах на Россию, – мы не знаем...¹. Через несколько дней газета приписала корреспонденту «Таймс» авторство «письма Плеве» без всяких оговорок². Из газет это мнение перешло в журналы³.

Высылка Брейема стала одной из тем полемики между консервативными и радикальными изданиями. За корреспондента «Таймс» заступился либеральный «Вестник Европы»: «...те мотивы, которые от себя приводит "Новое Время" по отношению к г. Брагаму и которые кажутся газете вполне убедительными, были бы более чем достаточны для высылки собственных корреспондентов всех русских газет, и в т. ч. прежде всего "Нового Времени", из разных западноевропейских столиц, начиная с Лондона». Далее, со ссылкой на «Таймс» и на самого Брейема, «Вестник Европы» отметил, что корреспондент «Таймс» не причастен к появлению «письма Плеве»⁴.

В ответ на поднятую «Таймс» кампанию 31 мая (13 июня) 1903 г. министр иностранных дел Ламсдорф обратился к министру внутренних дел с просьбой поместить в «Правительственном Вестнике» краткое опровержение по поводу статей «Таймс» о высылке Брейема. Плеве поручил подготовить окончательную редакцию такого сообщения, которое было опубликовано 2(15) июня 1903 г. в «Правительственном Вестнике»:

«В виду целого ряда враждебных России корреспонденций из Петербурга, напечатанных в газете *Times*, а также вымышленности многих, содержащихся

в этих корреспонденциях, сведений, Министр Внутренних Дел, по предоставленной ему власти, сделал распоряжение о высылке петербургского корреспондента названной газеты Брахама из пределов Империи.

Вслед за тем в газете *Times* появился ряд статей, в коих описание высылки Брахама из России сопровождалось сведениями, противоречащими истине. Между прочим, сообщалось, будто полиция угрожала Брахаму отправлением по этапу. В действительности Брахам был удалён за границу с соблюдением всех, законом установленных, формальностей и никаких угроз ему не делалось. При этом в особое внимание к ходатайству великобританского посла удаление названного корреспондента из Петербурга было отсрочено на 3 дня»⁵

Перевод статьи из «Правительственного Вестника» был отправлен в Берлин германским послом. Посол отметил, что обсудил высылку корреспондента «Таймс» с послом Великобритании в Петербурге. Скотт сказал, что ему эта история надоела. Все действия посольства полностью поддержаны английским правительством, о чём ему сообщил лорд Лэнсдаун⁶.

14(27) июня 1903 г. «Московские Ведомости» напечатали статью проживавшей в Лондоне О. А. Новиковой: «Невозможно свыкнуться с бесцеремонною безнравственностью английской прессы в отношении к России! Лжи, клеветам, самым невероятным легендам несть числа. На этом поприще особенно отличается газета *Times*, иногда доходящая в своей упорной ненависти до комизма. <...> Человек, который заведомо цинично вредил дружеским отношениям двух держав, всегда может получить свой обратный паспорт и ехать, по добру по здоровью, в страны,

¹ Московские Ведомости. 1903. 25 мая (7 июня). С. 1.

² Московские Ведомости. 1903. 22 июня (5 июля). С. 2.

³ Русский Вестник. 1903. Июнь. С. 733; Журнал для всех. 1903. Июль. Кол. 892–893.

⁴ Вестник Европы. 1903. Июль. С. 377.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 60. 2-е д-во. 1903. Д. 3. Ч. 45. Л. 9, 15; Южный Край. 4 (17) июня 1903. С. 1.

⁶ Alvensleben an Bülow. 1903. 16 Juni. AAPA. RZ201/5616. Fol. 245–247/243–245.

ему более симпатичные»¹. О высылке корреспондента «Таймс» «за систематическую ложь» газета писала и позднее².

Выходившие в Европе диссидентские русские газеты дружно объявили высылку Брейема мстью газете «Таймс» за публикацию «письма Плеве»³. Лондонская «Искра» писала: «Вообще кишинёвский погром и изгнание из России корреспондента газеты *Times* сильно дискредитировали русское правительство в глазах английской публики и подняли престиж русских революционеров. Теперь то и дело появляются корреспонденции по поводу борьбы, происходящей в России за свободу»⁴.

За работу в России Брейем был поощрён и назначен собственным корреспондентом «Таймс» в Константинополе⁵. Большая часть дальнейшей карьеры Брейема была связана с «Таймс». Он находился в штате газеты вплоть до выхода на пенсию в 1945 г.⁶

Заключение

Деятельность Брейема в качестве собственного корреспондента «Таймс» в Петербурге, завершившаяся его высылкой из России, была частью ведшейся газетой кампании по дискредитации России. Эта кампания усилилась после заключения англо-японского союза. «Таймс» воспринималась в России как наиболее влиятельная газета Великобритании. Поэтому поднятая «Таймс» кампания считалась признаком ухудшения отношений с Великобританией. Русское правительство не хотело идти на обострение отношений и первоначально пыталось повлиять на поведение «Таймс» по дипломатическим каналам.

Открытая поддержка «Таймс» антигосударственной пропаганды в России демонстрировала русским революционерам, что они пользуются поддержкой Великобритании. Публикация газетой фальшивых новостей и ложных сведений, которые затем тиражировались и дополнялись выходившими за границей русскими революционными изданиями, оказывала влияние на общественное мнение в России и Европе.

Главной причиной высылки Брейема стали его статьи о манифесте 26 февраля 1903 г., содержавшие личные нападки на государя императора, и вовлечённость Брейема в деятельность партии пассивного сопротивления Финляндии. Столь активное вмешательство в важные вопросы внутренней политики России вызвали официальную реакцию русского правительства. Правительство Великобритании официально дистанцировалось от позиции газеты «Таймс», что позволяло избежать прямого ухудшения межгосударственных отношений с Россией.

Высылка корреспондента «Таймс» вызвала оживлённый интерес в печати и дипломатических кругах. «Таймс» считалась выразителем британского общественного мнения, и публикации в «Таймс» были индикатором усиления враждебности к России после заключения англо-японского союза. Одновременно с высылкой Брейема из России «Таймс» воспроизвела фальшивый «документ», обвинявший министра внутренних дел России в организации еврейского погрома в Кишинёве в апреле 1903 г., что вывело информационную кампанию против России на новый уровень. В периодической печати стала распространяться версия о причастности Брейема к появлению этой фальшивки. Обсуждение причин высылки Брейема в русской периодике стало одним из элементов полемики между консервативными и радикальными органами печати.

Дата поступления в редакцию 23.10.2024

¹ «Корреспондент "Times'a"» Московские Ведомости. 1903. 14(27) июня. С. 1.

² Московские Ведомости. 1904. 10(23) сентября. С. 2.

³ Освобождение. № 23. 1903. 19 мая (1 июня). С. 412; Освобождение. 1903. 2(15) июня. С. 451; Революционная Россия. 1903. 1 июня. С. 9–10.

⁴ Искра. 1903. 15 июля. С. 6.

⁵ V. Chirol to N. O'Connor, June 6, 1903. Churchill Archives Centre. GBR/0014/OCON 5/3/2.

⁶ The Times. 1951. March 26. P. 8.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьич Б. В. О тексте Манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В. П. Мещерского) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1983. Т. 15. С. 156–169.
2. Банникова Н. В. Корреспондент Джордж Добсон (1854–1938): жизнь и работа в России // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 1. С. 28–38.
3. Банникова Н. В. Стэнли Вашбурн, американский корреспондент британской газеты «Таймс», о необходимости оказания союзнической помощи России (по материалам архива британской газеты «Таймс») // История и архивы. 2022. № 3. С. 135–142.
4. Богомолов И. К. «Россия сейчас находится на перепутье...». Переписка американского журналиста Стэнли Уошберна и владельца газеты «Таймс» Альфреда Хамсворта, лорда Нортклиффа. 1917–1920 гг // Исторический архив. 2024. № 4. С. 113–133.
5. Зашихин А. Н. Британские корреспонденты в России в начале XX века // Россия и Британия. Вып. 5. На путях взаимопонимания. М.: 2010. С. 183–199.
6. Иванов А. А., Котов Б. С. «Требуется союз между Австрией, Германией, Россией и Турцией»: о выступлении князя В. П. Мещерского в австрийской печати накануне Первой мировой войны // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8. № 3. С. 898–950.
7. Колеров М. А. Изнутри: Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898–1905 / 1921–1925). М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2018. 256 с.
8. Кременецкий К. В. Великий князь Владимир Александрович и 9/22 января 1905 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 69–80.
9. Куликов С. В. К истории создания законодательной Государственной думы. Николай II, У. Т. Стэд и Манифест 17 октября 1905 г. // Таврические чтения – 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Ч. 1 / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2013. С. 19–62.
10. Лобанова Д. Р. Проблема формирования в прессе Великобритании "образов" гражданской войны в Финляндии 1918 г. (на примере газеты "Таймс") // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2024. № 25. С. 152–164.
11. Лукоянов И. В. Политическое маклерство в России в начале XX века: Н. А. Демчинский // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография: мат-лы конф. / под ред. Л. А. Вербицкой, А. А. Фурсенко. СПб.: Олеариус Пресс, 2007. С. 216–227.
12. Сергеев Е. Ю. Большая Игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
13. Соловьев Ю. Б. К истории происхождения Манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В. П. Мещерского) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1979. Т. 11. С. 192–205.
14. Alston Ch. Russia's Greatest Enemy? Harold Williams and the Russian Revolutions. London: Taurus, 2007. 278 p.
15. The History of The Times. The Twentieth Century Test 1884–1912. (Vol. 3). London: The Office of the Times, 1947. 862 p.
16. Maude G. Finland in Anglo-Russian Diplomatic Relations, 1899–1910 // The Slavonic and East European Review. 1970. Vol. 48. P. 557–581.
17. Mavor J. My Windows on the Street of the World. Vol. 2. Toronto and London: J. M. Dent & Sons, 1923. 452 p.
18. Neilson K. Britain and the Last Tsar. British Policy and Russia 1894–1917. Oxford: Clarendon Press, 1995. 408 p.
19. Neilson K. «Incidents» and foreign policy: A case study // Diplomacy & Statecraft. 1998. Vol. 9. P. 53–88.

REFERENCES

1. Ananyich B. V. [On the text of the Manifesto of February 26, 1903 (From the archive of V. P. Meshchersky)]. In: *Vspomogatelnyye istoricheskiye distsipliny* [Auxiliary historical disciplines], 1983, vol. 15, pp. 156–169.
2. Bannikova N. V. [Correspondent George Dobson (1854–1938): life and work in Russia]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaneye. Kulturologiya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary criticism. Linguistics. Cultural studies], 2016, no. 1, pp. 28–38.

3. Bannikova N. V. [Stanley Washburn, American correspondent for the British newspaper The Times, on the need to provide allied assistance to Russia (based on materials from the archive of the British newspaper The Times)]. In: *Istoriya i arkhiv* [History and archives], 2022, no. 3, pp. 135–142.
4. Bogomolov I. K. ["Russia is now at a crossroads...". Correspondence between the American journalist Stanley Washburn and the owner of the Times newspaper Alfred Hamsworth, Lord Northcliffe. 1917–1920]. In: *Istoricheskiy arkhiv* [Historical archive], 2024, no. 4, pp. 113–133.
5. Zashikhin A. N. [British correspondents in Russia at the beginning of the 20th century]. In: *Rossiya i Britaniya. Vyp. 5. Na putyakh vzaimoponimaniya* [Russia and Britain. Issue 5. On the path to mutual understanding]. Moscow, 2010, pp. 183–199.
6. Ivanov A. A., Kotov B. S. ["An alliance between Austria, Germany, Russia and Turkey is required": on the speech of Prince V. P. Meshchersky in the Austrian press on the eve of the First World War]. In: *Historia provinciae – zhurnal regionalnoy istorii* [Historia provinciae – journal of regional history], 2024, vol. 8, no. 3, pp. 898–950.
7. Kolerov M. A. *Iznutri: Pisma Berdyayeva, Bulgakova, Novgorodtseva i Franka k Struve. Perepiska Franka i Struve (1898–1905/1921–1925)* [From the Inside: Letters from Berdyayev, Bulgakov, Novgorodtsev, and Frank to Struve. Correspondence between Frank and Struve (1898–1905 / 1921–1925)]. Moscow, Izdaniye knizhnogo magazina «Tsiolkovskiy» Publ., 2018. 256 p.
8. Kremenetsky K. V. [Grand Duke Vladimir Alexandrovich and January 9/22, 1905]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences], 2022, no. 2, pp. 69–80.
9. Kulikov S. V. [On the History of the Creation of the Legislative State Duma. Nicholas II, W. T. Stead and the Manifesto of October 17, 1905]. In: Nikolaev A. B., ed. *Tavrisheskiye chteniya – 2012. Aktualnyye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost. Ch. 1* [Tauride Readings – 2012. Actual Problems of Parliamentarism: History and Modernity. Part 1]. St. Petersburg, 2013, pp. 19–62.
10. Lobanova D. R. [The Problem of Formation of "Images" of the Civil War in Finland in 1918 in the British Press (using the Times newspaper as an example)]. In: *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Yevropy* [St. Petersburg and the Countries of Northern Europe], 2024, no. 25, pp. 152–164.
11. Lukoyanov I. V. [Political Brokerage in Russia at the Beginning of the 20th Century: N. A. Demchinsky]. In: Verbitskaya L. A., Fursenko A. A., eds. *Vlast, i reformy v Rossii: istoriya, istochniki, istoriografiya* [Power, Society and Reforms in Russia: History, Sources, Historiography]. St. Petersburg, Olearius Press Publ., 2007, pp. 216–227.
12. Sergeev E. Yu. *Bolshaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentralnoy i Vostochnoy Azii* [The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. Moscow, Tovarichestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2012. 454 p.
13. Soloviev Yu. B. [On the History of the Origin of the Manifesto of February 26, 1903 (From the Archives of V. P. Meshchersky)]. In: *Vspomogatelnyye istoricheskiye distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines], 1979, vol. 11, pp. 192–205.
14. Alston Ch. *Russia's Greatest Enemy? Harold Williams and the Russian Revolutions*. London, Taurus, 2007. 278 p.
15. *The History of The Times. The Twentieth Century Test 1884–1912*. Vol. 3. London, The Office of the Times, 1947. 862 p.
16. Maude G. Finland in Anglo-Russian Diplomatic Relations, 1899–1910. In: *The Slavonic and East European Review*, 1970, vol. 48, pp. 557–581.
17. Mavor J. *My Windows on the Street of the World*. Vol. 2. Toronto and London, J. M. Dent & Sons, 1923. 452 p.
18. Neilson K. *Britain and the Last Tsar. British Policy and Russia 1894–1917*. Oxford, Clarendon Press, 1995. 408 p.
19. Neilson K. «Incidents» and foreign policy: A case study. In: *Diplomacy & Statecraft*, 1998, vol. 9, pp. 53–88.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кременецкий Константин Владимирович – кандидат географических наук, преподаватель Нью-Йоркской киноакадемии (Лос-Анджелесское отделение);
e-mail: kkremenetski@gmail.com

Банникова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: nganzhara@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin V. Kremenetski – Cand. Sci. (Geography), Instructor, New York Film Academy (Los Angeles Campus);
e-mail: kkremenetski@gmail.com

Natalia V. Bannikova – Cand. Sci. (History), Instructor, Russian State Humanitarian University
e-mail: nganzhara@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кременецкий К. В., Банникова Н. В. Изобретение фальшивых новостей. Высылка корреспондента «Таймс» из России в 1903 г. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 76–91.
DOI: [10.18384/2949-5164-2025-1-76-91](https://doi.org/10.18384/2949-5164-2025-1-76-91)

FOR CITATION

Kremenetski K. V., Bannikova N. V. Fabrication of fake news. Expulsion of the «Times» own correspondent from Russia in 1903. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 76–91.
DOI: [10.18384/2949-5164-2025-1-76-91](https://doi.org/10.18384/2949-5164-2025-1-76-91)

УДК 93.351.741

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-92-102

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ЧИНЫ В БОРЬБЕ СО ШПИОНАЖЕМ: НЕПРОЧИТАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Зверев В. О.*Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел России
имени И. Ф. Шилова**680000, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Воссоздание контрразведывательной истории общей полиции в контексте её привлечения к борьбе с германским и австрийским шпионажем в прифронтовых и тыловых городах Российской империи в годы Первой мировой войны.

Процедуры и методы. В центре поисково-исследовательского интереса оказались документальные ресурсы Государственного архива Российской Федерации (1 дело), Исторического архива Омской области (4 дела) и Российского военно-исторического архива (9 дел). Полицейские документы последнего из них (как исторические источники) уникальны и представляют особую научную ценность, т. как были собраны «по крупницам» в объёмном делопроизводстве контрразведывательных отделений военного времени и ранее не публиковались. Исследовательский инструментарий включил в себя такие научные методы, как: дескриптивный, проблемно-хронологический, анализ и синтез первоисточников, исторической реконструкции, логический.

Результаты. Восстановлена малоизвестная и малоэпизодная история участия на «незримом фронте» Первой мировой войны общей полиции. Большая часть её личного состава была представлена теми, кто беззаветно выполнял свой профессионально-служебный долг, но встречались недобросовестные чиновники, а порой и предатели. Акцент сделан на успешной практике сотрудничества полицейских с армейскими подразделениями контрразведки. Полиция решала разноплановые задачи в деле борьбы со шпионажем, в т. ч. используя приёмы оперативно-розыскной деятельности. В то же время сделан вывод о несостоятельности полицейского (контрразведывательного) контроля по выявлению политически нелояльных лиц, и главным образом, тех, кто не имел удостоверяющих личность документов или обладал поддельными документами в г. Риге и на о. Эзель как стратегически важных рубежах обороны в Лифляндии и Эстляндии.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье заложены теоретические основы для проведения фундаментальных исследований о межведомственной деятельности отечественных органов полиции и спецслужб во время Первой мировой войны как на региональном уровне, так и в масштабах российского государства.

Ключевые слова: германская разведка, контрразведка, общая полиция, шпионаж

POLICE OFFICERS IN THE FIGHT AGAINST ESPIONAGE: UNREAD PAGES OF HISTORY FIRST WORLD WAR

V. Zverev

*Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilova
Kazarmeniy per. 15, Omsk 680000, Russian Federation*

Abstract

Aim. Reconstruction of the counterintelligence history of the general police in the context of its fight against German and Austrian espionage in the front-line and rear cities of the Russian Empire during the First World War.

Methodology. The focus of research interest was the documentary materials of the Omsk Historical Archive, the State Archive of the Russian Federation and the Russian Military Historical Archive. The documents of the last of them are unique and are of particular scientific interest, since they were collected “bit by bit” in the voluminous records management of wartime counterintelligence departments, and have not previously been published. Research tools are represented by such scientific methods as: descriptive, problem-chronological, analysis and synthesis of primary sources, historical reconstruction, logical.

Results. The author reconstructed the little-known and little-episode history of the participation of the general police on the “invisible front” of the First World War. Most of its personnel were represented by those who selflessly fulfilled their professional and official duty, but there were unscrupulous officials, and sometimes even traitors. The emphasis was placed on the successful practice of cooperation between police and army counterintelligence units. The police solved diverse problems in the fight against espionage, including using the techniques of operational investigative activities. At the same time, it was concluded that counterintelligence (police) control was ineffective in identifying politically disloyal persons, and mainly those who did not have identity documents or had false documents in the city of Riga and on the island of Ezel as strategically important defense lines in Livonia and Estland.

Research implications. This article lays the theoretical foundations for further fundamental research on the history of domestic internal affairs bodies and intelligence services during wars and armed conflicts with the participation of Russia.

Keywords: German intelligence, counterintelligence, general police, espionage

Введение

Вскоре после начала Первой мировой войны все законодательные и исполнительные институты власти Российской империи были переведены на особый режим функционирования – режим военного времени. Перестраивание на военный лад коснулось не только органов гражданского профиля и уж тем более военной контрразведки, жандармских управлений и охранных отделений, но также и подразделений общей (наружной) полиции, призванных в ближне- и среднесрочной перспективе оказывать необходимую помощь армии в ходе пред-

упреждения и профилактики немецкого и австрийского шпионажа.

В отечественной историографии заявленная научная проблема – полицейские чины¹ в борьбе со шпионажем в России (1914–1918 гг.) – так и не получила своего конкретного, обстоятельного и всестороннего раскрытия. В центре многолетнего внимания исследователей-специалистов, по-прежнему, находится военная контрразведка [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

¹ К полицейским чинам мы относим, прежде всего, руководителей городской и уездной полиции, а также основных исполнителей – приставов, надзирателей, городских, урядников и стражников.

А те редкие сведения о фактах вовлечённости полиции в розыск государственных преступников, которые и можно почерпнуть в т.ч. в опубликованных трудах автора данной статьи, освещаются, как правило, узко, однобоко и факультативно (например, когда речь идёт о неэффективной работе приставов и околоточных надзирателей по наблюдению за британскими подданными в г. Семипалатинске или о незаконных действиях полиции Великого княжества Финляндского по разглашению посредством местных газет информации о мерах по розыску шпионов и укрыванию лиц этой категории в г. Гельсингфорсе (1915 г.)).

Из сказанного может сложиться впечатление, что в Российской империи все полицейские чины или их немалая часть непрофессионально относились к выполнению своих прямых обязанностей по охране общественного порядка или же оказались легкомысленными, а возможно, и предателями на государственной службе. Для того, чтобы установить истину по этому вопросу или, как минимум, сложить объективное представление о реальном участии полицейских в ведомственных/межведомственных мероприятиях по обеспечению военной безопасности России и её действующей армии в годы войны, следует обобщить и проанализировать конкретные архивные материалы.

Но прежде обратимся к двум смысловым акцентам. Во-первых, имеющиеся в нашем распоряжении переписки разведывательных/контрразведывательных органов на театрах военных действий Первой мировой войны из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) ранее не становились предметом изучения в научной литературе, малоизвестны специалистам по истории отечественных органов внутренних дел и спецслужб, тем более широкой научной общественности. Подчеркнём, что материальные носители названного архивохранилища составили

источниковый базис проведённого исследования. Во-вторых, все документы, где иллюстрируется повседневная полицейская работа по линии контрразведки, являются единственными в своём роде и потому, что были обнаружены автором в «непрофильном архиве» – РГВИА. А в связи с тем, что абсолютное большинство единиц его хранения все-таки имеют военное содержание, то встретившиеся нам лишь дискретные упоминания о месте и роли полицмейстеров, приставов, околоточных надзирателей и других полицейских чинов в деле борьбы со шпионажем, возымели очевидный научный вес.

Общероссийская практика полицейской борьбы со шпионажем (на примере Варшавского и Степного генерал-губернаторств)

Обратимся к редким документальным сведениям, которые позволят хронологически последовательно, точно и достоверно реконструировать неоднозначную и фрагментарную историю занятости полицейских чинов на «невидимом фронте» противостояния спецслужб в годы Великой войны.

Начнем с того, что к первому десятиетию XX в. (предвоенный период) российская общая полиция, к примеру, в городах имела единообразное организационно-штатное построение. Главным полицейским начальником был либо обер-полицмейстер (в г. Варшаве), либо полицмейстеры (в г. Санкт-Петербурге и др.), либо градоначальник (в г. Москве). В их подчинении, в зависимости от статуса города и численности его населения, находилось то или иное число приставов (1, 2, 3-го разрядов), старших и младших помощников приставов (1, 2, 3-го разрядов), околоточных надзирателей (1, 2, 3-го разрядов) и городских (1, 2, 3-го разрядов)¹.

Именно такие силы в масштабах всей страны и, в первую очередь, в городах и

¹ Шукин А. Руководство для изучения полицейской службы. СПб., 1913. С. 123.

местностях прифронтового значения, привлекались к розыску лиц, подозревавшихся в шпионской, а позже и шпионско-диверсионной деятельности, а также профилактике и предупреждению этого военно-криминального явления. Уже 23 июля 1914 г. (здесь и далее летоисчисление ведётся по старому стилю) в своей телеграмме на имя обер-полицмейстера г. Варшавы министр внутренних дел Н. А. Маклаков потребовал: «Ввиду полученных сведений о шпионской деятельности справочных контор "Институт Шиммельфенга" и акционерного общества "Клячкин и К°", прошу, согласно ходатайству Главного Управления Генерального Штаба, немедленно закрыть все конторы и отделения этих обществ»¹.

Напомним, указанные сетевые организации занимались регулярным добытием околовоенных, т. е. не имевших прямого военного назначения, сведений стратегического характера о России (в частности, о Варшавском генерал-губернаторстве), их систематизацией и отправкой в Германию. Вероятно, не вникая в глубинные военно-политические смыслы, но действуя в точном соответствии с присягой, данной Царю и Отечеству, а также осознавая катастрофичность возможных для «Варшавского выступления»² последствий от скрытых угроз, варшавские приставы выполнили распоряжение вышестоящего начальства чётко и своевременно³.

Если эта и ей подобные задачи, принимая во внимание величину летального урона, который мог быть причинён обороноспособности российского государства на его западной оконечности, предполагали порой спешность и личное участие глав ведомств, а также безукориз-

ненную исполнительскую дисциплину на местах, то розыск иностранцев на удалённых от театров войны территориях проходил в штатном режиме. Так, вслед за письмом начальника контрразведывательного отделения (КРО) Иркутского военного округа ротмистра Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) Попова на имя начальника омского жандармского управления полковника ОКЖ Козлова от 9 апреля 1915 г. полицмейстер и все его подчинённые в Степном крае, в т. ч. и в г. Омске, были привлечены к организации поиска нескольких австрийских и германских подданных, «скрывшихся в Москве от неминуемого ареста и ссылки...»⁴. Спустя время от исполнителей был получен ответ: на обслуживаемых ими участках разыскиваемых лиц не обнаружено⁵.

Памятуя о том, что шпионов искали во всех местностях России, складывавшаяся практика межведомственного взаимодействия расширяла и перечень обязанностей полиции. Помимо запретительных мер к держателям голубей почтовой породы и нарушителям воздушного пространства России (воздушный шпионаж), регистрационных мероприятий в отношении иностранных подданных и наблюдения за ними, надзора за домами терпимости и др., знакомых ещё по довоенному времени омским полицейским, к их ежедневным задачам также добавилась поимка беглых австрийских и германских военнопленных и их этапирование в лагеря для военнопленных, высылка политически неблагонадёжных иностранцев на восток – в Тобольск, а также другие отдалённые города и населённые пункты.

И здесь важно отметить, что омская полиция накопила большой опыт работы по линии борьбы с лазутчиками ещё во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Судя по «Реестру секретных бумаг

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 217. Оп. 1. Д. 628. Л. 1, 2.

² Географическое расположение Варшавского генерал-губернаторства (Варшавского военного округа) было таковым, что оно «вклинивалось» в территории Германии и Австро-Венгрии, окружавших его с северной, западной и южной стороны.

³ ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 628. Л. 6, 7.

⁴ Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 650. Л. 2, 3.

⁵ Там же. Л. 5, 6; Д. 443. Л. 5, 6.

пристава 3-й части г. Омска за 1904 год», приставы и околоточные надзиратели отработывали многочисленные циркуляры департамента полиции МВД России о розыске иностранных («желтолицых») поданных, устанавливали наблюдение за прибывавшими в г. Омск офицерами австрийской армий и т. д.¹ Отсюда следует, что омские полицейские к началу Первой мировой войны не только обеспечивали поддержание общественного порядка и безопасности, но и имели общее представление о тактике розыска и типологии государственных преступников (в т. ч. нравах азиатов и европейцев), характере военного шпионажа. Допускаем, что в целях борьбы с этим явлением у околоточных надзирателей и городских имелся свой осведомительный аппарат – дворники, работники рюмочных, коробейники, нищие и пр.

Борьба полиции со шпионажем в Остзейском крае: состояние и проблемы

К октябрю 1915 г., когда наступление германских войск на Восточном фронте было остановлено и контур переднего края стабилизировался, потребовались неординарные усилия по выявлению хорошо замаскированных вражеских агентов, забрасываемых на русскую территорию. К участию в уже апробированных фильтрационных заслонах привлекались сотрудники подразделений общей полиции, хорошо знавшие коренное население оккупированных территорий и особенно в тех местностях, которые граничили с линией боевого соприкосновения. Для тщательной проверки беженцев только к участку 12-й армии по согласованию между её командующим и главами Лифляндской и Курляндской губерний в ноябре месяце были прикомандированы 18 урядников и 18 стражников². Их со-

вместные с контрразведчиками усилия по опознанию местных жителей, а также выявлению неизвестных лиц, которые под разными предложениями пытались проникнуть в расположение передовых русских частей и их тылы, вышли на более высокий качественный уровень. Однако было бы ошибкой недооценивать возможности германской разведки, агенты которой порой делали невозможное. В ноябре 1915 г. 2 немецких шпиона – крестьяне Ф. Я. и Ф. П. Пуцены – сумели преодолеть все искусственные преграды и провели разведку на станции Шлок (Рижско-Орловская железная дорога), где в конечном итоге и были задержаны³.

Среди многочисленных примеров будничного и доблестного служения сотрудников общей полиции (значительная их часть осталась за рамками данного исследования) нашлось место и предательству в её рядах. Как видно из письма помощнику главного начальника Двинского военного округа по гражданской части генерал-лейтенанту П. Г. Курлову от 23 июня 1915 г. из 6-й армии (отправители-подписанты: начальник штаба генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич и генерал-квартирмейстер генерал-майор Б. П. Баженов, а также заместитель начальника разведотдела-начальник КРО подполковник М. М. Фёдоров), в отношении полицейского пристава г. Пернова Лифляндской губернии Р. Гана были собраны агентурные сведения, изобличающие его причастность к преступлениям. «Тесные связи с баронами и евреями, игнорирование самых элементарных требований полицейской службы и широкое содействие совершающимся беззакониям..., а также укрывание виновных при расследовании дел»⁴ стали веским основанием для увольнения Р. Гана с занимаемой должности.

¹ Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 1143. Л. 4-8, 11, 13, 16-20, 25-30, 38.

² Российский государственный военно-историче-

ский архив (далее – РГВИА). Ф. 2031. Оп. 4. Д. 582. Л. 272.

³ Там же. Д. 862. Л. 86.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 383.

Названный пристав подозревался не только в совершении уголовно наказуемого деяния. Его проступок можно охарактеризовать как особо тяжкий моральный и духовно-нравственный грех (измена Родине) в контексте бескомпромиссного вооружённого противостояния, а если ещё точнее – профессиональное предательство. Кстати, именно данная разновидность персонифицированного грехопадения является редким эпизодом тыловой жизни в ходе Первой мировой войны, в то время как массовым феноменом, пронизывающим всю историю этого военного конфликта, была служебная безответственность и халатность. Причём в тяжелейших условиях отступления русской армии (Горлицкий прорыв, «Польский мешок», Виленская операция и потеря Литвы), а позже и кровопролитных позиционных боёв эти понятия, на наш взгляд, являясь одним из проявлений предательства, зачастую имели обезличенный, собирательный и иррациональный характер, а также латентную форму реализации.

Все эти смыслы читаются в докладе на имя генерала для поручений при главнокомандующем армиями Северного фронта генерал-майора Н. С. Батюшина от 16 января 1916 г. В нём говорится о том, что в прифронтовом районе с центром в г. Шлоке (30 км от г. Риги), о котором велась речь выше, практически отсутствует паспортный контроль за лицами туда приезжающими¹. Со слов подпоручика из контрразведки Пекка (на основе его данных был подготовлен сам доклад) среди молочных торговцев, булочников, окопных рабочих и др. на переднем рубеже русской обороны в Лифляндии – балтийское побережье – «безусловно находятся германские шпионы». Существующий полицейский контроль на железнодорожной станции г. Риги также «не достигает цели» – лица, не имеющие про-

пусков, остаются в купе вагонов, платя за это «мзду» кондукторам и проводникам².

Аналогичную проблему, в ходе архивно-поисковой деятельности, мы встретили в докладе чиновника для поручений М. Н. Тимонова (сотрудник контрразведывательного пункта ротмистра ОКЖ Г. К. Красильникова / г. Юрьев, Лифляндия). Подытоживая свою командировку на о. Эзель (1 марта 1916 г.) – естественный территориально-географический оборонительный рубеж перед входом в Рижский залив – он так сформулировал своё первое впечатление: «При выезде на материк и при въезде на остров полицейского контроля нет»³. В последующем установленный факт беспечности местного полицейского начальства во взаимосвязи с комплексом причин военно-оборонительного и внутривнутриполитического характера повлёк потерю Россией Моондзундского архипелага (о. Эзель, Моон и Даго). В ходе германской операции «Альбион» в сентябре 1917 г. русские вооружённые силы – корабли Балтийского флота и часть войск Северного фронта – потерпели поражение.

Наконец, ярким примером преступной безответственности на службе в прифронтовой Риге является деятельность её полицмейстера – полковника Феличкина. По данным агентуры КРО штаба Северного фронта от 19 ноября 1916 г., он запретил участникам собрания членов лифляндского общества взаимного кредита говорить по-латышски и закрыл латышский театр⁴. Эти необоснованные по своей сути распоряжения «произвели угнетающее впечатление не только на местных латышей, но и вызвали вообще недовольство полковником Феличкиным»⁵. Кроме того, на чердаке здания городского полицейского управления, со слов все той же агентуры контрразведки, «был найден

² Там же.

³ Там же. Д. 806. Л. 164.

⁴ Там же. Д. 300. Л. 66.

⁵ Там же.

¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 361. Л. 118.

аппарат по изготовлению спирта для полицейских чинов...»¹.

В совокупности все названные факты способствовали ослаблению общепризнанной значимости и востребованности институтов местной гражданской власти и, в частности, полицейских органов, могли спровоцировать случаи массового неповиновения этнического населения стражам порядка в г. Риге, а также девальвацию в ней идеи верховенства российского закона и легитимности самодержавной власти. Кроме того, лишённые всякой правоохранительной или же военной логики полицмейстерские решения носили пусть и не умышленный, но явно выраженный вредительский, а, возможно, и враждебный характер. В ближайшем тылу формировалась благоприятная среда для зарождения изменническо-пораженческих настроений, появления паникёров и провокаторов, а также активизации вражеской агентуры и её пособников. Всё это повлекло снижение боеспособности и морально-политического духа фронтовых частей русской армии и стало одной из косвенных причин её поражения под г. Ригой в сентябре 1917 г.

И в то же время несправедливо было бы полагать, что многие полицейские руководители и их подчинённые недобросовестно выполняли свои должностные обязанности. С нашей точки зрения, профессиональное большинство всё же относилось к ним с усердием, в высшей степени честно и ответственно, чему есть ряд документальных свидетельств. Так, в начале февраля 1916 г. сотрудниками вышеупомянутой рижской полиции был задержан агент русской контрразведки Карл Буян и помещён в псковскую губернскую тюрьму. Вскоре арестант, как сообщник германской разведки, по решению заведующего военно-судной частью штаба главнокомандующего армиями Северного фронта был предан военному суду².

Сказанное позволяет предполагать, что контрразведка дозировано информировала общую полицию, ориентируя её личный состав на розыск и задержание конкретных преступников (в частности, двойного агента К. Буяна). Но были случаи и инициативного обнаружения потенциальных шпионов. Например, в начале июня 1916 г. полицейские г. Риги посетили одну из «подозрительных квартир». Во время производства в ней обыска хозяин оказал сопротивление и скрылся. Через некоторое время выяснилось, что беглец являлся нижним чином действующей армии Скребой Иосифом, который ранее «совершил побег из части и был в плену у неприятеля»³. Контрразведчики штаба 12-й армии немедленно доложили о данном обстоятельстве в центральный аппарат фронтовой контрразведки с просьбой оповестить армейские органы контрразведки о И. Скребе и задержать его⁴. Согласно другому историческому факту в августе 1916 г. околоточный надзиратель 11-го участка московской части г. Риги в ночное время выявил притон, где «услышал песни, крики и вообще шум пьяного разгула» с участием офицеров и женщин⁵. Вскоре по телефону связались с адъютантом коменданта города с тем, чтобы «выяснить фамилии офицеров, а девиц арестовать»⁶. В дальнейшем, как нам представляется, особый интерес военных властей мог быть проявлен к женщинам непристойного поведения, т. к., по данным контрразведки, именно эта категория в прошлом многократно становилась объектом вербовки в разведшколах при штабах наступающих германских и австрийских войск.

Думается, что именно благодаря активным мерам по задержанию уличных правонарушителей и уголовных преступников, а также резонансу от профилактических рейдов, в рижском обществе

³ Там же. Д. 862. Л. 111.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 897. Л. 286.

⁶ Там же.

¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 300. Л. 66.

² Там же. Д. 138. Л. 22.

были «...повсюду слышны лестные отзывы о полиции...»¹. Авторитет правоохранительной службы рос и укреплялся также благодаря тем полицейским, которые ещё в начале войны ушли на фронт, чтобы выполнить свой ратный долг. Именно так поступил вспомогательный агент «Мухин», как следует из сообщения заведующего розыскным пунктом в г. Ново-Николаевске (Томская губерния) ротмистра ОКЖ П. Богдановича². Свою лепту вносили и те сотрудники, которые стремились попасть на передовую борьбы со шпионажем, предлагая свои услуги в качестве агентов наружного наблюдения. Так, в конце 1916 г. ходатайствовал о прикомандировании к штабу Северного фронта «для несения обязанностей по розыску» полицейский надзиратель либавского сыскного отделения И. Я. Путнынь³. В начале же 1917 г. в филерский отряд КРО штаба Северного фронта трудоустроились старший городской ковенской городской полиции П. Ю. Бертлинг и В. В. Васин. При этом последний из них был принят по рекомендации департамента полиции МВД России, где служил раньше⁴.

Взаимодействие полиции с контрразведкой в г. Витебске

И завершая изложение истории органов общей (наружной) полиции в борьбе со шпионажем, рассмотрим редкий случай основательных совместных действий КРО штаба Двинского военного округа с чинами общей и жандармской полиции, военной комендатурой⁵. 15 февраля 1917 г. созданные контрольные группы-пункты из представителей этих ведомств, разделив на 10 условных частей г. Витебск, приступили к внезапной проверке находившихся на его улицах людей. Начальник КРО лично инструктировал кол-

лективную работу. Было опрошено около 3 600 человек, в т. ч. задержано 22 военнослужащих и более 50 гражданских лиц, не опознанных полицией либо без документов. У одного нижнего чина изъят «подложный документ» и 3 гражданских вызвали «весьма серьёзное подозрение в шпионстве и подделке документов». Последних четверых заключили под стражу для немедленного производства предварительного расследования.

Отметим, что это контрразведывательное мероприятие проходило в сложнейшей обстановке. Интенсивное революционизирование (разложение) армии, братание с немцами её окопных частей, падение их боеспособности, неповиновение воинскому начальству и неуважение к текущим законоположениям ставили вне закона действия полицейских и контрразведчиков, подвергая их жизни неминуемой опасности.

Заключение

Автор статьи, несмотря на свою многолетнюю профессиональную принадлежность к органам правопорядка Российской Федерации, попытался восстановить документальные события из контрразведывательной истории общей полиции, не затушёвывая их, беспристрастно. Такой подход позволил взглянуть более масштабно, глубоко и рельефно не только на эпизоды, достойные увековечивания, но и неприглядные страницы прошлого, а также прийти к некоторым умозаключениям.

Во-первых, с началом боевых действий на Восточном фронте Первой мировой войны на органы общей полиции воюющего российского государства был возложен небывалый груз ответственности за порученное дело и двойной объём работы (по общеуголовной и контрразведывательной линии). Полицейские чины не только профилактировали и предупреждали административные и уголовные правонарушения и преступления, а также военный шпионаж, как это было

¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 300. Л. 66.

² ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 61а. Л. 15.

³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 300. Л. 76.

⁴ Там же. Л. 40.

⁵ Там же. Д. 743. Л. 161, 162.

в прежние времена, но и выявляли шпионов и предателей, а порой и задерживали их. Столь сложный комплекс решаемых задач, сопряжённых с риском для жизни и в сочетании с первоочередным родом деятельности (борьба с общеуголовной преступностью) был под силу лишь компетентным специалистам, патриотам своей Родины и профессии, государственным. К таковым мы относим всех рядовых полицейских – героев нашей статьи.

Во-вторых, оказывая систематическое, всестороннее, а порой и эффективное содействие контрразведке, полицейские чины были её «глазами и ушами» на улицах, в торговых рядах и питейных заведениях, на городских площадях и железнодорожных вокзалах, водных пристанях и т. д. Отлаженный столетиями механизм розыска государственных преступников (сектанты, бунтовщики, революционеры, иностранные кадровые разведчики, а в нашем случае, шпионы или предатели) лишал возможности тех из них, кто был выявлен оперативно-агентурным путём, избежать неминуемого возмездия.

В-третьих, г. Рига, её окрестности, а также о. Эзель, находившиеся в эпицентре не идентифицированных шпионских

угроз, оказались малозащищёнными. А предпринятые меры реагирования со стороны полиции были явно недостаточными, т. к. носили локальный, а нередко и случайный характер.

Полицейское начальство, проявляя преступную близорукость и бездеятельность, не смогло своевременно распознать реальную угрозу, главным образом со стороны германской разведки, а также заложить превентивные основания для организации строгого полицейского (контрразведывательного) режима. Причём такая его составляющая, как паспортный контроль, являвшаяся нормой правоохранительных будней, недооценивалась. А, допустим, идеи привлечения к борьбе со шпионажем патриотически настроенной части населения, о чём было написано немало статей в довоенных газетах и журналах (военная и гражданская публицистика), не рассматривались. Наконец, опубликованный европейский опыт противодействия германским лазутчикам, к примеру, французский (по итогам Франко-прусской войны 1870–1871 гг.), также не был учтён руководством рижской полиции.

Дата поступления в редакцию 24.07.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Егизаров А. Г. Организационно-правовые основы деятельности военной контрразведки Российской империи и её особенности на Кубани: 1914–1920 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 198 с.
2. Зданович А. А. Организационное строительство отечественной военной контрразведки: 1914–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 232 с.
3. Зданович А. А. «Дело Мясоедова». Новый этап изучения или бег по кругу // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 234–246.
4. Иванов В. А. Разведывательная работа германского Генштаба против армий Северного фронта и борьба со шпионажем в 1915–1917 годах (из документов Архива УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти) // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 292–311.
5. Канаев И. Н., Щербинин П. П. Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914–1917 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 207–212.
6. Кубасов А. Л. На перепутье: Российская военная контрразведка в Финляндии и на Севере России в 1917 – первой половине 1918 гг. // Вестник Военного университета. 2009. № 4. С. 139–144.
7. Мелешин К. Ю. Филерская служба КРО штаба Петроградского военного округа на сломе эпох (1917–1918 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: мат-лы конф. / отв. ред. А. В. Сушко. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 132–136.

8. Синиченко В. В. Перлюстрация в деятельности органов военной контрразведки Первой мировой войны // Гуманитарные чтения: сб. статей / отв. ред. М. В. Жерновой. М., 2020. С. 139–144.
9. Синиченко В. В., Токарева Г. С. Работа правоохранительных органов России по противодействию предполагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 153–163.
10. Кирмель Н. С. Некоторые аспекты контрразведывательной работы спецслужб России на театре военных действий в годы Первой мировой войны / Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: мат-лы конф. / под ред. Е. В. Дроботушенко. М., 2015. С. 12–16.
11. Судариков А. М. Немецкий шпионаж на военных заводах Санкт-Петербурга – Петрограда накануне и в годы Первой мировой войны // Наука Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда и обеспечение безопасности страны: мат-лы конф. / под ред. В. Л. Михеева и др. СПб., 2022. С. 46–62.

REFERENCES

1. Egizarov A. G. *Organizacionno-pravovye osnovy dejatel'nosti voennoj kontrrazvedki Rossijskoj imperii i ee osobennosti na Kubani: 1914–1920 gg.: dis. ... kand. jurid. nauk* [Organizational and legal basis for the activities of military counterintelligence of the Russian Empire and its features in Kuban: 1914–1920. Cand. Sci. thesis in Legal sciences]. Krasnodar, 2010. 198 p.
2. Zdanovich A. A. *Organizacionnoe stroitel'stvo otechestvennoj voennoj kontrrazvedki: 1914–1920 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Organizational construction of domestic military counterintelligence: 1914–1920: Cand. Sci. thesis in History sciences]. Moscow, 2003. 232 p.
3. Zdanovich A. A. [“The Myasoedov Case.” A new stage of learning or running in circles]. In: *Novejshaja istorija Rossii* [Recent history of Russia], 2014, no. 3, pp. 234–246.
4. Ivanov V. A. [Intelligence work of the German General Staff against the armies of the Northern Front and the fight against espionage in 1915–1917 (from documents of the Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation for St. Petersburg and the Leningrad region)]. In: *Novejshaja istorija Rossii* [Recent history of Russia], 2014, no. 3, pp. 292–311.
5. Kanaev I. N., Shcherbinin P. P. [Child spies and Russian counterintelligence during the First World War, 1914–1917]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanitarian sciences], 2008, no. 8, pp. 207–212.
6. Kubasov A. L. [At the crossroads: Russian military counterintelligence in Finland and the North of Russia in 1917 – the first half of 1918]. In: *Vestnik Voennogo universiteta* [Bulletin of the Military University], 2009, no. 4, pp. 139–144.
7. Meleshin K. Yu. [Filing service of the KRO headquarters of the Petrograd Military District at the turn of the era (1917–1918)]. In: Sushko A. V., ed. *Dejatel'nost otechestvennyh specsluzhb v jepohu socialnyh kataklizmov* [Activities of domestic intelligence services in the era of social cataclysms]. Omsk, Izd-vo OmGTU Publ., 2017, pp. 132–136.
8. Sinichenko V. V. [Illustration in the activities of military counterintelligence agencies of the First World War]. In: Zhernovoi M. V., ed. *Gumanitarnye chtenija* [Humanitarian Readings]. Moscow, 2020, pp. 139–144.
9. Sinichenko V. V., Tokareva G. S. [The work of Russian law enforcement agencies to counter alleged sabotage on the Trans-Siberian Railway during the First World War]. In: *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij* [News of the Laboratory of Ancient Technologies], 2020, vol. 16, no. 8, pp. 153–163.
10. Kirmel N. S. [Some aspects of the counterintelligence work of the Russian special services in the theater of military operations during the First World War] In: Drobotushenko E. V., ed. *Vtoraja mirovaja vojna: predystorija, sobytija, uroki* [World War II: background, events, lessons]. Moscow, 2015, pp. 12–16.
11. Sudarikov A. M. [German espionage in military factories of St. Petersburg – Petrograd on the eve and during the First World War] In: Mikheev V. L., et al., eds. *V sbornike: Nauka Sankt-Peterburga – Petrograda – Leningrada i obespechenie bezopasnosti strany* [Science of St. Petersburg – Petrograd – Leningrad and ensuring the security of the country]. St. Petersburg, 2022, pp. 46–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Олегович Зверев – доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел России имени И. Ф. Шиловой (по научной работе);
e-mail: zverevoma@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim O. Zverev – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Deputy Head of Research, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilova;
e-mail: zverevoma@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зверев В. О. Полицейские чины в борьбе со шпионажем: непрочитанные страницы истории Первой мировой войны // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 92–102.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-92-102

FOR CITATION

Zverev V. O. Police officials in the fight against espionage: unread pages of the history of the First World War. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 92–102.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-92-102

УДК 323.232.019.57:355.425.4 (47) «1941/1944»

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-103-119

АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА ПОДПОЛЬЩИКОВ КРЫМА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Иванов В. А.

Крымский университет культуры, искусств и туризма

295017, г. Симферополь, ул. Киевская, д. 39, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ агитационно-пропагандистской деятельности крымских подпольщиков в годы Великой Отечественной войны.

Процедура и методы. Источниковой базой исследования явились впервые вводимые в научный оборот материалы из фондов: Государственного архива Республики Крым, муниципального архива г. Саки, Музея боевой славы «Центра развития творчества детей и юношества» г. Ялта, а также газетного фонда Крымской республиканской универсальной научной библиотеки имени И. Франко. Агитационно-пропагандистские мероприятия включали в себя распространение печатной продукции (листовки, газеты, брошюры), самиздат, радиопропаганду, устные беседы.

Результаты. Сделаны выводы о степени информационного и морально-психологического воздействия агитационно-пропагандистской работы подпольщиков Крыма в годы Великой Отечественной войны на гражданское население, находящееся под нацистской оккупацией и на войска сателлитов гитлеровской Германии – румынских и словацких военнослужащих.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут использоваться для изучения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в целях патриотического воспитания, а также для противодействия фальсификации и искажению событий 1941–1945 гг. не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом.

Ключевые слова: агитация, Великая Отечественная война, Крым, подпольщики, пропаганда

AGITATION AND PROPAGANDA OF THE UNDERGROUND MEMBERS OF THE CRIMEA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

V. Ivanov

Crimean University of Culture, Arts and Tourism

ul. Kievskaya 39, Simferopol 295017, Russian Federation

Abstract

Aim. Analysis of oral and printed propaganda activities of the Crimean underground during the Great Patriotic War.

Methodology. The source base of the research was materials introduced into scientific circulation for the first time from: funds of the State Archive of the Republic of Crimea, the municipal archive of the city of Saki, funds of the Museum of Military Glory of the «Center for the Development of Children's and Youth Creativity» of the city of Yalta, as well as the newspaper fund of the Crimean Republican Universal Scientific Library named after I. Franko. Agitation and propaganda activities included the distribution of printed materials (leaflets, newspapers, brochures), samizdat, radio propaganda, oral conversations.

Results. Conclusions were obtained on the degree of informational and moral-psychological impact of the agitation and propaganda work of the Crimean underground during the Great Patriotic War on the civilian population under Nazi occupation and on the troops of the satellites of Hitler's Germany – Romanian and Slovak military personnel.

Research implications. The results of the study can be used to study the history of World War II and the Great Patriotic War, patriotic education, and to counteract the falsification and distortion of the events of 1941–1945, not only in the Russian Federation, but also abroad.

Keywords: Agitation, Great Patriotic War, Crimea, underground fighters, propaganda.

Введение

В отечественной и зарубежной историографии крайне мало внимания уделяется тематике идеологического и политического противостояния в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Крыма. Ведущие специалисты полуострова по истории партизанского и подпольного движения в годы Великой Отечественной войны Н. Д. Луговой¹, И. С. Чирва², Е. Н. Шамко³ глав-

ным образом рассматривали вопросы, касающиеся боевых операций партизан и подпольщиков, не затрагивая идеологическое противоборство средствами пропаганды. В 1980 г. в Киеве при Институте истории Академии наук Украинской ССР (ныне Институт истории Украины Национальной академии наук Украины) в свет вышла книга Н. Н. Руденко «Слово правды в борьбе с фашизмом»⁴, где анализировались средства, формы и методы агитационно-пропагандистской работы в годы Великой Отечественной войны. Однако в монографии акцент был сделан на работе, которую проводили политические органы Красной Армии совместно с партизанами и подпольщиками. Самостоятельную работу патриотов в глубоком тылу врага автор не рассматривал, и сам труд вскоре стал библиографической редкостью, практически «пропав» из поля зрения отечественных исследователей.

Работа, где были проанализированы формы и средства советской печатной пропаганды, монография И. А. Ивлева и А. Ф. Юденкова «Оружием контрпропаганды»⁵, убедительно доказала, что итогом идейной и политической борьбы на оккупированной территории стало полное превосходство советской периодики над изданиями нацистов и

¹ Луговой Н. Д. Партизанское движение в Крыму (1941–1944 гг.) // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. / под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 120–203.

² Чирва И. С. Крымское подполье 1941–1944 гг. // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. / под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 204–261.

³ Шамко Е. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. Симферополь: Крымиздат, 1959. 160 с.; Шамко К. М. Партійне підпілля в Криму в роки Великої Вітчизняної війни // Український історичний журнал. 1960. № 5. С. 16–27; Шамко Е. Н. Комсомольцы и молодежь Крыма в боях за Родину. Симферополь: Знание, 1958. 32 с.; Шамко Е. Н. Стояли насмерть // Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны / сост. В. Е. Быстров, З. Н. Политов. М.: Госполитиздат, 1960. С. 550–589; Шамко Е. Н. В Крыму // Под одним знаменем / сост. А. В. Белановский, С. М. Борзунов. М.: Госполитиздат, 1964. С. 192–204; Шамко Е. Н. Борьба трудящихся Крыма против немецко-фашистских захватчиков в тылу врага // Очерки по истории Крыма. Крым в период Великой Отечественной войны, в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. Ч. 4. / под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крым, 1967. С. 38–70; Шамко Е. Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. 2. / сост. В. Е. Быстров. М.: Политиздат, 1968. С. 51–95; Акулов М. Р., Шамко Е. Н. Всё для фронта, всё для победы (Комсомол Крыма в годы Великой Отечественной войны). Симферополь:

ВЛКСМ; Крымский обком ЛКСМ Украины, Таврида, 1985. 40 с.

⁴ Руденко Н. Н. Слово правды в борьбе с фашизмом. Пропагандистская деятельность политорганов Красной армии среди войск противника на территории СССР 1941–1944. К.: Наукова думка, 1980. 192 с.

⁵ Ивлев И. А., Юденков А. Ф. Оружием контрпропаганды: Советская пропаганда среди населения оккупированных территорий СССР. 1941–1944 гг. М.: Мысль, 1988. 277 с.

коллорабационистов. Труд И. А. Ивлева и А. Ф. Юденкова вышел в Советском Союзе в самый разгар перестройки, а через 3 года произошла крупнейшая геополитическая катастрофа – распад СССР. Крым оказался в составе независимой Украины, где историописание Второй мировой и Великой Отечественной войн рассматривалось с совершенно других позиций, нежели в Российской Федерации. По мнению автора, это выражалось в изменении взглядов на роль и масштабы агитации.

Во-первых, начиная с 1992 г., на получившей независимость Украине произошла настоящая «архивная революция». Началось массовое рассекречивание документов партийных структур бывшего СССР и его ведомственных организаций (КГБ, МВД и т. д.). Однако данные секретные источники информации трактовались как документальное подтверждение, что Советский Союз был «тоталитарным государством», игнорирующий права человека и незаконно контролирующей Украину в период 1917–1991 гг. Началась реабилитация жертв политических репрессий в СССР. Были изданы серии книг памяти. Правда, различий между попавшими под каток репрессивной машины не делали. Советские граждане, боровшиеся с нацизмом, были поставлены в один ряд с «героями», запятнавшими себя сотрудничеством с нацистскими оккупантами в годы Второй мировой войны¹ (которые в СССР и в РФ рассматривались исключительно как предатели и военные преступники). Характерным для этого времени был тезис о том, что деятельность украинских националистов распространялась на востоке и юге Украины (включая и Крым). И для агитаци-

онно-пропагандистской работы также не было сделано исключений.

Но, как свидетельствуют архивные и мемуарные данные, влияния на общество юга-востока Украины и Крыма националистическая пропаганда не имела, в отличие от Западной и Центральной Украины. В этот период времени крымские исследователи (В. Н. Гуркович², О. Н. Романько³, Н. В. Яблоновская⁴), публикуют ряд работ, посвящённых агитации и пропаганде, правда, не советской, а нацистской и коллаборационистской. Несомненно, это был значительный шаг в изучении истории Великой Отечественной войны, однако учёные, в отличие от И. А. Ивлева и А. Ф. Юденкова, не провели сравнительного анализа коллаборационистской и советской периодики и литературы, от чего их работы несравненно бы выиграли. Вместо этого они рассматривали достижения и просчёты немецкой и коллаборационистской печати. Прочие же работы, которые выходили в Крыму в украинский период с 2000 по 2014 г., были посвящены общим тенденциям деятельности крымских партизан и подпольщиков. Агитация и пропаганда

¹ Турба М. М. Досвід та особливості партизанських дій у Криму 1941–1944 рр.: соціально-політичний аспект: дис. ... канд. політ. наук. Одеса, 1998. 154 с.; Горбуров Є. Г. Рух опору і націоналістичне підпілля на Півдні України та в Криму в період окупації. 1941–1944 рр.: дис... канд. іст. наук. Київ, 2003. 232 с.

² Окупаційний режим в Криму: 1941–1944 рр. За матеріалами преси окупаційних властей / упоряд. В. М. Гуркович. Сімферополь: Таврія, 1996. 120 с.; Гуркович В. Н. Образ врага (профашистские газеты «Голос Крыма» и «Азат Кърым» о союзниках СССР в годы Второй мировой войны) // Историческое наследие Крыма. 2004. № 8. С. 140–147.

³ Романько О. В. Крым. 1941–1944 гг. Оккупация и коллаборационизм: Сборник статей и материалов. Симферополь: Антиква, 2005. 204 с.

⁴ Яблоновская Н. В. Оккупационная газета «Азат Кърым» (1942–1944): национальная пресса в контексте информационных войн // Культура народов Причерноморья. 2005. Т. 2. № 57. С. 122–125; Яблоновська Н. В. До проблеми визначення етапів діяльності німецької преси Криму // Поліграфія і видавничча справа: Науково-технічний збірник. Львів: УАД, 2005. С. 67–76; Яблоновская Н. В. Проблема крымскотатарского национального возрождения на страницах газеты «Азат Кърым» (1942–1944) // Культура народов Причерноморья. 2005. № 62. С. 107–110; Яблоновська Н. В. Етнічна преса Криму: історія та сучасність. Сімферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2006. 313 с.

учёными при этом не выделялась в отдельную проблему вообще¹ [9; 10; 11];

Воссоединение Крыма со исторической Родиной в марте 2014 г., казалось бы, открывало новые возможности для изучения настоящей проблемы. Однако историки, краеведы и публицисты сфокусировали своё внимание на общих тенденциях партизанской борьбы² [1; 2; 3; 4; 5; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 29], на проблеме коллаборационизма и особенностях гитлеровского оккупационного режима на территории Крыма³ [7; 8; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21] и на преступлениях нацистов и их сателлитов на территории Крымского полуострова [6; 8; 28].

Надеемся, что данная работа станет отправной точкой в исследовании проблемы агитации и пропаганды крымских антифашистов в годы Великой Отечественной войны.

Создание и деятельность подпольного Сопротивления на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны

В тылу гитлеровских захватчиков были оставлены секретари горкомов и райкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, а также другие ответственные партийные, советские

и комсомольские работники. Кроме того, райкомы ВКП(б) Крымской АССР – Центральный г. Симферополя, Ичкинский (ныне Советский), Зуйский, Карасубазарский (Белогорский), Биюк-Онларский (Октябрьский), Старокрымский – остались во вражеском тылу почти в полном составе. Для подпольной борьбы было подобрано 183 коммуниста. В каждом городе и районном центре были проведены инструктажи будущих подпольщиков, подобраны конспиративные квартиры, установлены пароли и явки. Также Крымский обком ВКП(б) позаботился о переводе будущих подпольщиков в другие районы, где никто их не знал, снабжая при этом необходимыми документами.

В начале октября 1941 г. в Керчи создаётся областной подпольный партийный центр во главе с И. А. Козловым⁴. Последний являлся членом РСДРП(б) с 1905 г., прошёл большую школу подпольной работы во время Российской империи, Февральской революции и Гражданской войны (1907–1922 гг.). Советское партийное и военное руководство возлагало на И. А. Козлова и областной партийный центр значительные надежды, которые, однако, не оправдались. Основная причина неудачи – место пребывания подпольного партийного центра в г. Керчи, которое было выбрано крайне неудачно из-за удалённости от большинства районов Крымского полуострова. Кроме того, после освобождения Керчи 30 декабря 1941 г. центр был легализован, и керченское партийное подполье перестало существовать. Из позитивных моментов следует отметить, что областной подпольный партийный центр, обособившийся в Керчи, с первых дней гитлеровской оккупации начал устанавливать связь с рабочими города, рыбаками и

¹ Брошеван В. М. Романтики героического подвига (книга очерков о борьбе советских подпольных комсомольско-молодежных организаций против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.). Симферополь, 2001. 77 с.; Поляков В. Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. в контексте военных и общественно-политических процессов: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Київ, 2014. 415 с.

² Ткаченко С. М. Дії радянської авіації в інтересах партизанських формувань Криму (1942–1944 рр.): дис. канд. іст. наук: 20.02.22. Київ, 2013. 200 с.; Поляков В. Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. в контексте военных и общественно-политических процессов: дис. ... док. ист. наук. Київ, 2014. 415 с.

³ Кохан А. А. «Вспомогательные» органы нацистской пропаганды в Крыму: 1941–1944 // Путь к Великой Победе: история и современность: мат-лы конф. Майкоп, 2020. С. 169–175; Романько О. В. Крымско-татарская эмиграция и её роль в «Восточной политике» нацистской Германии (1941–1945 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 4. С. 39.

⁴ Очерки истории Крымской областной партийной организации / отв. ред. Н. В. Багров. Симферополь, 1981. С. 200; Партийное подполье. Деятельность подпольных парт. органов и организаций на оккупированной сов. территории в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. Н. И. Макаров и др. М., 1983. С. 53–54.

работниками порта. Вокруг него образовался актив, из числа которого были выбраны связные, разведчики, печатники, распространители листовок, газет, сводок Совинформбюро. Шла деятельная подготовка к открытию подпольной типографии¹.

В октябре 1941 г. в лесу, в районе Карасубазара (ныне г. Белогорск Республики Крым, административный центр района) был создан подпольный партизанский центр – тройка на правах областного подпольного комитета ВКП(б) по руководству партизанским движением и партийным подпольем в Крыму. «Назывались имена членов тройки и одного из секретарей обкома и т. д.», – сообщал И. Г. Генов (заместителя командира партизанского движения Крыма А. В. Мокроусова по подготовке, организации партизанского движения, начальника 2-го партизанского района, располагавшегося в Карасубазарском районе (ныне Белогорского) и Зуйском лесах), при этом не уточняя, кто именно входил в состав этой тройки.

Первую подпольно-патриотическую группу в Симферополе создал член ВКП(б) Ф. И. Беленков (до февраля 1942 г.). В декабре 1941 г. возникли другие подпольно-патриотические группы, преимущественно из членов ВЛКСМ (комсомольско-молодёжные), организаторами которых стали выпускники городских школ Н. Г. Долетов, В. И. Бабий, С. Н. Кусакин, Л. М. Трофименко, Б. Н. Хохлов, А. Н. Косухин².

В феврале 1942 г. в Симферополе оформляются подпольные организации коммунистов И. Г. Лексина, Я. П. Ходячего³. Из крымских лесов был прислан

бывший партизан, до Великой Отечественной войны секретарь Балаклавского райкома ВКП(б) А. Дагджи. Он сумел осесть в оккупированном городе и в сентябре 1942 г. начал создавать свою подпольную организацию. В 1942 г. в Симферополе действовало 22 подпольно-патриотические группы. Согласно И. П. Кондранову, «наибольший размах и целенаправленный характер подпольная борьба приняла после разгрома фашистской группировки в Сталинграде»⁴.

В начале 1943 г. Крымский областной подпольный центр (с апреля 1942 г. действующий уже в крымских лесах), находившийся в лесу, отправляет в Симферополь своих связных Е. Островскую и Г. Гузия для установления устойчивой связи подполья с партизанским движением. В оккупированном Симферополе уполномоченным по подпольной работе в г. Симферополе Крымский областной подпольный центр утвердил армейского политработника, ставшего партизаном, И. Я. Бабичева, которому удалось установить надёжные связи с рядом руководителей подпольных групп⁵.

Наряду с действовавшими с 1942 г. подпольно-патриотическими организациями, в городе возникают новые – комсомольско-молодёжная (май 1943 г.), Н. А. Барышева (работников Крымского государственного академического театра имени М. Горького, в годы немецкой оккупации – Симферопольский русский театр драмы и комедии), А. А. Волошиновой, М. А. Корабаня (также возможны варианты Коробаня, Карабаня) (май 1943 г.) и др.

Подпольщики сыграли значительную роль в освобождении Крыма от нацистских оккупантов. Борьба была неравной, гитлеровским спецслужбами удалось раскрыть подпольные организации Ф. А. Беленкова (февраль 1942 г.), Я. П. Ходячего (март 1943 г.), А. П. Дагджи (июнь

¹ Очерки истории Крымской областной партийной организации / отв. ред. Н. В. Багров и др. Симферополь: Таврия, 1981. С. 200.

² Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК). Ф. Р-5026. Оп. 1. Д. 23. Л. 4; Очерки истории Крымской областной партийной организации / отв. ред. Н. В. Багров и др. Симферополь: Таврия, 1981. С. 200.

³ ГА РК. Ф. Р-5026. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

⁴ Кондранов И. Антифашистское подполье // Крымская правда. 1984. № 199. С. 3.

⁵ Там же.

1943 г.), В. К. Ефремова, А. А. Волошиновой и др. (февраль–март 1944 г.). В результате погибло и пропало без вести около 200 подпольщиков – 26% от числа симферопольского подполья¹. Подсчитать же количество погибших подпольщиков на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны до сих пор не представляется возможным.

Устная агитация и пропаганда подпольщиков Крыма в годы Великой Отечественной войны

3 февраля 1943 г. была записана беседа А. А. Сермуля, бойца 1-го отряда 1-госсектора, затем комиссара партизанского отряда Южного соединения Крыма. Согласно документам он вместе с партизаном Якушевым отправился для разведки в г. Симферополь. С собой партизаны прихватили 2 экземпляра сводок Совинформбюро. Явочная квартира партизанских разведчиков размещалась в Симферополе у двоюродного брата Якушева – Овечкина. При прибытии в город текст одной из листовок был размножен. Оставшиеся агитационные материалы были переданы Овечкину. А. А. Сермуль вернулся в партизанский лес. Вплоть до освобождения Симферополя 13 апреля 1944 г. Якушев распространял листовки «Вести с Родины». Их приносили связные из леса.

Печатную продукцию доставляли с Большой земли, сбрасывая её с самолётов на парашютах. Радио работало, согласно воспоминаниям Сермуля, плохо, ведь для её работы требовалась энергия аккумуляторов питания, но их экономили для передач. Разведку А. А. Сермуль проводил в Симферополе по распоряжению П. Р. Ямпольского, представителя Крымского подпольного обкома партии. Именно он инструктировал партизанских разведчиков и отвечал за их снаряжение.

Кроме того, П. Р. Ямпольский требовал от партизан установления связи с

местными подпольщиками и с иностранными военными служащими из частей сателлитов гитлеровской Германии. Через такие контакты проводилась пропагандистская работа не только в Симферополе, но и в местечках Бурлюк, Альма-Тархан, Николаевке, Кучук-Эле и Саки. В Саках, согласно сообщению А. А. Сермуля, была создана разветвлённая агентурная сеть, через которую распространялась подпольная литература. Стоило только из леса принести несколько листовок, и их содержание сразу копировалось и немедленно распространялось повсюду².

В июле–октябре 1943 г. вместе с А. А. Сермулем и Бережным на эти секретные операции отправлялись моряки-краснофлотцы. Причём для усиления агитационно-пропагандистской работы разведчики обязательно брали с собой газеты «Правду», «Красный Крым», сводки Совинформбюро. Их распространяли среди подпольных групп, а те в свою очередь – среди населения. Бывали случаи, когда партизанские разведчики сами рассказывали местному населению содержание сводок. Так, в местечке Бурлюк А. А. Сермуль встретил словака-военнослужащего. Представившись новому знакомому рабочим со стройки оборонительных укреплений в Инкермане, А. А. Сермуль сообщил о положении дел на советско-германском фронте. Он впоследствии отмечал, что «словак чрезвычайно заинтересовался, несколько раз переспрашивал название городов. Он говорил, что наши сообщения резко расходятся с тем, что печатается в немецких сводках». Партизанские разведчики, разумеется, только посмеялись над его словами. На вопрос, откуда они узнали эту информацию, словак получил ответ, что информацию передал некий человек, который был на строительстве оборонительных укреплений.

¹ ГА РК. Ф. Р-5026. Оп. 1. Д. 23. Л. 12.

² ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 49. Л. 63.

Один из руководителей Сакской подпольно-патриотической организации К. Г. Петриченко установил контакты и проводил агитационную работу в среде словацких военнослужащих «Рыхлой» («Быстрой») дивизии, которая была расквартирована в Саках весной 1943 г. Согласно данным из архивного отдела администрации г. Саки у словаков по прибытии с первого же дня не заладились отношения с местной оккупационной администрацией. Они вступили в конфликт с начальником полиции Л. М. Сусловым и его помощником А. И. Таранцом¹.

Произошла массовая драка, вследствие чего вышеуказанные лица были сильно избиты. Подпольщики воспользовались этими разногласиями и развернули пропагандистскую работу в среде словацких военнослужащих. Агитационные материалы попали в артиллерийскую часть, а несколько позднее – и в лётную. Уже 16 июля 1943 г., как вспоминал К. Г. Петриченко, «словацкие лётчики» поднимали тост за скорейшую победу над нацистской Германией². Однако на предложение К. Г. Петриченко и его товарищей о переходе на сторону Красной Армии или в партизаны словаки отвечали категорическим отказом. За их дезертирство из военных частей нацисты могли арестовать их семьи. Но они саботировали приказы гитлеровцев, говоря: «Когда мы сбрасываем бомбы, мы стремимся так сбросить, чтобы не причинить ущерба и где развивается наш флаг, русские нас не бомбят»³. С помощью словаков подпольщики группы К. Г. Петриченко захватили существенные трофеи: 2 винтовки, 3 гранаты и 1 бинокль.

В Ак-Шейхском (ныне Раздольненском районе Республики Крым) устная агитация была развёрнута среди работников ВИКО (сельскохозяйственная ар-

тель, созданная фашистами для реквизиции продовольствия и отправки его в Третий Рейх). Им удалось полностью взять под контроль эту организацию и использовать её материальные резервы. Так, в 1943 г. подпольщики, воспользовавшись тракторами МТС, вспахали десятки гектаров земли, распределяя её для местных рабочих под огороды. Так было завоёвано доверие. И зёрна проведённой агитации попали в благодатную почву. Если бывших красноармейцев гитлеровцы вызывали повестками, то прежде чем явиться на биржу или к коменданту, они шли к А. М. Михайлову, руководителю Ак-Шейхского подполья. Тот проводил с ними агитационную работу – много беседовал, вдохновлял, после чего направлял к партизанам. В случае если идти к партизанам было крайне опасно, А. М. Михайлов советовал укрываться в котловинах в степи у близлежащих деревень⁴.

Печатная агитация и пропаганда подпольщиков Крыма в годы Великой Отечественной войны

В распространении агитматериалов партизаны и подпольщики прибегали к самым разнообразным методам. Так, Е. Ф. Баженова, член подпольно-патриотической группы В. К. Ефремова, действовавшей с сентября 1943 г. на железнодорожной станции Симферополь, распространяла листовки на немецком и русском языках среди гитлеровских войск, передвигавшихся через станцию⁵.

В ноябре 1943 г. борьбу симферопольских подпольщиков возглавил созданный Крымским обкомом ВКП(б) подпольный горком ВКП(б), руководителями которого стали И. А. Козлов, А. Н. Косухин и Е. Л. Лазарева⁶. Но ещё с июля 1943 г.

¹ Архивный отдел (муниципальный архив) Администрации города Саки Республики Крым (далее – АО АГС). Ф. 27. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ГА РК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 273. Л. 5.

⁵ Руденко Н. Н. Слово правды в борьбе с фашизмом. Пропагандистская деятельность политорганов Красной армии среди войск противника на территории СССР 1941–1944. К.: Наукова думка, 1980. С. 83.

⁶ Там же.

А. Н. Косухин и Б. И. Хохлов наладили работу подпольной типографии. Шрифт и другие необходимые инструменты и материалы для её работы достали типографские рабочие И. Нечипас и Н. Решетов. Позже молодые подпольщики получили с Большой земли портативную типографию.

8 июля 1943 г. в свет была выпущена первая листовка СПО тиражом в 200 экземпляров. Всего СПО за всё время своей деятельности (май 1943 г. – апрель 1944 г.) отпечатала в своей типографии 20 листовок общим тиражом более 10 тыс. экземпляров¹. Эти листовки носили название «Вести с Родины», подписаны они были коротко – СПО. Сведения, которые там содержались, включали в себя информацию, почерпнутую из сводок Совинформбюро, о положении на фронте и в глубоком тылу Советского Союза, поздравления к 25-летию ВЛКСМ под названием «К молодёжи Крыма» и с 1 января 1944 г. «С Новым годом, товарищи!»².

В большом количестве печатная продукция приходила самолётами с Большой земли. Так же была отправлена переносная типография для изготовления пропагандистской литературы прямо в партизанском лесу. Партийный подпольный центр и пропагандистская группа Главного политуправления Красной Армии уже с ноября 1943 г. находилась при партизанах Крыма³.

В Севастополе подпольная работа была налажена после побега из немецкого плена В. Д. Ревякиным. Он организовал группу, в которую вошли: Анзин, Пахомов, Пименов (бежавшие из плена), Лопачук, Попандопуло, Балашов, Колганов, Белоконь и другие. В марте 1943 г. эта подпольная группа стала называться

«Коммунистическая подпольная организация в тылу немцев» (КПОВТН).

Патриоты надеялись с помощью агитационно-пропагандистской работы организовать вооружённое восстание в Севастополе. Подпольщики поставили перед собой задачу: «Путём регулярного выпуска политлисток добиться полного привлечения всего населения на сторону подпольной организации, вооружить её ещё большей ненавистью к немецким захватчикам с тем, чтобы к моменту прихода Красной Армии в Крым выступить организованным путём вместе с населением на разгром мирового паразита и тем самым облегчить освобождение Севастополя»⁴.

Первые листовки писали от руки на листах ученических тетрадей по 25–30 экземпляров и распространяли среди знакомых жителей оккупированного Севастополя и военнопленных.

Немного позднее подпольщики обнаружили в развалинах одного из домов 2 старые печатные машинки, собрали из двух одну и стали печатать листовки под копирку, выпуская таким образом аж по 100 экземпляров. Как подчёркивали исследователи И. П. Кондранов и И. П. Широков: «Они [листовки] разоблачали наглую ложь фашистской пропаганды, укрепляли у советских людей дух сопротивления»⁵. Кроме того, специальные листовки печатались для советских военнопленных. Особое внимание уделялось агитации среди молодёжи. Пропагандистская работа распространялась даже на офицеров и солдат вражеской армий. Всего, по подсчётам И. П. Кондранова и В. Широкова, было напечатано 36 таких листовок⁶.

В мае 1943 г. Г. П. Гузов, бывший студент Севастопольского техникума, начал редактировать нелегальную газету КПОВТН «За Родину». Рядом с домом,

¹ Кондранов И. Антифашистское подполье // Крымская правда. 1984. № 199 (18314). 29 августа. С. 3; ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.

² Кондранов И. Антифашистское подполье // Крымская правда. 1984. 29 августа. С. 3.

³ Там же.

⁴ Кондранов И., Широков В. В строю живых // Крымская правда. 1965. 16 мая. С. 3.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

где жил В. Д. Ревякин, был оборудован специальный погреб (Лабораторное шоссе, 46). Руководитель подпольной группы советских военнопленных Н. М. Терещенко поручает подпольщице Е. В. Висикирской перенести ранее приобретённый шрифт для подпольной типографии к В. Д. Ревякину. Что было исполнено вечером 8 ноября 1943 г.¹. «Это было большой помощью, т. к. шрифта не хватало», – вспоминала Е. В. Висикирская².

Подпольная типография была оборудована в подвале. Работать там приходилось на корточках, т. к. высота помещения была всего 1,5 м, а длина – 2,5 м³. Газета «За Родину» состояла из 2 разделов. Один раздел был посвящён злободневным вопросам жизни в Крыму в условиях «нового мирового порядка», а другой – сообщал о жизни на Большой земле, давал краткое изложение сводок Совинформбюро. Для жителей оккупированного Севастополя выпуск газеты «За Родину» был глотком свежего воздуха.

И. П. Кондранов и В. Широков отмечают, что «огромное мобилизующее значение имели праздничные номера газеты»⁴. Подпольщики весьма активно и продуктивно использовали радио. Оно позволило принимать сводки Совинформбюро. Радиоприёмник подпольщики выкрали из кабинета дежурного по железнодорожной станции⁵. Интересно, что нацистские спецслужбы с ног сбились, чтобы раскрыть месторасположение подпольной типографии: обещали награду в 50 тыс. рублей, полное обеспечение продовольствием и вывоз в нацистскую Германию, но так и не смогли её обнаружить⁶.

К сожалению, СД г. Севастополя удалось напасть на след КПОВТН. Первыми были арестованы П. Д. Сильников, его су-

пруга и члены его группы⁷. 11–14 апреля 1944 г. гитлеровцы расстреляли остальных подпольщиков. Л. Н. Нефедову-Ревякину нацисты вытащили из роддома и расстреляли вместе со всеми. В. Д. Ревякина палачи долго мучили и закопали в землю живым. Удалось бежать лишь подпольщику Балашову⁸.

Агитационно-пропагандистская работа велась активно и в Ялте. Её организовал руководитель ялтинского подполья А. И. Казанцев.

До начала Великой Отечественной войны он был рабочим-слесарем-электриком, в дальнейшем – командиром Красной Армии. Война вынудила его стать редактором, наборщиком и корректором подпольной типографии. При этом, как он сам пишет в своих воспоминаниях, хранящихся в Государственном архиве Республике Крым: «...долг службы заставил взяться за это дело и отдаться этому делу со всем своим вниманием, со всем своим энтузиазмом, понимая его важность, его политическое значение»⁹.

По словам А. И. Казанцева, чисто случайно был обнаружен типографский шрифт у одного из товарищей по подпольной группе, который тот думал переплавить и перелить в свинец. Эта находка дала возможность вскоре оборудовать печатный станок наборной доской и наладить регулярный выпуск пропагандистской литературы. Подпольная типография получилась очень удобной: требовалось не более полминуты, чтобы её замаскировать в случае появления полиции либо немецких спецслужб.

Типографский станок Ялтинской подпольной организации, возглавляемой А. И. Казанцевым, представлял собой конструкцию по его словам: «...более примитивную, чем ту, которой 4 века пользовался Иван Фёдоров»¹⁰. Вместо

¹ ГА РК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 31. Л. 6.

² Там же.

³ Кондранов И., Широков В. В строю живых // Крымская правда. 1965. 16 мая. № 103 (12336). С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 169. Л. 3.

¹⁰ Казанцев А. В борьбе // Крымская правда. 1963. 22 декабря. Ч. 1. С. 4.

бумаги подпольщики использовали светомаскировочные шторы. Краской служила тушь. Со шрифтами у патриотов была настоящая проблема: не хватало многих букв, например, «о», поэтому ту пришлось делать из литер «с» и «н». Много хлопот доставил ялтинцам и заголовок. Шрифт, который у них имелся был мелким. «А какая же газета без заголовка? Вида не будет иметь, не солидно получится», – совершенно резонно досадовал в своём интервью в 1963 г. газете «Крымская правда» А. И. Казанцев¹. Выход из сложившейся ситуации нашли: был найден подходящий дубовый брусок², на котором несколько дней подряд подпольщики вырезали ножом заголовок «Крымская правда», – именно так они решили назвать газету. Интересно, что после окончания Великой Отечественной войны областная газета «Красный Крым» была переименована именно так, как предложили в 1943 г. подпольщики во главе с А. И. Казанцевым. Он сам лично печатался в газете под псевдонимом «Южный»³.

Передовые статьи газеты «Крымская правда» рассказывали новости с Большой земли. Редколлегия черпала информацию из радиопередач. Радио А. И. Казанцев слушал почти ежедневно.

Первый номер подпольной «Крымской правды» вышел в свет 6 июля 1943 г.⁴. Газету расклеили на видных местах на центральных улицах. В передовой статье газеты подпольщики опубликовали материалы, которые:

1. разоблачали планы немецкого комендования;

2. противодействовали гитлеровской пропаганде и призывали саботировать призывы к молодёжи добровольно ехать на работы в нацистскую Германию;

3. требовали от крымской молодёжи оставаться в Крыму и «создать все необходимые условия для уничтожения врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все мероприятия»⁵.

Выпущенный свежий номер «Крымской правды» в срочном порядке направляли в Симферополь и по всему южному берегу Крыма. Только через 3-4 дня её раздавали и расклеивали в Ялте. Полиция находила номера газеты «Крымская правда» сначала в Симферополе, Севастополе, Алусте, а затем уже в Ялте, которую якобы завезли туда⁶. Однако, несмотря на все усилия А. И. Казанцева и его соратников, тщательность соблюдения конспирации при распространении газеты была нарушена, «...неопытность некоторых товарищей помогла полиции раскрыть, что типография находится в Ялте, и редактор «Южный» также пребывает здесь»⁷. Ситуация усугубилась, когда утром в комендатуре на столе под стеклом немецкий комендант Ялты обнаружил экземпляр газеты «Крымская правда». Усилились надзоры и обыски полиции, это привело к тому, что держать типографию в одном и том же месте стало опасно. Поэтому было принято решение унести типографию в горы, где она далее и продолжила свою работу⁸.

Особый интерес представляет номер «Крымской правды» от 9 октября 1943 г., хранящийся в фондах Центра развития творчества детей и юношества г. Ялты (МБУДО ЦРТДЮ)⁹, в котором разме-

⁵ ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 169. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же; Казанцев А. В борьбе // Крымская правда. 1963. 24 декабря. Ч. 2. С. 4.

⁹ Фонды Музея боевой славы Муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Центр развития творчества детей и юношества» Муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым (далее – МБУДО ЦРТДЮ). Ф. 1. Д. 2. Мемориальный альбом памятников установленным на местах захоронений погибших и умерших партизан и подпольщиков Ялты периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Л. 28.

¹ Казанцев А. В борьбе // Крымская правда. 1963. 22 декабря. Ч. 1. С. 4.

² ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 169. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Казанцев А. В борьбе // Крымская правда. 1963. 22 декабря. Ч. 1. С. 4; ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 169. Л. 4.

щён фельетон с характерным названием «Блицкрик», авторства некого В. Августовского:

– *Дальше!..*

– *Дальше, в Ленинграде,
Был я, дескать, на параде,
Всюду музыка и смех...*

Крякнул фюрер:

– *Обербредх!*

*О блицкриге бреешь мало,
Ври, что немцы за Уралом,
Рад стараться! – гаркнул Геббельс. –
Всё в исправности, фельдфебель-с! –
День и ночь из микрофонов,
Сто горластых солдафонов.
Будь спокоен за блицкриг:
Будет БЛИЦ и будет КРИК.*

Рядом карикатура, где А. Гитлеру министр пропаганды Г. Геббельс читает газету, повествующую о победах Германии на Восточном фронте. Оба изображены в виде монстров с **человечьими** головами и туловищами животных.

Из представленного отрывка можно заключить, что подпольщики хотели донести до населения Крыма известия о сокрушительном поражении гитлеровцев на советско-германском фронте и о близящемся приходе Красной Армии и освобождении Крымской земли от гитлеровских захватчиков. В форме стихотворений-фельетонов и карикатурных изображений они показывали агонию нацистского режима и его неспособность скрыть правду о реальном состоянии дел не только для жителей оккупированных советских территорий, но и собственно немецкого населения.

Агитационно-пропагандистская работа подпольных организаций и групп Крымского полуострова. Способы её ведения

Важное место в работе обкома ВКП(б) с населением занимало распространение периодической печати. Главной целью создания листовок было донести до людей Крыма правду о действиях Красной Армии и о мероприятиях Советского

правительства по восстановлению разрушенного нацистскими оккупантами хозяйства в освобождённых районах. За весь период гитлеровской оккупации в Крыму было распространено 5 356 048 экз. газет, книг и листовок¹. Два раза в неделю для населения оккупированного Крыма выпускались специальные номера газеты «Красный Крым», которые с аэродромов Кубани переправляли на Крымский полуостров. В партизанских типографиях печатались газеты «Крымский партизан», «За Советский Крым»².

Так, номер газеты «Красный Крым» от 23 августа 1943 г. был посвящён разгрому немецкой танковой армады в Курской битве. Отмечалось, что части Красной Армии измотали немецкие войска и нанесли мощный ответный контрудар. Авторы указывали, что с 5 июля по 20 августа 1943 г. нацисты потеряли убитыми свыше 300 000 солдат и офицеров, вывели из строя не менее 10 000. Подчёркивалось, что «доблестная Красная Армия этим летом взяла инициативу в свои руки, ликвидировав наступление немцев, она сама перешла в наступление»³.

Идеологическая борьба с противником была организована отделами пропаганды Красной Армии не только в зоне боевых действий, но и в глубоком тылу противника. Для такой работы в среде подпольщиков и советских агентов были подобраны агитаторы. Именно на них лёг весь груз ответственности за умы и сердца на территории Крыма. Агитационные материалы выходили в свет не только на немецком, но и на румынском, словацком, чешском и венгерском языках. Так, соблюдался принцип конкретности. Подаваемая информация была дифференцированной, т. е. для каждой группы

¹ Очерки истории Крымской областной партийной организации / отв. ред. Н. В. Багров и др. Симферополь: Таврия, 1981. С. 206.

² Там же.

³ Огромные потери немцев // За Советский Крым. 1943. 22 августа. С. 1; Наступление продолжается // За Советский Крым. 1943. 22 августа. С. 1 // ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 160. Л. 1.

оккупантов своя. Помимо листовок, распространялись газеты. Огромное место занимала устная агитация, поэтому человек, её проводивший, должен был вызывать безапелляционное доверие¹. Там, где была такая возможность, использовали радио.

В номере «Красного Крыма» от 6 августа 1943 г. давалась подробная инструкция, как слушать радиопередачи:

- на татарском языке в 6 часов утра и в 6 часов вечера на волне 48, 15 м; в 11 часов вечера на волнах 48, 15 и 437, 3 м;
- на русском языке обычные передачи из Москвы в 6, 7 и 8 часов утра, в 12, 2 и 4 часа дня, в 7 и 10.30 часов вечера.

Уточнялось, что время трансляции передач соответствовало московскому времени².

Детальная схема по организации саботажа давалась на страницах «Красного Крыма» от 17 августа 1943 г. Согласно номеру этой газеты крымские крестьяне должны были противодействовать оккупантам:

- прятать хлеб в отдалённых потайных базах;
- всячески препятствовать вывозу хлеба в нацистскую Германию, для чего Крымский обком ВКП(б) призывал взорвать транспортные локомотивы;
- уничтожать амбары, склады и элеваторы с зерном, принадлежавшие гитлеровским захватчикам;
- травить хлеб в бунтах и на перевалках.

Завершалась статья призывом: «Лучше уничтожить хлеб, но пусть ни крошки, ни зернышка не останется проклятому фрицу! Пусть подохнут с голоду немецкие бандиты!»³.

В другом номере от 20 августа 1943 г. в статье с громким названием «Крымские

сады и виноградники – не для немцев!» звучал чёткий призыв Крымского обкома ВКП(б) для крестьян к борьбе:

- препятствовать вывозу фруктов и урожая винограда в Германию;
- пускать под откос поезда, разбивать автомашины, уничтожать продовольственные склады, принадлежавшие немцам и румынам;
- укрывать от нацистов урожай фруктов и винограда;
- передавать спрятанный урожай фруктов и винограда крымским партизанам.

Далее в газете подводился итог, зачем нужно проводить вышеуказанные мероприятия: «Фашистские разбойники хотят вывезти в свою чёрную Германию все фрукты, весь виноград. Вы трудились целый год, а урожай достанется проклятым фрицам! При Советской власти колхозников спекультурных районов государство обеспечивало хлебом, промтоварами. А сейчас фашисты у вас все заберут, и вы будете голодать. Таков уж немецкий «новый порядок»⁴.

Особо следует отметить борьбу Крымского обкома ВКП(б) против создания коллаборационистских формирований на территории полуострова. В номере «Красного Крыма» от 27 августа 1943 г. повествовалось о том, как срывалась мобилизация в ряды Русской Освободительной Армии (РОА) генерал-лейтенанта А. А. Власова. В частности, жители Симферополя под влиянием подпольно-партизанской агитации срывали мобилизацию в РОА следующим образом⁵:

- никто добровольно не шёл на вербовочные пункты;
- когда немцы стали вызывать жителей крымской столицы на бюро труда с целью их дальнейшей принудительной отправки в РОА, симферопольцы перестали туда являться;

¹ Там же. С. 75.

² Жители Крыма! Слушайте наши Радиопередачи ежедневно... // Красный Крым. 1943. 6 августа. № 33 (5745). С. 2.

³ Ни крошки хлеба, ни одного зерна гитлеровцам! // Красный Крым. 17 августа. 1943. № 35 (5747). С. 1.

⁴ Крымские сады и виноградники – не для немцев! // Красный Крым. 1943. 20 августа. № 36. С. 1.

⁵ Крым не покорен! Близок час нашей победы! // Красный Крым. 1943. № 37. С. 2.

– перестали ночевать дома, т. к. немцы начали устраивать ночные облавы по домам и квартирам в Симферополе;

– уклонялись от т. н. «комиссии для осмотра». В «комиссиях» было собрано более чем 5.000 паспортов с мобилизационными предписаниями, их владельцы тщательно укрывались от вербовщиков.

В итоге, в РОА, как свидетельствует заметка, добровольно записалось всего 10–12 человек вместо 5. 000¹.

А уже в номере за 21 сентября 1943 г. «добровольцам» прямо говорилось следующее: «Немцы обманули вас, они заставили вас воевать против Родины, служить чуждым вам интересам фашистов, Вы совершили величайшее преступление перед Родиной. Есть ещё время одуматься! Только активной борьбой против гитлеровских мерзавцев вы можете заслужить прощение и пощаду народа. Скоро конец немцам! Красная Армия освободила от фашистских разбойников Харьков, Сталино, Таганрог, Новороссийск, Мариуполь, многие другие города и тысячи населённых пунктов. Советские войска подходят к Днепру, приближаются к берегам Крыма. Близок час, когда солнечный Крым будет освобождён от немецких оккупантов! «Доброволец»! Подними оружие против проклятого немца! Бей беспощадно фашистов! Только этим ты заслужишь прощение и пощаду народа! Смерть немецким захватчикам!»².

Интересна публикация в газете «За Советский Крым» под названием «Не идите в РОА!» от 23 августа 1943 г.³ В ней, в частности, указывалось, что в ходе Великой Отечественной войны наступил коренной перелом. Лагерь гитлеровцев и их сателлитов переживает серьёзный политический кризис, т. к. нацисты боятся очутиться «...перед фактом истощения

людских резервов». Далее говорилось, что, испытывая серьёзные проблемы с пополнением личного состава, гитлеровцы объявили «тотальную мобилизацию». Редколлегия газеты «За Советский Крым» особо подчёркивала имена коллаборационистов, ставших на путь сотрудничества с правительством гитлеровской Германии: помимо самого генерал-лейтенанта А. А. Власова, назывались персоналии полковника В. И. Мальцева и некоего Гусева, которые непосредственно занимались вербовкой в ряды РОА, в т. ч. и на территории Крыма. Чтобы противодействовать привлечению населения Крыма в ряды РОА редколлегия газеты «За Советский Крым» советовала следующее:

1. «не верить гитлеровской пропаганде и не записываться в "освободительную" армию господ Власовых»;

2. вступать в ряды массового организованного отпора немцам;

3. «разоблачать предателей и изменников Родины, разжигать всенародную жгучую ненависть к ним»;

4. уходить в ряды партизанских формирований Крыма, при этом «беспощадно уничтожать гитлеровских разбойников».

Как видим, здесь советская пропагандистская печать делала упор на крупных поражениях гитлеровской Германии, изображая тем самым нацистов либо уже поверженным, либо близкими к полному краху.

Заключение

В годы Великой Отечественной войны на территории Крыма была развёрнута активная агитационно-пропагандистская работа в городах и селах. С её помощью подпольщикам Крыма удалось воздействовать не только на гражданское население, но и на воинские контингенты сателлитов нацистской Германии – словаков и румын. Люди, находясь на оккупированной территории полуострова, имели реальное представление о положении на советско-германском фронте и в

¹ Там же.

² «Добровольцы!» Люди, обманом втянутые в так называемую «Русскую освободительную армию» (РОА)! // Красный Крым. 1943. № 44. С. 2.

³ Не идите в «РОА»! // За Советский Крым. 1943. 22 августа. С. 2 (ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 160. Л. 1 об.).

советском тылу, о преступлениях гитлеровских захватчиков, росте антифашистской борьбы и о многих других событиях. Патриотам Крыма удалось сломать навязываемые немецкой пропагандой стереотипы, способы воздействия на местное

население, тем самым сорвав их планы, и в конечном итоге подготовить условия для освобождения полуострова в апреле–мае 1944 г.

Дата поступления в редакцию 17.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Битва за Крым 1941–1944 гг. / А. Исаев, Н. Глухарев, О. Романько, Д. Хазанов М.: Эксмо, Яуза, 2016. 896 с.
2. Бобков В. В., Довгелъ Н. В. ...Исполнив роли главные свои. История театральной подпольно-патриотической группы «Сокол». Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024. 352 с.
3. Брошеван В. М., Гаршина Е. В. Правда о Валентине Гаршине и его группе в подполье Симферополя. 1943–1944 гг. Симферополь: ООО «Тарпан», 2017. 102 с.
4. Брошеван В. М. Не вернулся из глубокой разведки: историко-документальное исследование судьбы Виктора Коробкова из города Феодосии – подпольщика и партизана в годы Великой Отечественной войны. Симферополь: Тарпан, 2020. 159 с.
5. Брошеван В. М., Гаршина Е. В. Молодая гвардия Симферополя, 1943–1944 гг. М.: ПТ-Принт, 2023. 326 с.
6. Константинов В. А., Кизилов М. Б., Бобков В. В. «Красный». История нацистского лагеря смерти. Симферополь. Крым. 1941–1944. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. 412 с.
7. Кохан А. А. Структура и функционирование органов германской пропаганды в Крыму: 1941–1944 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. 393 с.
8. Махалова И. А. Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации (1941–1944 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 277 с.
9. Мельничук Е. Б. Партизанское движение в Крыму. «Накануне». Кн. 1. Львов: Гриф Фонд, 2008. 163 с.
10. Пашеня В. Н., Пашеня Е. В. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.). Симферополь: ДИАИПИ, 2009. 376 с.
11. Поляков В. Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. Симферополь: АРИАЛ, 2013. 488 с.
12. Поляков В. Е. Партизанское движение в Крыму в годы Великой Отечественной войны // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2016. Вып. 2. С. 88–100.
13. Поляков В. Е. Партизаны и деньги: финансирование и продовольственное снабжение партизанского движения в Крыму (1941–1944 годы) // Новый исторический вестник. 2020. № 1. С. 6–23.
14. Романько О. В. Крым в период нацистской оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014. 414 с.
15. Романько О. В. Боевое применение крымско-татарских коллаборационистских формирований в составе силовых структур нацистской Германии (1941–1944) // Мусульманский мир. 2016. № 2. С. 6–20.
16. Романько О. В. Нацистская пропаганда в оккупированном Крыму (1942–1944): органы и формы деятельности // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5. С. 11–16.
17. Романько О. В. Тюркско-кавказские добровольцы в войсках СС на завершающем этапе Второй мировой войны (ноябрь 1943 – май 1945 гг.) // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2016. Вып. 2. С. 125–138.
18. Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации (1941–1944). Органы управления, их структуры и функции // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 4. С. 54–68.
19. Романько О. В. Религиозная ситуация на территории Крыма в период нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 3. С. 68–82.

20. Романько О. В. Военный коллаборационизм и нацистская печатная пропаганда на территории Крыма в 1941–1944 гг. (по материалам газеты «Голос Крыма») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 130–139.
21. Романько О. В., Бутовский А. Ю., Ткаченко С. Н. «Ахтунг партизанен». Антипартизанская борьба на Крымском полуострове 1941–1944 гг. М.: Вече, 2021. 560 с.
22. Ткаченко С. Н. Морские десанты в Крым. Авиационное обеспечение действий советских войск. 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2015. 415 с.
23. Ткаченко С. Н., Терехов С. А., Бутовский А. Ю. «По линии 4-го от отдела...». Чекисты в подпольно-партизанском движении Крыма (1941–1944 гг.). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 408 с.
24. Ткаченко С. Н., Терехов С. А., Бутовский А. Ю. Органы государственной безопасности в партизанско-подпольном движении Крыма в 1941–1944 годах: пособие. Симферополь, 2019. 132 с.
25. Ткаченко С. Н. Проблемы истории партизанского движения в Крыму в 1941–1944 гг. Симферополь, 2019. 348 с.
26. Ткаченко С. Н., Терехов С. А., Бутовский А. Ю. «Создать невыносимые условия для оккупантов»: движение сопротивления в Крыму в годы Великой Отечественной войны. М.: Родина, 2021. 512 с.
27. Ткаченко С. Н. Движение сопротивления оккупантам на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны. Военно-исторический очерк. Симферополь, 2023. 180 с.
28. Ткаченко С. Н., Верешков И. Н. Победа и трагедия: Старый Крым, Апрель, 1944 года: известные факты и новейшие данные. Симферополь: АНТИКВА, 2023. 105 с.
29. Ткаченко С. Н. Выжившие и победившие. Действия разведывательно-диверсионных групп НКВД и отрядов крымских партизан в феврале – апреле 1943 года. Симферополь, 2024. 100 с.

REFERENCES

1. Isaev A., Glukharev N., Romanko O., Khazanov D. *Bitva za Krym 1941–1944 gg.* [The Battle for Crimea 1941–1944]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2016. 896 p.
2. Bobkov V. V., Dovgel N. V. ... *Ispolniv rol glavnykh svoikh. Istoriya teatralnoy podpolno-patrioticheskoy gruppy «Sokol»* [... Having played their main roles. The history of the underground patriotic theater group "Sokol"]. Simferopol, IT "ARIAL" Publ., 2024. 352 p.
3. Broshevan V. M., Garshina E. V. *Pravda o Valentine Garshine i yego gruppe v podpolye Simferopolya. 1943–1944 gg.* [The truth about Valentin Garshin and his group in the underground of Simferopol. 1943–1944]. Simferopol, ООО "Tarpan" Publ., 2017. 102 p.
4. Broshevan V. M. *Ne vernulis iz glubinnoy razvedki: istoriko-dokumentalnoye issledovaniye sudby Viktor Korobkovoy iz goroda Feodosii – podpolshchika i partizana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Did not return from deep reconnaissance: a historical and documentary study of the fate of Viktor Korobkov from the city of Feodosia – an underground fighter and partisan during the Great Patriotic War]. Simferopol, Tarpan Publ., 2020. 159 p.
5. Broshevan V. M., Garshina E. V. *Molodaya gvardiya Simferopolya, 1943–1944 gg.* [Young Guard of Simferopol, 1943–1944]. Moscow, PT-Print Publ., 2023. 326 p.
6. Konstantinov V. A., Kizilov M. B., Bobkov V. V. «Krasnyy». *Istoriya smerti natsistskogo lagerya. Simferopol. Krym. 1941–1944* ["Red". History of the Nazi death camp. Simferopol. Crimea. 1941–1944]. Simferopol, IT "ARIAL" Publ., 2021. 412 p.
7. Kokhan A. A. *Struktura i funktsionirovaniye organov germanskoy propagandy v Krymu: 1941–1944 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Structure and functioning of German propaganda organs in Crimea: 1941–1944: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. St. Petersburg, 2019. 393 p.
8. Makhalova I. A. *Kollaboratsionizm v Krymu v period natsistskoy okkupatsii (1941–1944 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Collaborationism in Crimea during the Nazi occupation (1941–1944): Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2020. 277 p.
9. Melnichuk E. B. *Partizanskoye dvizheniye v Krymu. «Nakanune». Kn. 1* [Partisan movement in Crimea. "On the Eve". Book 1]. Lviv, Grif Fond Publ., 2008. 163 p.
10. Paschenya V. N., Paschenya E. V. *Krymskaya SSR v gody II Mirovoy voyny (1939–1945 gg.)* [Crimean ASSR during the Second World War (1939–1945)]. Simferopol, DIAIPI Publ., 2009. 376 p.

11. Polyakov V. E. *Partizanskoye dvizheniye v Krymu 1941–1944 gg.* [Partisan movement in Crimea 1941–1944]. Simferopol, ARIAL Publ., 2013. 488 p.
12. Polyakov V. E. [Partisan movement in Crimea during the Great Patriotic War]. In: *Vestnik SPbGU. Seriya 2* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2], 2016, iss. 2, pp. 88–100.
13. Polyakov V. E. [Partisans and money: financing and food supply of the partisan movement in Crimea (1941–1944)]. In: *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Bulletin], 2020, no. 1, pp. 6–23.
14. Romanko O. V. *Krym v period natsistskoy okkupatsii. Natsionalnyye otnosheniya, kollaboratsionizm i partizanskoye dvizheniye. 1941–1944* [Crimea during the Nazi occupation. National relations, collaborationism and partisan movement. 1941–1944]. Moscow, Centerpoligraf Publ., 2014. 414 p.
15. Romanko O. V. [Combat use of Crimean Tatar collaborationist formations as part of the security forces of Nazi Germany (1941–1944)]. In: *Musul'manskiy mir* [Muslim World], 2016, no. 2, pp. 6–20.
16. Romanko O. V. [Nazi propaganda in occupied Crimea (1942–1944): bodies and forms of activity]. In: *Uchonyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2015, no. 5, pp. 11–16.
17. Romanko O. V. [Turkic-Caucasian volunteers in the SS troops at the final stage of World War II (November 1943 – May 1945)]. In: *Vestnik SPbGU. Seriya 2* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2], 2016, iss. 2, pp. 125–138.
18. Romanko O. V. [Crimea during the German occupation (1941–1944). Governing bodies, their structures and functions]. In: *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh nauchnykh issledovaniy* [Journal of Russian and East European Historical Studies], 2017, no. 4, pp. 54–68.
19. Romanko O. V. [Religious situation in Crimea during the Nazi occupation (1941–1944)]. In: *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Russian and East European Historical Studies], 2018, no. 3, pp. 68–82.
20. Romanko O. V. [Military collaborationism and Nazi printed propaganda in Crimea in 1941–1944 (based on the materials of the Voice of Crimea newspaper)]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 1, pp. 130–139.
21. Romanko O. V., Butovsky A. Yu., Tkachenko S. N. «Achtung partizanen». *Antipartizanskaya bor'ba na Krymskom poluostrove 1941–1944 gg.* ["Achtung partisanen". Anti-partisan struggle on the Crimean Peninsula 1941–1944]. Moscow, Veche Publ., 2021. 560 p.
22. Tkachenko S. N. *Morskiye desanty v Krymu. Aviationsnnoye obespecheniye deystviy sovetskikh voysk. 1941–1942* [Naval landings in Crimea. Aviation support for the actions of Soviet troops. 1941–1942]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015. 415 p.
23. Tkachenko S. N., Terekhov S. A., Butovsky A. Yu. «Po linii 4-go ot otdela...». *Chekisty v podpolno-partizanskom dvizhenii Kryma (1941–1944 gg.)* ["Along the line of the 4th from the department...". Chekists in the underground partisan movement of Crimea (1941–1944)]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2018. 408 p.
24. Tkachenko S. N., Terekhov S. A., Butovsky A. Yu. *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti v partizansko-podpol'nom dvizhenii Kryma v 1941–1944 godak* [State security agencies in the partisan and underground movement of Crimea in 1941–1944]. Simferopol, 2019. 132 p.
25. Tkachenko S. N. *Problemy istorii partizanskogo dvizheniya v Krymu v 1941–1944 gg.* [Problems of the history of the partisan movement in Crimea in 1941–1944]. Simferopol, 2019. 348 p.
26. Tkachenko S. N., Terekhov S. A., Butovsky A. Yu. «Sozdat nevyynosimyye usloviya dlya okkupantov»: *dvizheniye soprotivleniya v Krymu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* ["Create unbearable conditions for the occupiers": the resistance movement in Crimea during the Great Patriotic War]. Moscow, Rodina Publ., 2021. 512 p.
27. Tkachenko S. N. *Dvizheniye soprotivleniya okkupantam na territorii Kryma v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Voenno-istoricheskiy ocherk* [The resistance movement against the occupiers on the territory of Crimea during the Great Patriotic War. Military-historical essay]. Simferopol, 2023. 180 p.
28. Tkachenko S. N., Vereshkov I. N. *Pobeda i tragediya: Staryy Krym, Aprel, 1944 goda: otdelnyye fakty i noveyskiye dannyye* [Victory and tragedy: Stary Krym, April, 1944: known facts and the latest data]. Simferopol, ANTIKVA Publ., 2023. 105 p.

29. Tkachenko S. N. *Vyzhivshiye i pobedivshiye. Deystviya razvedyvatelno-diversionnykh grupp NKVD i otryadov krymskikh partizan v bolnitse – fakticheski 1943 goda* [Survivors and winners. Actions of reconnaissance and sabotage groups of the NKVD and detachments of Crimean partisans in February–April 1943]. Simferopol, 2024. 100 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Вячеслав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма;
e-mail: slavik1855@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav A. Ivanov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Social and Humanitarian Disciplines, Crimean University of Culture, Arts and Tourism;
e-mail: slavik1855@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иванов В. А. Агитация и пропаганда подпольщиков Крыма в годы Великой Отечественной войны // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 103–119.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-103-119

FOR CITATION

Ivanov V. A. Agitation and propaganda of the underground members of the Crimea during the Great Patriotic War. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 103–119.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-103-119

УДК 327.33

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-120-126

ИДЕИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Лескова И. В., Зязин С. Ю.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Обосновать принципы, определяющие осознание важности социально-государственного и духовного единства, предопределяемого ценностными ориентирами и мировоззрением российского общества на протяжении XX – начала XXI вв., а также оценить влияние на обоснование идеи государственного единства внешних и внутренних геополитических факторов.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели привлечены коммуникативный метод, дающий возможность обоснования идей и сопоставления их в различных ситуациях; междисциплинарный, позволяющий привлечь для исследования смежные науки; структурно-функциональный и системный подходы, благодаря первому раскрывается внутреннее устройство и деятельность различных социальных систем, а благодаря второму появляется возможность осуществить многосторонний анализ исследуемых объектов и явлений, а также т. н. «теория владения повесткой дня», представляющая собой «интеллектуальное доминирование в общественном пространстве».

Результаты. Изучена и доказана связь между идеей единства гражданского общества и стабильной эволюцией государства. Предложены решения и пути по обсуждению в обществе важности идеи государственно-социального единства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Бесспорно то, что решение вопросов формирования мировоззренческого единства общества может обеспечить государству стабильную эволюцию. Представленное исследование данного вопроса акцентирует внимание на возможных последствиях общественного дискурса по проблеме государственного единства.

Ключевые слова: государственное единство, общественный дискурс, позиции политических партий, общественные организации, эволюция идей государственности

THE IDEAS OF STATE UNITY IN THE PUBLIC DISCOURSE OF RUSSIA IN THE TWENTIETH AND EARLY TWENTY-FIRST CENTURIES

I. Leskova, S. Zyazin

Federal State University of Education

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To provide and justify principles that determine the importance of socio, national and intellectual unity, stipulated by values and world outlook of Russian society throughout the 20th and the early 21st centuries, and to evaluate the impact of external and internal geopolitical factors on the idea of state unity.

Methodology. To achieve this goal the author uses the communicative method, giving the grounds for various ideas and comparing them in different situations; interdisciplinary method, involving allied sciences in the research work; structural, functional and systemic approaches. Structural and functional approaches reveal the internal arrangement and activities of various social systems. The systemic approach allows to analyse comprehensively the studied objects and phenomena, as well as the so-called "theory of agenda control", which represents "intellectual dominance in the public space".

Results. Connection between the idea of the civil society unity and the state stable evolution is studied and proved. Solutions and directions in discussing the importance of the idea of state and social unity in society are proposed.

Research implications. No doubt that shaping ideological unity of society can ensure a stable evolution of the state. The study of this issue focuses on possible consequences of public discourse on the problem of state unity.

Keywords: State unity, public discourse, positions of political parties, public organizations, evolution of ideas of the state system

Введение

Стабильность современного государства должна базироваться на внутреннем единстве власти и общества, в противном случае его стабильность остаётся под вопросом, поскольку будет существовать опасность воздействия деструктивных сил.

В отечественной исследовательской литературе распространена территориальная трактовка единства государства и общества [1; 12; 13, с. 30]. Однако гораздо более убедительное значение имеет ментальное единство, базирующееся на осознании единых целей и задач, на ценностных общественных ориентирах, на едином видении и единой оценке мира, единстве социальных приоритетов, в существовании солидаризирующихся социальных элементов [7].

Эти подходы служат и должны служить бесспорной гарантией достижения консенсуса – важнейшего условия социальной консолидации, тогда как противоположный итог может обернуться ростом конфликтного потенциала, конфронтаций и кумулятивным эффектом «перманентно социальных нарастающих вызовов» [4, с. 5].

Таким образом, выработка позиции, включающей в себя процесс солидаризации государства и общества, выступает

едва ли не самой насущной проблемой России как в прошлом (Российская империя, Советский Союз), так и в настоящем времени (Российская Федерация) [4, с. 6].

В качестве объекта исследований выступали различные аспекты общественного дискурса вокруг идей государственно-социального единства [6, 8; 9], но не в полном объёме, а эпизодически, порой как своеобразный фон для других исследовательских проблем [10]. Необходимо сделать акцент на обсуждении идеи государственного единства как одной из главных, причём с учётом хронологических особенностей, ступеней эволюции российской государственности.

Цель исследования – получить представление об эволюции общественного дискурса вокруг идеи государственно-общественного единства в России в зависимости от особенностей проблемно-хронологического характера.

Задачи:

1. определить и обосновать основополагающие аспекты общественного дискурса по проблеме государственного единства;
2. изучить особенности общественного дискурса на различных этапах эволюции форм российской государственности;

3. дать оценку общественного дискурса по идее государственно-общественного единства.

Государственное единство и общественный дискурс

Что такое «общественный дискурс»? По сути, это совокупность различных позиций государственных и социальных акторов, которые порой недостаточно агрегированы, а отстаивающие их стороны порой не обладают равнозначными адекватными возможностями их обоснования и эволюции. Однако дискурс позволяет выделить важнейшие аспекты, обосновать определяющие моменты и подвести к удовлетворяющим различные слои общества обобщениям и выводам. Что, естественно, будет свидетельствовать о консолидации социума.

Главная задача общественного дискурса, идущего вокруг *идеи государственно-социального единства*, заключается в обосновании *оригинального* (или претендующего на таковой) *видения* по важнейшим аспектам и их публичному обсуждению. Результат последнего должен представлять собой итоговую повестку по выработке идеи государственного единства.

Но общественный дискурс – достаточно сложный и противоречивый процесс, предполагающий порой взаимоисключающие элементы. Из этого следует, что необходимо акцентировать внимание на базовых аспектах этого процесса, в частности, на хронологических этапах его эволюции, находившейся в прямой зависимости от исторической обусловленности существования той или иной формы государственного правления, от общественного мнения и уровня взаимодействия общества и власти.

Необходимо учитывать и тот факт, что и общественный дискурс вокруг идеи государственного единства порождается с появлением социальной реакции на актуальность идеи, хотя и характеризуется элементами спонтанности [5]. Однако

спонтанность – это, скорее, порождение общественного плюрализма, который уступает место профессионализму специалистов, способных направить дискурс по обоснованному «руслу».

Источниковой базой, дающей возможность получить достаточно объективное и полное представление об особенностях дискурса по изучаемой теме, могут выступать программные документы политических и общественных движений, в которых нашли отражение изменения содержательных форм ключевого концепта единство – смысловой сердцевины дискурса¹.

В отношении политико-правовой мысли древнерусского периода в целом следует отметить, что ценностную систему российской государственности данного этапа можно рассматривать в качестве ядра взглядов по поводу государственного единства. Национальное единство древнерусского государства зафиксировано в произведениях древнерусской литературы и искусства. Так, идея древнерусской общности показана в произведении «Слово о полку Игореве», а важность объединения русских сил автор «Слова» доказывает на примере неудачного похода Игоря Святославича против половцев весной 1185 г.² Также особое значение приобретают фольклорные памятники в виде былин, в которых русский народ воспевал идеалы правления Владимира Святославича, когда Древнерусское государство было целостным и процветающим.

Развитие идеи национальной идентичности в последующем нашло своё выражение в нормативных правовых актах,

¹ См.: Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа С. Ю. Витте. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001.

² См.: Идея древнерусского единства в государственном и этнокультурном развитии восточных славян в XII–XIII вв. [Электронный ресурс]. URL: <https://a-nevsky.ru/library/drevnerusskaya-gosudarstvennost57.html> (дата обращения: 10.12.2024).

сохраняя при этом основополагающую ценность для отечественной политической теории и практики.

Исторические особенности идей государственно-общественного единства в России являются *основополагающими* в выработке основных позиций дискурса [5]. Остановимся очень коротко на основных хронологических этапах.

В начале XX в. в период социально-экономического подъёма страны единство государства и общества рассматривалось как бесспорная политическая ценность и базировалось, прежде всего, на идее территориальной целостности, на унитарном характере государственности России [2, с. 14–17; 4, с. 50–52].

Параллельно с определением «единство» использовался и термин «единение». «Единство» страны – «единство» территории, государственного строя правового поля, национального хозяйства; «единение»¹.

Другими словами, «единство» и «единение» выступали своего рода синонимами в трактовке темы консолидации государства и общества – всё это свидетельствовало не только об общественном дискурсе как таковом, но и о существовании различных позиций в данном вопросе.

Но в последующем понятие «единство» вытеснило из общественного дискурса определение «единение». «Единство» стало трактоваться как «цельность».

В дискурсах советского периода истории России «единство» выступало как идеологема и означало «идеологическую сплочённость граждан» [11; 12, с. 69–70].

В конце XX в. в условиях деидеологизации общества и государства актуализировалось определение «консолидация» в значении определения и/или словосочетания «объединение» или «сплочение» [2]. Подобный подход отличался двояко-

стью как в характеристиках, так и в процессе его реализации на практике.

В начале XXI в. «консолидация» трактовалась как «укрепление, сплочение для усиления деятельности»².

В дискурсе первого десятилетия XXI в. единство выступает как чётко обоснованная формула: «Сильная Россия – Единая Россия» (В. В. Путин) [2, с. 14]. Только так страна может ответить вызовам извне и сплотить граждан для решения важнейших задач, направленных на отстаивание независимости, территориальных границ и собственных политических прав и интересов.

Сочетаемость возможности единства расширились, что дало возможность обогатить содержания определения. Единство связывалось с процессом сохранения единства территории и государственности, единство сочеталось с ветвями власти, в первую очередь, исполнительной; единство сочеталось с процессами, характеризующими состояние и эволюцию структурных элементов социальной системы; единство способствовало развитию отношений внутри общества, содержательное наполнение понятия «единства» расширилось: это и полное сходство духовной сферы общества; это и напряжение всех сил в едином порыве, исключительно собственных сил. Единство общества выступает неизменным условием решения задач, стоящих перед государством.

Заключение

Каждый исторический период в эволюции политического устройства Российского государства накладывал свой отпечаток на понимание и трактовку идеи «единства» государства и общества [3].

Только благодаря общественному дискурсу есть возможность прийти к консенсусу в вопросе о формах и методах

¹ Скляревская Г. Н. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. СПб.: Фолио-Пресс, 2000. 700 с.

² Скляревская Г. Н. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. СПб.: Фолио-Пресс, 2000. С. 325.

единства общества. Само единение об- суждению и дискуссиям не подлежит.

Идеологическая подоплёка всегда оставалась определяющей в процессе выработки и обосновании модели един- ства общества и власти. Что, в принципе, оправдано, т. к. государственные интере- сы остаются приоритетными.

Идея государственного единства вы- зревает не только перед лицом внешних и внутренних вызовов, но и в условиях стабильности эволюции страны, что сви- детельствует об устойчивости в обществе таких понятий, как память, националь- ная история, культура, традиции, вза- имопонимание между властью и обще- ством [8, с. 50].

Единство государства зачастую по- нималось как укрепление власти, тогда

как существование единого правового пространства на всей территории Рос- сийской Федерации отходило на второй план. Однако единое правовое простран- ство и укрепление власти – явления одно- го порядка и только способствуют упро- чению идеи социально-государственного единства, поскольку направлены на укреп- ление основ общества, стабильности его развития.

Единство общества и рассматрива- ется как «самая высокая духовная цен- ность», «единство является условием развития страны, оно особенно важно и востребовано в условиях преодоления государством и обществом интегральных кризисов.

Дата поступления в редакцию 16.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова В. В. Своеобразие исторических и социально-культурных условий формирования единства русских народов VIII–XV вв. Челябинск: Издательство Южно-уральского государ- ственного гуманитарно-педагогического университета, 2022. 118 с.
2. Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX–XXI веков // Политическая лингвистика. 2010. № 4. С. 13–18.
3. Глухова А. В., Сосунов Д. В. Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современ- ной России: к проблеме теоретической интерпретации // Вестник Воронежского государствен- ного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 4. С. 5–16.
4. Громыко С. А. Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем единство и единение) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 5. С. 39–54.
5. Дудин М. Н. Общественно-политический дискурс, качество жизни и протестная активность населения // Экономические отношения. 2022. Т. 12. № 1. С. 121–148.
6. Единство публичной власти в условиях современного общества: сборник трудов Центра ис- следований проблем территориального управления и самоуправления / под ред. В. В. Балыт- никова. М.: МГОУ, 2020. 159 с.
7. Ибрагимов К. Х. Единство государства: теоретико-правовые и историко-правовые аспекты. Грозный-М.: Наш формат, 2024. 294 с.
8. Панкевич Н. В. Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества к обновлению и институциональному развитию государственной политики единства // Антимонии. 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 47–76.
9. Принцип единства публичной власти и его реализация в условиях обычного и чрезвычайных режимов управления: ежегодный научный доклад Центра исследований проблем террито- риального управления и самоуправления / А. А. Горбылев, В. В. Балытников, А. Н. Чертков, А. А. Гришковец, А. А. Сергеев, В. В. Штукин, Г. В. Добромелов. М.: МГОУ, 2020. 42 с.
10. Россия в новых измерениях: единство и многообразие: мат-лы научн. конф. / под ред. М. А. Омарова. М.: Издательство РГГУ, 2024. 386 с.
11. Садыков М. Б. Государственное единство советских наций и общность их интересов: социаль- но-философский аспект: дис. ... док. философ. наук. Казань, 1978. 387 с.
12. Сердюк А. В., Рудакова К. Р. Принцип государственного единства: теория и практика реали- зации в истории России. К 100-летию образования СССР (обзор конференции) // История государства и права. 2022. № 10. С. 65–71.

13. Сосенков С. Ф. Политико-правовые воззрения на национально-территориальное единство Российского государства: генезис и эволюция: IX – конец XX вв.: автореф. дис. ... док. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 46 с.

REFERENCES

1. Barkova V. V. *Svoebrazie istoricheskikh i sotsial'no-kul'turnykh uslovii formirovaniya edinstva russkikh narodov VIII–XV vv.* [The uniqueness of historical and socio-cultural conditions for the formation of the unity of the Russian peoples of the 8th–15th centuries]. Chelyabinsk, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University Publ., 2022. 118 p.
2. Gavrilova M. V. [The development of meaningful forms of the concept of "unity" in the Russian political discourse of the XX–XXI centuries]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2010, no. 4, pp. 13–18.
3. Glukhova A. V., Sosunov D. V. [The domestic political agenda as a factor of unity in modern Russia: towards the problem of theoretical interpretation]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 2019, no. 4, pp. 5–16.
4. Gromyko S. A. [Speech representations of the idea of unity in the Russian parliamentary discourse of the early 20th century (on the example of the lexemes unity and unity)]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2023, vol. 12, no. 5, pp. 39–54.
5. Dudin M. N. [Socio-political discourse, quality of life and protest activity of the population]. In: *Ekonomicheskie otnosheniya* [Economic relations], 2022, vol. 12, no. 1, pp. 121–148.
6. Balytnikova V. V., ed. *Edinstvo publichnoi vlasti v usloviyakh sovremennogo obshchestva* [The unity of public authority in modern society: Proceedings of the Center for Research on Problems of Territorial Administration and Self-government]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2020. 159 p.
7. Ibragimov K. H. *Edinstvo gosudarstva: teoretiko-pravovye i istoriko-pravovye aspekty* [The unity of the state: theoretical, legal and historical-legal aspects]. Grozny, Moscow: Nash Format Publ., 2024. 294 p.
8. Pankevich N. V. [Decentralized value-motivated communities for the renewal and institutional development of the state policy of unity]. In: *Antimonii* [Antimony], 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 47–76.
9. Gorbylev A. A., Balytnikov V. V., Chertkov A. N., Grishkovets A. A., Sergeev A. A., Shtukin V. V., Dobromelov G. V. *Printsip edinstva publichnoi vlasti i ego realizatsiya v usloviyakh obychnogo i chrezvychaynykh rezhimov upravleniya* [The principle of unity of public authority and its implementation in conditions of ordinary and emergency management regimes]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2020. 42 p.
10. Omarov M. A., ed. *Rossiya v novykh izmereniyakh: yedinstvo i mnogoobrazie* [Russia in new dimensions: unity and diversity]. Moscow, RGGU Publ., 2024. 386 p.
11. Sadykov M. B. *Gosudarstvennoe edinstvo sovetских natsii i obshchnost ikh interesov: sotsial'no-filosofskii aspekt: dis. ... filosof. nauk* [The state unity of the Soviet nations and the community of their interests: a socio-philosophical aspect: Dr. Sci. thesis in Philosophical Sciences]. Kazan, 1978. 387 p.
12. Serdyuk A. V., Rudakova K. R. [The principle of state unity: theory and practice of implementation in the history of Russia]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the State and Law]. 2022, no. 10, pp. 65–71.
13. Sosenkov S. F. *Politiko-pravovye vozzreniya na natsional'no-territorial'noe edinstvo Rossiiskogo gosudarstva: genезis i evolyutsiya: IX – konets XX vv.: avtoref. dis. ... dok. yurid. nauk* [Political and legal views on the national and territorial unity of the Russian state: genesis and evolution: 9th – the end of the 20th centuries: Abstract of Dr. Sci. thesis in Law Sciences]. Nizhny Novgorod, 2022. 46 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лескова Ирина Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;

e-mail: leskova.i@yandex.ru

Зязин Сергей Юрьевич – кандидат социологических наук, ректор Евразийской женской гуманитарной академии, докторант кафедры политологии и права факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: wasatyay@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Leskova – Dr. Sci. (Sociology), Prof., Departmentally Head, Department of Political Science and Law, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: leskova.i@yandex.ru

Sergey Y. Zyazin – Cand. Sci. (Sociology), Rector of the Eurasian Women's Humanitarian Academy, PhD student, Department of Political Science and Law, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: wasatyay@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лескова И. В., Зязин С. Ю. Идеи государственного единства в общественном дискурсе России в XX – начале XXI вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 120–126.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-120-126

FOR CITATION

Leskova I. V., Zyazin S. Yu. The ideas of state unity in the public discourse of Russia in the 20th and early 21st centuries. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 120–126.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-120-126

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 27, 93, 94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-127-146

ХРОНОЛОГИЯ ОТКРЫТИЯ И ОСВОЕНИЯ ФЛОРИДЫ В XVI В. ЧАСТЬ 6: ТРЕТИЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ ФЛОРИДЫ (1525–1538 ГГ.)

Ашрафьян К. Э.

Независимый исследователь

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Продолжение публикации хронологии открытия и освоения Испанской Флориды в XVI в. Рассмотрены экспедиции с 1525 по 1538 гг.

Процедура и методы. Проведено детальное изучение в хронологической последовательности взаимных причинно-следственных связей между событиями, происходившими в Европе, Азии и Америке, повлиявших на организацию экспедиций и освоение Испанской Флориды. В работе использованы доступные автору материалы научных исследований в различных частях Европы, Азии и Америки, архивные документы, карты и портуланы. Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и системности, детально изложенные в предыдущих статьях.

Результаты. Результатом данной работы стала организация в хронологическом порядке истории попыток освоения «Испанской Флориды», базирующаяся на причинно-следственных связях процессов, происходивших в Новом Свете между 1525 и 1538 г.

Ключевые слова: колониальная Флорида, аборигены Америки, Карл V, Франциск I, передел мира, Айльон, Панфилио Нарваез, Кабеза де Вака, история Северной Америки

Благодарности. Хотелось бы выразить благодарность Джону Ворсу из Университета Флориды, Джеральду Миланичу и Вильяму Марквардту за их огромную работу в вопросе изучения открытия и освоения Флориды и за их взаимодействие со автором и их рекомендации, а также сыну Дугласа Пека, предоставившего ценные работы своего отца для их изучения.

CHRONOLOGY OF THE DISCOVERY AND DEVELOPMENT OF FLORIDA IN THE XVI CENTURY. PART 6. THE 3RD STAGE OF THE EXPLORATION OF FLORIDA (1525–1538)

K. Ashrafyan

Independent researcher

Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. The study of this period is an essential part of continuing the publication of a complete chronology of the discovery and exploration of Spanish Florida in the sixteenth century. This study exam-

© CC BY Ашрафьян К. Э., 2025.

ines the expeditions from 1525 to 1538. For what the task is set to study in detail in chronological sequence the mutual cause-and-effect relationships between the events that took place in Europe, Asia and America, which influenced the organization of expeditions and the development of Spanish Florida.

Methodology. The article uses the materials of scientific research available to the author in various parts of Europe and America, archival documents, maps and portolans. The methodological basis of the research is the principles of historicism, objectivity and consistency, detailed in previous articles.

Results. The result of this work was the organization in chronological order of the history of attempts to develop the "Spanish Florida", based on the causal relationships of the processes that took place in the New World and the Old World between 1525 and 1538.

Keywords: colonial Florida, Charles V, Francisc I, redistribution of the world, Allyon, Panfilo Narvaez, Cabeza de Vaca, history of North America

Acknowledgments. I would like to express my gratitude to John Worth, Jerald T. Milanich and William H. Marquardt for their interaction with me and recommendations, for their extensive work on the study of the history of Florida and express thankfulness to Douglas Peck for permission to use scientific works his father – Douglas T. Peck.

Введение

В исследовании периода ранней колонизации Нового Света одним из наиболее значимых является изучение открытия и освоения Испанской Флориды в XVI в. В данной статье, продолжающей публикацию хронологии европейской колонизации Испанской Флориды¹, рассматриваются экспедиции с 1525 по 1538 г.

Рассматривая факторы, повлиявшие на ход и характер освоения европейцами Нового Света, необходимо учесть ряд

политико-экономических процессов, в т. ч. противостояние христианского и мусульманского миров.

Османская экспансия, в ходе которой прекратила своё существование Византия с падением Константинополя в 1453 г., вынудила венецианских и генуэзских купцов уступить туркам и арабам торговые позиции между Европой и Азией, которые они удерживали с XI по XV в., хотя даже и после этого не позволяли торговцам других христианских государств действовать в зоне их интересов: например, в 1478–1479 гг. пираты, связанные с генуэзцами, потопили английский корабль Р. Старми², возвращавшийся после успешной торговой миссии в Средиземноморье [2].

Изгнание евреев и мусульман из Испании в 1492 г. после завершения Реконкисты привело к их переселению в Северную Африку в берберские государства (Алжир, Тунис и Триполи, Оттоманская Империя) и в некоторые страны Европы. Изгнанные мусульмане и евреи привнесли с собой знания, навыки и опыт в мореплавании, торговле и военном деле. Это усилило потенциал берберских пиратов и турок. Османская империя снабжала бер-

¹ См.: Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 1: Введение в хронологию открытия, освоения и христианизации Флориды в XVI в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 86–98; Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 2: Первый этап открытия и освоения Флориды с 1513 по 1516 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 3. С. 65–78; Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 3: Второй этап открытия и освоения Флориды с 1516 по 1520 гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 4. С. 53–69; Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XV в. Часть 4: Третий этап открытия и освоения Флориды (Начало эпохи правления Карла V и продолжение освоения Флориды 1520–1522 гг.) // Вестник Государственного университета просвещения серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 108–122.

² Экспедиция финансировалась флорентийским капиталом.

берберских пиратов современными кораблями и оружием, финансировала постройку и ремонт пиратских кораблей, получая прибыль с каждого пиратского рейда. Внутри испанских христианских королевств почти все мусульмане поддерживали связи с Османской империей и берберскими пиратами. Католические короли запретили открытую практику ислама *мудехарами*¹ в своих королевствах: в Кастилии – в 1502 г., Наварре – в 1515–1516 гг., Арагоне – в 1523–1526 гг. Это вызвало большие волнения мусульман и последующие гонения на них. Для перевозки мусульман с Иберийского полуострова на север Африки берберские пираты предоставляли свои суда. Турки и их союзники – берберские пираты (например, братья Арудж и Хайрадин Барбаросса) организовали с их помощью мощные флоты и установили контроль над стратегическими морскими маршрутами в Средиземноморье. Османская империя блокировала сухопутные торговые пути через Балканы и Кавказ.

Средиземноморское побережье Испании и других христианских государств опустело из-за постоянных пиратских нападений [6]. Торговля в Средиземном и Чёрном морях стала достаточно опасной. Османская империя полностью контролировала эти воды, грабя и топя христианские суда. Вскоре после того, как в 1498 г. португальская экспедиция Васко да Гама открыла морской путь в Индию вокруг Африки, индийское Гоа стало португальским форпостом, и уже в 1511 г. Португалия захватила Малакку², блокировав мусульманскую и азиатскую торговлю с Китаем. Португалия также заключила торговые договоры с Китаем и Персией, что усилило её влияние [11].

Раздел мира и поиск границы в восточном полушарии как вторая причина дальнейших морских исследований Португалии и Испанских королевств к 1525 г.

7 июня 1494 г. Португалия и Испания подписали Тордесильяский договор, установивший порядок в мире между христианскими странами. Тордесильяский договор был крайне условным, поскольку в 1494 г. не были открыты ни Северная, ни Южная Америка, не было понимания размеров Атлантического океана, и не был известен Тихий океан. Разделение мира (рис. 1) между христианскими державами игнорировало интересы иных государств. Договор был одобрен папой Римским Юлием II только в 1506 г., что подрывало его авторитет и закладывало основу для будущих конфликтов. Главной целью этого соглашения было контролировать новые торговые пути к Китаю и Индии, чтобы обеспечивать поставки пряностей³ и других товаров. Границы в западном полушарии были определены, но в восточном – нет.

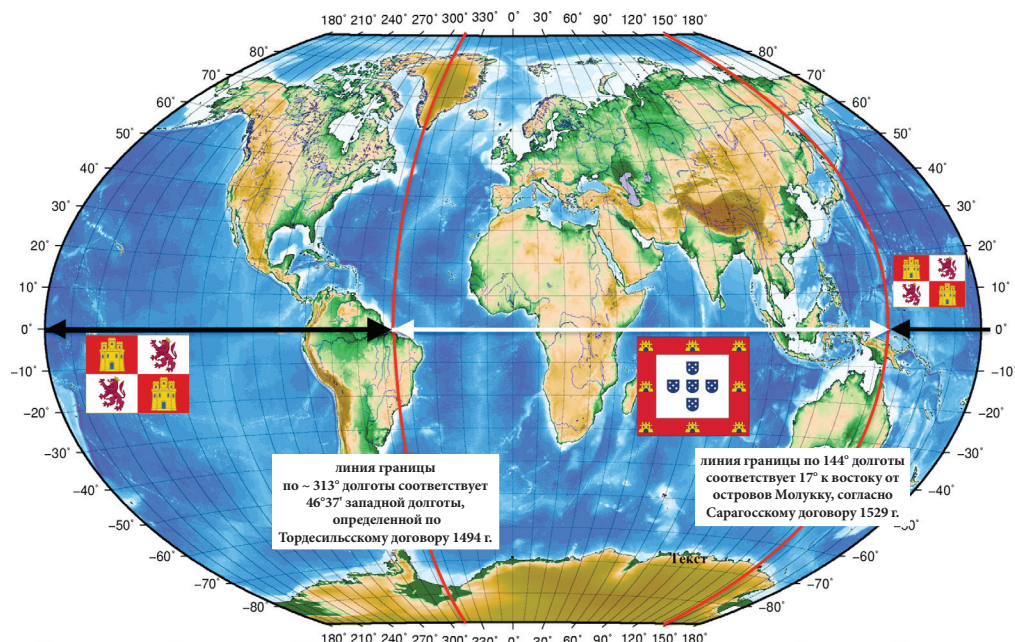
В 1522 г. экспедиция Фернандо Магеллана, начатая в 1519 г. и завершённая Хуаном Себастьяном Элькано, вернулась в Испанию после первого кругосветного путешествия. Экспедиция прошла через Магелланов пролив в Тихий океан и достигла Молуккских островов, доказав, что Земля круглая. Эта информация распространилась благодаря письму Антонио Пигафетта и публикации Максимилиана Трансильвана в 1522–1523 гг.

Молуккские острова стали спорной границей между Португалией и Испанией. Возник вопрос о точном расположении и размерах Нового Света и пролива, который находился бы ближе к Испании, чем Магелланов пролив. Освоение пути к островам с запада могло сломать монополию Португалии на азиатские специи и китайский шёлк.

¹ Мудехары – оставшиеся в Испанских королевствах после Реконкисты мусульмане.

² William L. Malabar Manual. (Reprint ed.). Asian Educational Services. 2000. 312 p.

³ К специям относились: бадьян, гвоздика, имбирь, корица, кассия, кардамон, кукурма, мускатный орех, перец и другие.

В результате географических открытий Земля была разделена между христианскими державами — Королевством Португалии и Королевством Кастилии и Леона. Согласно Торресильяскому договору (1494 г.) и Сарагосскому договору (1529 г.), граница раздела была установлена на ~ 313° долготы (46°37' W. по Гринвичу) и 144° долготы (17° от Молуккских островов). В соответствии с этими соглашениями, к 1530 году:

1. Королевству Португалии была предоставлена территория протяжённостью 191° окружности Земли.
2. Королевству Кастилии и Леона была предоставлена территория протяжённостью 169° окружности Земли.

Рис. 1 / Fig. 1. Разделение мира по Тордесильяскому договору 1494 г. и Сарагосскому договору 1529 г. / The division of the world according to the Treaty of Tordesillas in 1494 and the Treaty of Saragossa in 1529.

Источник: составлено автором

Эти открытия происходили на фоне политических и экономических изменений в Европе. Флорентийские банкиры и купцы, поддерживаемые Римскими папами из рода Медичи, Львом X и Климентом VII, усиливали своё влияние. Франциск I и Карл V отправили экспедиции, чтобы найти новый проход через Новый Свет, поддерживая интересы флорентийского капитала во Франции и Испании.

1525–1526: События в Новом и Старом Свете, повлиявшие на освоение Испанской Флориды

Экспедиция флорентийца Джованни Верраццано под французским флагом, отправившаяся 17 января 1524 г., вернулась в Дьепп 8 июля 1524 г. Верраццано составил карту Атлантического побережья от Флориды до Ньюфаундленда,

уточнив размеры Америк¹, но не нашёл пролива к Китаю – главной цели экспедиции, которую финансировали флорентийские купцы из Лиона, торгующие шёлком.

В это время король Франции Франциск I вёл войны в Европе против империи Карла V Габсбургского [3]. В июле 1524 г. войска герцога Бурбонского и Д'Авалоса вторглись в Прованс. 9 августа Бурбон принял титул графа Прованса и присягнул на верность английскому королю Генриху VIII, обострив положение Франциска I. Франция сражалась с Англией и армией Карла V, а Франциск лич-

¹ Ашрафьян К. Э. Полный перевод на русский язык «Селлерского кодекса» («Cèllere Codex») – документа Джованни Веррацано (*Janus Verazanus*) об экспедиции 1524 г. // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2023. С. 135–160.

но возглавил войска, захватив Милан в августе.

Переломным моментом в Европе стала битва при Павии 4 февраля 1525 г., где французское рыцарство было разбито испанской пехотой, а Франциск I попал в плен. После битвы его перевезли в Мадрид, где 14 февраля 1526 г. он подписал Мадридский договор, уступив Бургундию, Артуа и Фландрию Карлу V. 6 марта 1526 г. Франциск вернулся во Францию, но уже 22 марта 1526 г. отказался выполнять условия договора.

8 июля 1526 г. была создана Коньякская лига, объединившая Францию, Англию, Геную, Венецию, Милан, Флоренцию и папские войска против Габсбургов. Франциск I также начал сближение с Османской империей в поисках союзника против Карла V.

Эти события в Европе осложнили дальнейшие исследования и освоение новых земель, включая Испанскую Флориду, сосредоточив внимание на освоении земель в Новом Свете, приносящих золото.

1525–1526 гг.: мифы о «Фонтане молодости» и «богатой стране Чикора»

В 1521 г. экспедиция Франциско Гордильо, организованная Лукасом Васкесом де Айльоном [1, с. 151], привезла индейского мальчика из Флориды. Мальчик, крещённый как Франциско де Чикора, в 1523 г. рассказал при дворе Карла V о своей родине Чикора [7, с. 105], богатой жемчугом и мифическим «Фонтаном молодости». Эти рассказы, записанные хронистом Питером Д'Англиера, побудили Карла V дать Айльону разрешение на исследование Флориды. Айльон получил титул аделантадо и альгвасила¹, а также звание комендатора в Ордене Сантьяго².

¹ Кофман А. Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб.: Крига, 2017. 1032 с.

² Shea J. G. The Catholic Church in the colonial days. Book II. 1521–1763. New York: John G. Shea, 1886. 604 p.

Айльон прибыл в Новый Свет в 1523 г. и начал проводить проверку на Эспаньоле, обвинив лояльных Диего Колумбу чиновников в сокрытии доходов и растрате денежных средств не по назначению. Отзыв Д. Колумба в Испанию и осуждение его сторонников положили конец власти Дома Колумбов в Вест-Индии, что позволило Айльону организовать экспедицию во Флориду и получить патент 12 июня 1523 г. на её освоение [7, с. 105].

В 1525 г. экспедиция под командованием Педро де Кэхо исследовала 700 миль побережья и установила каменные кресты, объявляющие территорию Испанской Флориды собственностью Карла V. Это произошло сразу после того как Франция объявила «Новой Галлией» большую часть Флориды – принадлежащей Испании территории после экспедиции Джованни Верраццано в 1524 г.

К 1525 г. 3 экспедиции – Джованни Верраццано (1524), Эстебана Гомеса (1524–1525) и Педро де Кэхо (1525) – изучили побережье от Северного полюса до Флориды. Эти исследования внесли значительный вклад в картографию побережья от Флориды до Ньюфаундленда.

События в Европе, включая битву при Павии и пленение Франциска I, отвлекли Францию от планов в Новом Свете. Назначение Айльона и удаление Д. Колумба укрепили власть Карла V в Вест-Индии. Испанские карты, включая секретную Падрон Реаль, стали основой для дальнейших исследований и торговых маршрутов, несмотря на пиратскую активность французских капитанов большого частного торгового флота Жана Анго и поддержку флорентийских купцов, спонсирующих экспедиции Англии и Франции по поиску прохода к Китаю.

Экспедиция Эстебана Гомеса 1524–1525 гг.

С 24 сентября 1524 г. по 21 августа 1525 г. состоялась экспедиция португальца на испанской службе Эстебана Гомеса

(порт. *Estêvão Gomes*, исп. *Esteban Gómez*)¹ под флагом Кастильского Королевства [11].

Португалец Э. Гомес стал служить испанцам с 10 февраля 1518 г., перейдя на службу Карлу V Габсбургскому в числе многих португальцев из-за конфликта с португальским королём Мануэлем I². Гомес был назначен навигатором и картографом в Дом Торговли (*Casa de la Contratación*) в Севилье. Он был включён как лоцман-майор флота на борту корабля «Сан-Антонио» в состав экспедиции португальца Э. Магеллана в 1519 г., также находящегося на службе Королевства Кастилии и Леона. Экспедиция, совершившая первое кругосветное путешествие, направлялась к Молуккским островам в августе 1519 г. Однако при достижении Магелланова пролива на юге Южной Америки Гомес не повиновался Магеллану, который назначил неопытного племянника капитаном «Сан-Антонио» и, совершив мятеж, взял под свой контроль корабль «Сан-Антонио» и отплыл обратно в Испанию в мае 1521 г.

После возвращения экспедиции Магеллана он был на полгода заключён в тюрьму, но оправдан по возвращении экспедиции Магеллана в Испанию, которую привёл Хуан Элькано в 1522 г.

В 1523 г. Гомес убедил Карла V, что между Флоридой и Ньюфаундлендом можно найти более короткий и лёгкий путь к Островам пряностей, чем тот, который открыл Магеллан.

Для этой цели под его руководством была построена в испанском г. Бильбао 75-тонная каравелла под названием «Ла Анунсиада» (*«La Annunciada»*)³ и Гомес был назначен капитаном этого судна для исследования побережья Америки и по-

иска более близкого пролива, чем тот, что нашла экспедиция Магеллана-Элькано.

24 сентября 1524 г. с командой всего 29 человек Гомес отплыл из г. Ла Коруньи на построенной каравелле. В экспедиции Гомес был капитаном и лоцманом, а контроллёром⁴ был испанец Педро де Луна.

В экспедиции не было хрониста, и сведения о ней были записаны историками Питером Мартиром и Алонсо де Санта-Крус, а также отмечены на секретных испанских картах Падрон Реаль картографом Диего Рибейро, тоже португальцем на службе Кастильского Королевства.

Существует 2 мнения об экспедиции: согласно традиционному, экспедиция шла с севера на юг – от 45° с. ш. (совр. р. Св. Лаврентия, Канада) до страны Чикоры (совр. штаты Джорджия и Южная Каролина). Другая версия состоит в том, что экспедиция на корабле «Анунсиада» шла с юга на север и была организована с островов Карибского моря⁵. Экспедиция сделала остановку в порту Сантьяго-де-Куба⁶ для загрузки свежих припасов, проследовала вдоль восточного побережья от Флориды до Ньюфаундленда (мыс Кейп Рейс).

Экспедиция не выполнила главное предназначение – Гомесу не удалось найти проход из Атлантического океана в Тихий. 21 августа 1525 г. экспедиция вернулась в Испанию, достигнув того же порта в Ла Коруньи. Она длилась 10 месяцев и 27 дней.⁷ Экспедиция обследовала землю с 45° с. ш. на 10.000 км от совр. штата Джорджия до р. Св. Лаврентия (Канада). Было определено, что земля Испанская Флорида – это континент (т. е. открытый Новый Свет – совр. континент Америка).

¹ Vigneras L. A. Gomes Estevao // Dictionary of Canadian Biography [Электронный ресурс]. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/gomes_estevao_1E.html (дата обращения: 06.06.2024).

² Mira, M. Portuguese Making of America: Melungeons and Early Settlers of America. Portuguese Amer Research foundation, 2001. 424 p.

³ Vigneras, L.A. Gomes Estevao... Pp. 189–207.

⁴ Контроллеры отвечали за ведение бухгалтерии, учет доходов и расходов экспедиций. Они следили за тем, чтобы средства использовались эффективно и в соответствии с назначением.

⁵ Vigneras L. A. Gomes Estevao... P. 196–97.

⁶ Bradley, P. Gomes, Estêvão. The Oxford Companion to World Exploration. Oxford University Press [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=CbjvlgHtDyMC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 10.06.2024).

⁷ Vigneras L. A. Gomes Estevao... P. 196–97.

На обратном пути Гомесом были захвачены индейцы для продажи в Испании, из которых в живых осталось 58 человек¹. Позже индейцы были освобождены по приказу Карла V, который простил португальцу Гомесу незнание закона о том, что в Испанских королевствах запрещено рабство местного населения Нового Света.

Итог экспедиции

В результате Э. Гомесу не удалось найти западный проход, испанские карты, составленные после его возвращения, показали непрерывную береговую линию от Флориды до Ньюфаундленда.

Они были показаны как «Земля Эстебана Гомеса» на первой карте², которую сделал Диего Рибейро. Так называемая «Карта Кастильоне», изготовленная в Ла Корунье вскоре после возвращения Гомеса в том же 1525 г., включала совр. регион Новая Англия в США и совр. Новую Шотландию в Канаде³. А карта 1529 г., составленная тем же картографом, стала первой картой, где обозначенная «Земля Эстебана Гомеса» точно передаёт береговую линию Северной Америки от совр. полуострова Новая Шотландия в Канаде до полуострова Флорида (США)⁴ (рис. 2).

² Seaver K. A. Norumbega and Harmonia Mundi in Sixteenth-Century Cartography... P. 34–59.

³ Алонсо де Санта-Крус в книге «Общий остров мира» (1542) изображает полуостров Новая Шотландия как «Остров Сан-Хуан».

⁴ Bradley, P. Gomes, Estêvão. The Oxford Companion to World Exploration. Oxford University Press. 2007. P. 212.

¹ Seaver K. A. Norumbega and Harmonia Mundi in Sixteenth century Cartography Imago Mundi. 1998. Vol. 50. P. 34–58.

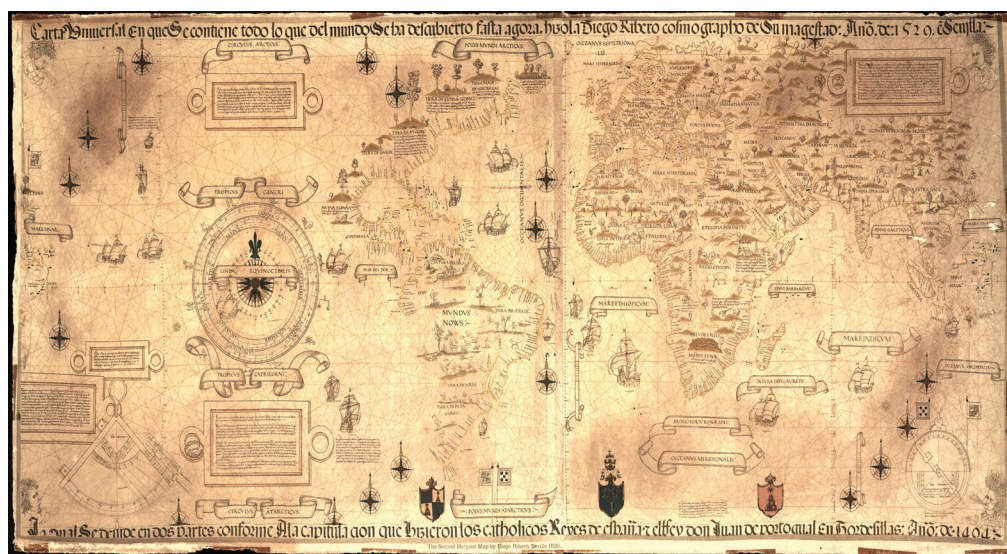

Рис. 2 / Fig. 2. Карта Диего Рибейро 1529 г.⁵ с надписью над картой на испанском: «Карта, содержащее всё, что было обнаружено на данный момент, сделанная космографом Диего Рибейро (Diego Ribero) по его изображениям, датируемая 1529 г.» / Diego Ribeiro map of 1529, with an inscription above the map in Spanish: "A map containing everything that has been discovered so far, made by cosmographer Diego Ribero from his images, dated 1529"

Источник: Википедия: [сайт]. URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:Map_Diego_Ribero_1529.jpg (дата обращения: 11.06.2024)

⁵ Seaver K. A. Norumbega and Harmonia Mundi in Sixteenth century Cartography // Imago Mundi. 1998. Vol. 50. P. 34–58.

1526–1527 гг. Экспедиция Лукаса Васкеса де Айльона – Франциско Гомеса

В июле 1526 г. Лукас Васкес де Айльон [10; 12] начал экспедицию из Пуэрто-де-Плата на Эспаньоле после получения сведений от экспедиции П. Кэхо 1525 г. Экспедиция состояла из 6 кораблей, включая 3 больших, и имела на борту около 100 лошадей, припасы, домашний скот, семена и кукурузу¹.

Экспедиция позиционировалась как мирная, без профессиональных военных. В составе было 600 поселенцев: моряки, женщины, дети, африканские рабы, доктор, матросы, участники предыдущих экспедиций Гордильо и П. де Кэхо, а также 2 доминиканских монаха Антонио де Монтесинос² и Антоний де Сервантес, с ними был также брат Питер де Эстрада. Главным пилотом-навигатором был Эсиха. В экспедиции находился мальчик Франциско де Чикора, рассказавший королю Карлу V о своей стране и «Источнике Молодости»³.

Первая высадка произошла 9 августа 1526 г. в заливе Винья (ныне Южная Каролина, США). Существует также версия о высадке в устье р. Уотери или р. Санти. Во время первой высадки Франциско де Чикора сбежал, оставив экспедицию без переводчика и проводника, что усложнило взаимодействие с местным населением [7].

Испанцы прожили месяц в заливе Винья, но неблагоприятные погодные условия, болезни, комары и потеря одного корабля на песчаной отмели вынудили

их искать новое место. Айльон приказал построить новое судно взамен потерянного⁴ и организовал 3 разведывательные экспедиции [10]:

1. залив Винья – Порт Роял Саунд – р. Брод – о. Тайби – о. Амелия – залив Винья;

2. залив Винья – южнее о. Амелия – залив Винья;

3. залив Винья – берег Сант-Августин – Сант-Симонс Саунд – залив Винья [12] (рис. 3).

Экспедиция столкнулась с множеством трудностей и не достигла своих первоначальных целей.

В сентябре 1526 г. экспедиция Айльона покинула залив Винья и разделилась на 2 части. Одна группа, состоящая из женщин, детей и команд кораблей, отплыла к о. Сапело Саунд (ныне штат Джорджия) [12], достигнув его за 3 дня. Другая группа – здоровые мужчины, скот, лошади и чёрные рабы – прошла около 200 км пешком и встретила с первой группой в середине сентября в устье р. Саванна [7].

29 сентября 1526 г., в день праздника Св. Михаила, было основано новое поселение Сан-Мигель-де-Гваделупе на о. Сапело Саунд, в заливе Санта-Марии (близ современного Брунсвика, штат Джорджия) [12]. Поселенцы начали строить церковь, дома, склады и загоны для скота, но пропустили сезон посадки и не имели достаточных запасов продовольствия [14].

В условиях нехватки еды и резкого похолодания в лагере начались голод и болезни [5]. Вскоре распространилась чумная лихорадка, привезённая чёрными рабами. 18 октября 1526 г. Лукас Васкес де Айльон умер от болезни. После его смерти заместитель Айльона, Франциско Гомес, не смог удержать контроль над экспедицией. Начался мятеж во главе с Гинесом Донселем, который спровоцировал восстание чёрных рабов и вражду с местными индейцами.

⁴ Это было первое построенное европейцами судно на востоке Северной Америки.

¹ Shea J. G. The Catholic Church in the colonial days. Book II. 1521–1763. New York: John G. Shea, 1886. 604 p.

² Антон де Монтесинос известен тем, что за свой труд заслужил звание «апостола в Пуэрто-Рико», где доминиканцы основались с 1510 г., войдя в противоречие с францисканским Орденом, обосновавшимся в Санто-Доминго на Эспаньоле еще со второго плавания Колумба.

³ Gannon, M. The cross in the sand: the early catholic church in Florida, 1513-1870. Gainesville: University Press of Florida, 1965. 210 p.

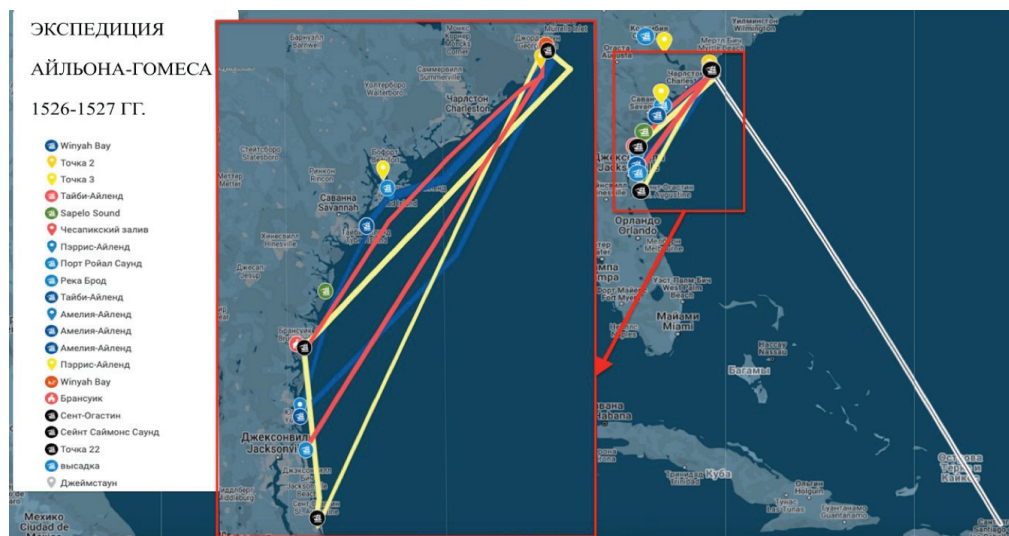

Рис. 3 / Fig. 3. Экспедиция Айльона-Гомеса 1526–1527 гг. на современной карте / Expedition of Aillon-Gomez 1526-1527 on a modern map

Источник: составлено автором

Мятежники отправились за едой в индейскую деревню, но вскоре индейцы напали на них, убив многих испанцев. Затем африканские рабы подожгли дома в Сан-Мигель-де-Гваделупе¹. Под угрозой со стороны индейцев и восставших рабов испанские колонисты, лишённые профессиональных военных и оружия, решили эвакуироваться².

В середине ноября 1526 г. Ф. Гомес взял прах Айльона и на 2 кораблях отплыл обратно. Многие ослабленные поселенцы умерли по дороге. Гомес достиг Санто-Доминго на Эспаньоле, потеряв 1 корабль, большинство людей и прах Айльона. Из 600 поселенцев только 150 вернулись обратно. Поселение существовало всего 3 месяца³.

К 1526 г. возникли благоприятные обстоятельства для экспедиции по освоению Флориды. Во-первых, при дворе

императора Карла V распространялись слухи о богатой стране Чикора, что было важно для пополнения казны для Итальянских войн в Европе. Во-вторых, высылка Д. Колумба из Вест-Индии и «чистка» администрации в пользу «роялистов» устранили саботаж со стороны местных чиновников, что способствовало организации экспедиции.

Однако время для экспедиции было выбрано неудачно. В сентябре-октябре каждый год со стороны Атлантики или Мексиканского залива приходят шторма и ураганы, за которыми наступает зима с низкими температурами. В это время даже местные племена покидают прибрежные зоны.

Место для поселения – залив Винья, выбранное экспедицией Педро де Кэхо в 1525 г., оказалось неподходящим. Потеря одного из кораблей и большей части припасов, а также переводчика и проводника – индейского мальчика Франциско де Чикора, лишили переселенцев надежды на успешное будущее колонии. Болезни, привезённые чёрными рабами, и их восстание, а также неудача попыт-

¹ Shea J.G. The Catholic Church in the colonial days. Book II. 1521–1763. New York: John G. Shea, 1886. 604 p.

² Ibid. P. 107, 115.

³ Кофман А. Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб.: Крива, 2017. 1032 с.

ки наладить взаимодействие с местными племенами ухудшили положение. Раздор, который начался внутри колонии после смерти Айльона, болезни и голод погубили колонию. Последствия эпидемий наблюдала экспедиция Эрнандо де Сото через 12 лет, когда они нашли заброшенные дома и поросшие травой дороги [14, р. 20].

Интерес к открытиям Айльона в Европе усилился благодаря хронисту Карла V Питеру Мартиру и картографам Хуану Веспуччи и Диего Рибейра. На картах Рибейра 1529 г. появилась Земля Айльона, охватывающая большую часть юго-востока современных США (рис. 2).

Экспедиция Панфило де Нарваэса (1527–1536) и похождения Альвара Нуньеса Кабеса де Ваки

После провала экспедиции и смерти аделантадо Флориды Лукаса Васкеса де Айльона новым претендентом на освоение Испанской Флориды стал амбициозный Панфило де Нарваэс [4; 13], соперник Эрнандо Кортеса¹. Нарваэс пытался арестовать Кортеса от имени губернатора Кубы Диего Веласкеса, но потерпел неудачу, лишившись навсегда глаза. Узнав о смерти Айльона, Нарваэс обратился к императору Карлу V с просьбой назначить его аделантадо Флориды и выдать патент на заселение и христианизацию побережья, исследованного капитаном Гараем.

В 1526 г. Карл V выдал Нарваэсу грамоты² на заселение Испанской Флориды, которая простиралась от Атлантического побережья до р. Пальмас (совр. р. Миссисипи)³.

Экспедиция: Испания – Вест-Индия

17 июня 1527 г. экспедиция Нарваэса отплыла из порта Сан-Лукас-де-Баррамеда (близ Кадиса, Испания). В

состав экспедиции входили 5 кораблей, 600 колонистов и солдат, 10 женщин, африканские рабы и 80 лошадей⁴.

Первая остановка была на Санто-Доминго на Эспаньоле, где экспедиция пробыла 45 дней. Затем Нарваэс направился в Сантьяго-де-Куба для пополнения припасов. В ноябре 1527 г. экспедиция находилась в порту Кабо-де-Санта-Крус на Кубе, 2 корабля были отправлены на о. Тринидад за продуктами. Там ураган уничтожил корабли, погибли 60 человек и 20 лошадей.

После урагана флотилия Нарваэса переместилась в бухту Хагуа на Кубе, где пробыла с ноября 1527 до февраля 1528 г. Там был куплен ещё 1 корабль. В феврале 1528 г. 140 человек решили остаться на Эспаньоле и Кубе. Навигатором в экспедиции Панфилио де Нарваэса стал Диего де Мируэло, плававший к берегам Флориды с 1513 г.

20 февраля 1528 г. экспедиция отплыла с Кубы в направлении Флориды, она состояла из 4 кораблей, 400 человек и 42 лошадей. В экспедицию входили также несколько священников и 5 францисканских монахов для христианизации местных племён⁵. Финансовыми вопросами заведовал Альвар Нуньес Кабеса де Вака, назначенный казначеем и старшим прокурором экспедиции. Бывший в экспедиции навигатором Диего де Мируэло неумело посадил суда на мель через 2 дня после выхода с Кубы⁶.

12 апреля 1528 г. корабли достигли берега Флориды и направились на север. 14 апреля суда бросили якорь в заливе Тампа у неизвестной индейской деревни. Интендант Алонсо Энрике высадился на острове, провёл переговоры с индейцами и обменял рыбу и мясо на стеклянные бусы, зеркальца и бисер, которые цени-

⁴ Там же. С. 23–24.

⁵ White A. 1539: artifacts and archaeology from conquistador Hernando de Soto's Potano encampment and the lost Franciscan mission. London: Xlibris Corporation, 2015. 124 p.

⁶ Кабеса де Вака А. Н. Кораблекрушение. М.: Мысль, 1975. С. 20–22.

¹ Кофман А. Ф. Указ. соч.

² Shea J.G. The Catholic Church... P. 106–109.

³ Кабеса де Вака А. Н. Кораблекрушение. М.: Мысль, 1975. 128 с.

лись у аборигенов и всегда были предметом торговли.

15 апреля де Нарваэс высадился на берег со своими людьми, но обнаружил, что деревня покинута. В одной из хижин испанцы нашли «золотую погремушку»¹. 16 апреля Нарваэс объявил о своём праве владения этой землёй и поднял флаг. На следующий день пришли индейцы, требуя, чтобы испанцы ушли. Нарваэс отправил людей на север, где они нашли лучшую бухту.

Испанцы высадились в поселении вождя Усита в провинции Ирригва (*Hirrihigua*), где через 10 лет высадился де Сото. Навигатор Д. Мируэло сошёл с ума, не узнав место высадки², и Нарваэс отправил его на Кубу, где он должен был найти корабль капитана Альваро де ла Серды и вернуться с припасами.

Испанцы, не имея переводчика, захватили 4 индейцев и заставили их провести отряд путешественников в соседнюю деревню, где увидели незрелый маис. В той же деревне испанцы обнаружили кастильские сундуки неизвестного происхождения, в которых были захоронены останки индейцев. Кроме того, были найдены золотые изделия, пряжа, холсты, плюмажи и другие товары из Новой Испании³. Не понимая, откуда все эти богатства, Нарваэс попытался выяснить его происхождение и местонахождение у местных индейцев, но безуспешно. Из-за языкового барьера индейцы не понимали, что испанцы хотят узнать от них. В бессильном гневе, вызванным непониманием, Нарваэс изуродовал вождя Ирригва, отрезав ему нос. Этот поступок на долгие годы вперед ухудшил отношения испанцев с местными племенами и привёл к кровавому противостоянию на всём пути экспедиции.

Отметим, что захват испанцами аборигенов, заковывание их в цепи и ис-

пользование в качестве проводников и носильщиков были обычной практикой. Неповиновавшихся жестоко наказывали. Испанские солдаты нередко использовали индейских женщин для удовлетворения своих желаний, что вызывало спонтанные восстания среди индейских мужчин.

Нехристианизированные индейцы лишь в случае крещения получали некоторые права. Отношение королевской власти к аборигенам Нового Света отличалось от взглядов местных властей. Католические короли, Фердинанд II Арагонский и Изабелла I Кастильская, выступали против рабства, но экономическая выгода от эксплуатации индейцев часто перевешивала. Бургосские законы 1512 г. запретили обращение индейцев в рабство, рассматривая их как подданных Испанской Короны. Однако Нарваэс, воспитанный в духе презрения к индейцам под влиянием Дома Колумбов и Диего Веласкеса, продолжал использовать их как рабов.

Сухопутный поход Нарваэса

Обнаружение испанцами деревни с большим количеством кукурузы дало Нарваэсу уверенность в возможности продвижения вглубь территории от поселения к поселению даже без больших запасов продовольствия [10, с. 116].

1 мая 1528 г. Панфило де Нарваэс созвал совещание и решил отправить корабли морем, а основная часть экспедиции пошла пешком, навсегда разминувшись с остальными. Это решение было принято из-за использования недостоверных карт Гарая 1519 г., которые искажали расстояние между Флоридой и Мексиканским заливом. Лоцманы ошибочно уверяли, что р. Пануко (Мексика) находится всего в 10–15 лигах от залива Тампа⁴.

В тот же день начался поход 300 испанцев, включая 40 всадников, 3 свя-

¹ Кабеса де Вака А. Н. Кораблекрушение. М.: Мысль, 1975. С. 21–23.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 116–118.

⁴ Там же. С. 27.

щенников (в т. ч. брата Хуана де Палозэ) и 3 клириков. Они направились вглубь полуострова в поисках золота индейцев аппалачи. Четыре корабля под командованием заместителя Нарваэса, Каравальо, следовали вдоль побережья Мексиканского залива в сторону Пануко, на место запланированной встречи.

15 мая 1528 г. испанцы пересекли р. Саванни во Флориде. Вскоре они встретили 200 индейцев, которые пригласили испанцев в свою деревню. 17 июня 1528 г. экспедиция пересекла р. Аппалачиколу. К этому времени они прошли 280 испанских миль от залива Тампа¹.

4 июля экспедиция достигла селения Ауте у устья р. Аппалачиколу и вдоль р. Сент-Маркс (совр. заповедник дикой природы в Сент-Маркс). До сентября 1528 г. никто не болел, но затем треть отряда, около 100 человек, заболела. Оставшись без кораблей и запасов, окружённые враждебными племенами, испанцы оказались в бедственном положении.

С 4 августа по 20 сентября 1528 г. испанцы, находясь у селения Ауте, построили 5 лодок. У них был только 1 кузнец и 1 плотник, остальные испанцы лишь помогали. Они переплавили железные вещи в гвозди и топоры, а канаты делали из грив и хвостов лошадей, которые ранее были съедены. Место было названо «Мысом Лошадей».

22 сентября 1528 г. экспедиция на модельных лодках отплыла из Ауте. В октябре они прибыли в Пенсанколу, где сначала были дружелюбно встречены местными жителями, а ночью атакованы этими же индейцами².

23 октября 4 лодки дошли до Миссисипи, где и потерпели крушение. Нарваэс пытался ночью сбежать, но утонул, как и священники, чья лодка была найдена перевернутой. Выжил только Астуариа-

но, который вскоре умер в неизвестном месте³.

6 ноября 1528 г. лодку Кабеса де Вака выбросило на берег около прохода Сан-Луис в заливе Галвестон (ныне штат Техас). Испанцы назвали это место «Островом Злосчастья». 80 измождённых испанцев были подобраны индейцами и перенесены в деревню. Многочисленные смерти и каннибализм среди испанцев вызвали ненависть спасших их индейцев. Вскоре в живых осталось только четверо – Кабеса де Вака, Алонсо де Кастильо Малдонадо, Андреас Дорантес де Карранза, а также негр из Марокко по имени Эстебан⁴, которым удалось не только выжить, но и стать членами общества индейцев.

Кабеса де Вака отметил, что индейцы на о. Сан-Луис были высокими и сильными, что напоминает описание индейцев племени калуса из Южной Флориды.

Похождения Альвара Нуньеса Кабеза де Вака

Кабеса де Вака и его соплеменники, проведя значительный период (примерно с 1528 по 1535 гг.) среди индейских племён южного Техаса, не только овладели языком местных народов, но и глубоко интегрировались в их культуру. Тем не менее к 1534 г. внутри группы Кабеса де Вака начали зарождаться идеи возвращения. Такие мысли, вероятно, были обусловлены осознанием возможностей, открывающихся при возвращении, и довольно примитивной жизнью индейцев, среди которых они жили. Вскоре группа отправилась в продолжительный пеший поход, преодолев в общей сложности около 5 500 км (рис. 4): прошли через территории современных штатов Техас, Нью-Мексико, Аризона, пересекли Рио-

¹ Кабеса де Вака А. Н. Кораблекрушение. М.: Мысль, 1975. С. 28, 38.

² Там же. С. 36.

³ *Frontiers of Contact: Bioarchaeology of Spanish Florida* / C. S. Larsen, M. C. Griffin, D. L. Hutchinson et al. // *Journal of World Prehistory*. 2001. Vol. 15. № 1. P. 69–123.

⁴ Кабеса де Вака А. Н. Кораблекрушение. М.: Мысль, 1975. С. 27, 38, 44, 55.

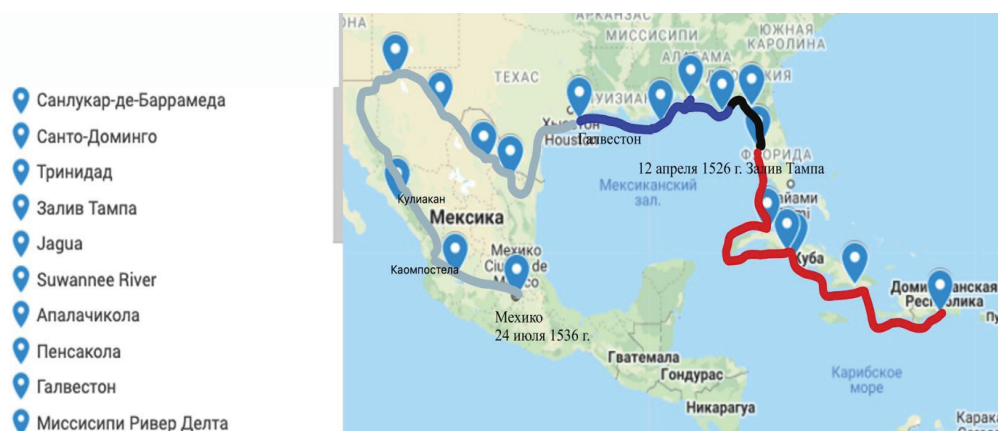

Рис. 4 / Fig. 4. Часть пути и мест от совр. о. Гаити до совр. Мексики (в то время Новая Галисия) экспедиции Нарваэса – Кабеса де Вака на современной карте / Part of the path and places from modern about. Haiti until modern Mexico expedition Narvaez – Cabeza de Vaca on a modern map

Источник: рисунок автора

Гранде, достигли верховьев р. Синалоа, прошли западную часть гор Сьерра-Мадре и долины рек, впадающих в Мексиканский залив¹. 1 апреля 1536 г. они достигли местности, известной как Петатлан провинции Новая Галисия (совр. территория на западе Мексики), где они наконец-то встретились с испанскими колониальными силами [8]. Здесь судьбы участников разошлись: одни, вдохновлённые перспективой возвращения в «белый» мир, выбрали путь интеграции в колониальные структуры, в то время как другие решили остаться, используя свои уникальные знания и опыт, приобретённые в мире коренных народов Америки.

Вернувшись в Испанию, Кабеса де Вака подробно рассказал и написал в 1537 г. о своих 8-летних испытаниях и сразу стал героем Испании. В 1542 и 1555 г. вышла его книга «Кораблекрушение»², которая была переведена на английский и французский языки и привлекла внимание европейцев к жизни индейцев Флориды,

вызвав волну интереса к Новому Свету среди монархов Европы.

Судьба некоторых других членов экспедиции Нарваэса стала известна после экспедиции де Сото во Флориду. Так, Хуан Ортиз был одним из 12 членов экипажа, которых Панфило Нарваэс отправил обратно в Гавану с письмами для жены и администрации Кубы о высадке в современном заливе Тампа-Бэй. По настоянию жены Нарваэса корабль вернулся в залив Тампа на поиски её мужа. Испанцы не знали о враждебности местных жителей, вызванной встречей Нарваэса с вождём Ирригва и его людьми. Индейцы заманили в западную испанцев при высадке в заливе Тампа в 1526 г. и жестоко расправились с ними. Вождь Ирригва решил, что 18-летний моряк Хуан Ортиз – это родственник Нарваэса, и приготовил для него страшную казнь *barbacoa* – жарить живьём на костре. Ортиза спасла дочь вождя, Улеле, вместе с матерью вытащив его из огня. Принцесса Ирригва трижды спасала Ортиза от смерти, а когда его жизнь снова оказалась в опасности, она помогла ему сбежать в племя своего суженого вождя мокосо, входящее в группу племён тимукуа. Вождь Ирригва был так рассержен побегом Ортиза, что

¹ Ashrafyan K. Spanish colonization of Florida in the first quarter XVI century: methods, features, reasons of failures. Amazon Italia Logistic. Torrazza Piemonte. 2024. 329 с.

² Кабеса де Вака А. Н. Кораблекрушение. М.: Мысль, 1975. 128 с.

отказался выдать принцессу Улеле замуж за вождя мокосо¹.

В 1539 г. Эрнандо де Сото встретился с племенем, где жил Ортиз, и предложил испанцу вернуться на родину. После 11 лет жизни с индейцами Ортиз с радостью согласился присоединиться к экспедиции и стать её главным проводником и переводчиком. Хуан говорил на языках усита и мокосо, а также мог помочь в общении с другими племенами. Ортиз передал де Сото множество сведений о племенах Флориды. Хуан Ортиз умер зимой 1541–1542 гг., когда экспедиция стояла лагерем в индейском поселении Аутиамку на территории нынешнего штата Арканзас.

История Хуана Ортиса, по утверждениям испанцев, стала прототипом ши-

роко известной легенды о Покахонтас². В память об этих событиях во Флориде в г. Тампа были возведены мемориальная доска и бюст принцессы Улеле (рис. 5).

Вторым членом экспедиции Нарваэса, навсегда связавшего свою судьбу с аборигенами Северной Америки, стал грек Доротео Теодоро, который остался у индейцев побережья Пенсакола и умер там. О нём индейцы поведали солдатам де Сото в 1539 г., когда столкнулись с испанцами³.

Экспедиция Панфило де Нарваэса была обречена из-за ошибок в «карте Гарая» 1519 г., созданной капитаном Пинедой. Это случилось из-за того, что карты, сделанные в Доме Торговли в Севилье, неверно показывали расстояние между р. Пануко (Мексика) и Флоридой, умень-

Рис. 5 / Fig. 5. Мемориальная плита, посвящённая истории принцессы Ирригва, возведённая организацией «Дочери американской революции». Бронзовый бюст принцессе Улеле (Uleleh или Uleily). Бюст стоял в Тампе до 2018 г. / Memorial plate dedicated to the history of Princess Irrigva (right), erected by the organization "Daughters of the American Revolution." Bronze bust of Princess Ulele (Uleleh or Uleily). The bust stood in Tampa until 2018

Источник: фото автора, 2017 г.

¹ Племя Ирригва входило в группу племен Токобага, а не племени тимукуа, но это было выяснено гораздо позднее, чем табличка была сделана. Племя её жениха называлось мокосо и подчинялось и принадлежало языковой группе тимукуа. Оба племени имели разные языки и происхождение.

² Покахонтас, которая спасла жизнь капитану Джону Смит, вышла замуж за англичанина Джона Рольфа и стала прародительницей различных выдающихся семей Вирджинии, которые с гордостью ведут свою родословную от индийской принцессы.

³ Кабеса де Вака А. Н. Кораблекрушение. М.: Мысль, 1975. С. 120.

шая его с реальных 4000 км до нескольких десятков километров¹.

Жестокость Нарваэса ухудшила отношения испанцев с индейцами, вести о беспощадных бледнолицых распространялись быстрее, чем сама экспедиция, и испанцы встречались либо с сопротивлением местных индейцев, либо с пустыми деревнями.

Воспоминания Кабеса де Вака, выжившего в этой экспедиции, стали бесценным свидетельством описания быта индейцев, живших по пути следования Кабеса де Вака от Флориды до Мексики. Он рассказал о племенах аппалачи во Флориде и племенах мыса Злосчастия (современный Техас): моами, анами, чорукко, домены, ментика, кевены, мариам, гуайконы, игуаны, атаки, акубады, киоты, ававары, малиоконы, кусьтачи, оусолами, комы, игами, хо, мескисы, баски и примату. Например, были описаны индейцы прерий на севере Техаса, которых испанцы называли «ничего-неделаящими-людьми» и которые были отличными охотниками² и в силу своего образа жизни и питания очень невысокого роста.

А вот индейцы о. Сан-Луис в заливе Галвестон и индейцы юго-западной Флориды из племени калуса потребляли пищу из эстуариев – богатые кальцием морепродукты (устрицы, моллюсков, креветки, рыбу со съедобными костями, водоросли и т. п.) были высокого роста и хорошего телосложения. Кстати, именно предки этих племён мигрировали в V веке вдоль берегов р. Миссисипи, а затем вдоль побережья Мексиканского залива до Флориды и дошли до севера о. Куба.

¹ Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XV в. Часть 4: Третий этап открытия и освоения Флориды (Начало эпохи правления Карла V и продолжение освоения Флориды 1520–1522 гг.) // Вестник Государственного университета просвещения серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 108–122.

² Кабеса де Вака А. Н. Кораблекрушение. М.: Мысль, 1975. С. 64.

Знания, полученные после публикации книги-воспоминаний Альвара Нуньеса Кабеза де Вака, которую он опубликовал после возвращения в Испанию, позволили организовать новую экспедицию в Испанскую Флориду в 1539 г. Однако должность аделантадо, на которую рассчитывал сам Кабеза, досталась не ему, знавшему индейские обычаи и языки, а Эрнандо де Сото, никогда не бывавшему во Флориде, что в будущем негативно сказалось на экспедиции.

1528 г.: Вторая попытка французов исследовать Испанскую Флориду и вторая экспедиция Джованни де Веррацано

В марте 1528 г. экспедиция Джованни де Веррацано. отправилась из Дьеппа, главного порта судовладельца Жана Анго, на двух или трех кораблях³ к берегам Флориды. Это была его вторая экспедиция под французским флагом.

Первая остановка была на Багамах, вторая – на Гваделупе, одном из Малых Антильских островов [15]. На Гваделупе де Веррацано и его команда высадились на берег, где были атакованы и съедены караибскими-каннибалами. Джироламо де Веррацано, брат Джованни, не решился высадиться для спасения брата и своих людей [10]. Экспедиция вернулась с грузом «бразильского дерева» обратно в Дьепп в том же году.

На следующий год Джироламо нарисовал карту атлантического побережья Америки для папы Римского Климента VII, представителя влиятельной флорентийской семьи Медичи. Это подчёркивает связь между флорентийским капиталом и французским королём Франциском I, стремившимися противодействовать империи Габсбургов и защищать претензии Франции на Новый Свет [15]. Экспедиция имела стратегическое значение для Франциска I, который на-

³ Marcel Trudel, Histoire de la Nouvelle-France, I - Les vaines tentatives, 1524–1603, Montréal, Fides, 1963. P. 34–38, 67.

деялся основать колонию или пиратскую базу для нападений на испанские корабли в Багамском канале. Успех экспедиции мог усилить влияние Франции и папы против Испании.

Экспедиция Верраццано была важной попыткой установить французское присутствие в Новом Свете и могла бы серьёзно изменить баланс сил в регионе. Однако её трагический исход оставил много вопросов и ограничил влияние Франции в этом регионе на следующие десятилетия.

Особое значение для изучения европейской колонизации Нового Света имеет карта 1529 г., созданная португальцем на службе Кастильского королевства Диего Рибейра. Она была важнейшей секретной навигационной картой испанских мореплавателей и содержала множество ключевых сведений и открытий, включая упоминание земель, открытых не только

под флагом Кастильского Королевства – Кортесом, Айльоном и португальцем Эштваном Гомесом, но и открытий под флагом Португалии – португальцами Корте-Реалами и итальянца под флагом Англии – Джованни Кабото [9]. Это подчёркивает условность Тордесильяского договора 1494 г., игнорировавшего реальную ситуацию (рис. 6).

Важнейшие экспедиции и попытки создать поселения на северо-востоке Испанской Флориды к 1525 г.

1472 г. Экспедиция под флагом Португалии, возглавляемая Жуаном Корте-Реалом (*João Vaz Corte Real*), открыла Землю Трески (Ньюфаундленд). В экспедиции участвовали Жуан Фернандеш Лаврадор (*João Fernandes Lavrador*) и англичанин Уильям Уэнстон (*William Weston*).

1480–1481 гг. Английские моряки из Бристольа искали новые места для рыбо-

Рис. 6 / Fig. 6. Часть карты Диего Рибейро 1529 г. С переведёнными и оригинальными названиями и надписями / Part of the map of Diego Ribeiro 1529 with translated and original names and inscriptions

Источник: Википедия: [сайт] URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:Map_Diego_Ribero_1529.jpg (дата обращения: 11.06.2024; перевод автора)

ловства, но эти вояжи не вызвали большого интереса у английских правителей из-за войны Алой и Белой Роз.

1496 г. Генуэзец Джон Кабот (Джованни Кабото) получил патент от короля Англии Генриха VII для поиска прохода в Китай и открытия новых земель. Кабот был профинансирован флорентийской семьёй Барди через их лондонскую банковскую фирму «Compagnia dei Bardi» и поддержан монахом-августинцем Джованни Антонио де Карбонарисом (*Giovanni Antonio de Carbonaris*) из Лондона.

1497 г. Вторая экспедиция Д. Кабота. Достиг Мыса Бонависта и объявил территорию владением английского короля.

1498–1500 гг. Третья экспедиция Д. Кабота по побережью Северной Америки с объявлением открытых земель, принадлежащих Англии, уже в Чесапикском заливе.

1499 г. Чисто английская экспедиция Уильяма Уэстона. Основание миссионерского поселения в Карбониэр.

1500 г. Экспедиция Жуана Фернандиша Лабрадора с патентом от португальского короля Мануэла I «на открытие всех островов и материков, которые он откроет за океаном», данным в 1499 г.¹ Был открыт полуостров Лабрадор на северо-востоке Америки (совр. Канада).

1501 г. Экспедиция братьев Гаспара и Мигеля Корте-Реаль под флагом Португалии к западу от мыса Бретон. Экспедиция организована для противодействия английскому протекторату над Ньюфаундлендом и поддержки претензий Португалии на территорию, исследованную англичанами ранее под управлением Д. Кабота. Было открыто Лабрадорское море. Около Лабрадора было захвачено

около 60 индейцев и продано в Португалии в рабство.

1501 г. Спасательная экспедиция Мигеля Корте-Реаля. Открытие новых земель в районе современной Новой Англии, США.

1504 г. Нормандский корабль достиг Большой банки Ньюфаундленда, расширяя территории рыбной ловли французских норманнов.

1504 г. Себастьян Кабот во главе английской экспедиции вернулся из Ньюфаундлендской банки с грузом рыбы.

1508 г. Обер Дьеппский и Джованни да Верраццано исследовали морской путь Св. Лаврентия.

1508–1509 гг. С. Кабот достиг Гудзона пролива, искал проход в Тихий океан, но не нашёл. Флорентийские купцы были разочарованы, но продолжали финансировать экспедиции.

1518 г. Французский барон де Лери из Дьеппа основал колонию на о. Сейбл, но безуспешно – остался только крупный скот, который стал размножаться.

1520–1521 гг. Португальский судовладелец Жуан Алвариш Фагундес с капитаном Жуаном Фернандешом Лабрадором, бывшим его соседом, открыли несколько островов в заливе Уотерспейс.

1523 г. Экспедиция Жуана Алвариша Фагундеса к восточному побережью о. Кейп-Бретон, где они основали колонию, которая позже была покинута.

1534 г. Экспедиции под французским флагом француза Жака Картье, собравшего опыт португальцев и французов² и совершившего 2 экспедиции в 1534 и 1535–1536 гг., проникшего на 700 км вглубь материка Северная Америка и открывшего множество новых территорий. Перед этим экспедиции с Дж. Верраццано в 1524, 1528 и 1534 гг.

¹ Вернадский В. Эпоха великих открытий. I период: до середины XVI века [Электронный ресурс]. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Epokha-vyelikikh-otkrytiyi-I-pyerieod-do-syeryediny-XVI-vyeka.html#Q1214-Glava-7-ANGLICHANYE-I-POR-TUGALJJTSY-U-BYERYEGOV-SYEVYERO-VOSTOCHNOYI-AMYERIKI> (дата обращения: 10.06.2024).

² Жак Картье участвовал в экспедициях Джованни Верраццано, а также жил в португальской торговой и рыболовной колонии в Кейп-Бретоне, знал португальский язык и использовал накопленные знания для организации экспедиции (См.: Sora S. The lost colony of the Templar. Rochester: Destiny Books, 2004. 292 с.).

Таким образом, европейские короли Англии, Франции и самой Португалии игнорировали законы разделения земли между Португалией и Кастильским Королевством по Тордесильясскому договору, особенно в экспедициях к Северной Америке через Атлантический океан. Рыбачьи флоты из разных стран исследовали и эксплуатировали богатые рыбой воды – «Великую Банку Ньюфаундленда». Эти места привлекали капитанов из Португалии, Англии, Шотландии, Ирландии, французской Бретани и страны Басков. Также зафиксированы несколько попыток португальцев и англичан основать там колонии. Финансирование многих экспедиций из Франции и Англии осуществлял флорентийский капитал.

Заключение

К 1525 г. расширение Османской империи, сопровождавшееся пиратством в Средиземном и Черном морях, сделало традиционные торговые пути из Азии в Европу небезопасными для христианских стран. Это привело к поиску альтернативных маршрутов, что, в свою очередь, стало катализатором Великих географических открытий европейских стран и на Запад, и на Восток. В 1498 г. Португалия открыла путь вокруг Африки, ставший основным маршрутом торговли с Азией, и стала продвигаться на восток. Королевство Кастилия и Леон (Испания) активно осваивало путь через Атлантический океан на запад. В 1522 г. была найдена и в результате переговоров и Сарагосского договора была установлена граница между Португалией и Испанией в восточном полушарии.

Флорентийские купцы, финансируемые семьей Медичи и другими связанными с ними флорентийскими семьями, активно поддерживали экспедиции, направленные на поиски кратчайшего пути из Атлантического океана в Азию. Их капитал способствовал организации экспедиций под английским флагом, включая плавание генуэзцев Джона Кабота

в 1497 г. [9] и Себастьяна Кабота в 1504 и 1508 г., а также под французским флагом флорентийца Джованни Верраццано в 1524 г. Вклад капитала флорентийцев также прослеживается в поддержке экспедиций Королевства Кастилии и Леона и Португалии и других христианских государств с разных сторон в период Итальянских войн в Европе, что показывает надгосударственный характер капитала в XVI в.

В XVI в. сформировались ведущие картографические школы. Португальская школа, создавшая секретные карты Падрон Реаль (*Padrão Real*), которые хранились в Доме Индии в Лиссабоне (основан в 1500 г.), была первой по значимости. Второй можно назвать испанскую школу, использовавшую знания португальских картографов, доступные благодаря перешедшему в 1508 г. на службу королевству Кастилия флорентийцу Америго Веспуччи и знаменитым португальским мореходам и картографам. В 1516–1518 гг. её мастера создали свои секретные карты Падрон Реаль (Падрон Джeneral с 1527 г.). Французская школа в Дьеппе, сформированная крупным судовладельцем нормандцем Жаном Анго, развивалась благодаря доступу его капитанов к секретным картам Португалии и Кастилии в результате торговых и пиратствующих операций. В Бристоле в Англии также накапливался мореходный опыт в освоении Нового Света в результате экспедиций итальянцев, португальцев, французов и других иностранцев под английским флагом.

Таким образом, роль в организации флорентийского капитала, поддерживаемого Римскими папами из семьи Медичи и активное участие христианских монархов способствовали быстрому освоению Нового Света и поиску прохода в Азию.

Испанская Флорида, формально простирающаяся от Северного полюса до Флориды, была важным объектом борьбы за освоение открытого разными европейскими странами побережья Америки

и попыток утверждения их статуса «де-факто», противоречащего статусу «де-юре». Экспедиции разных европейских стран – Португалии, Англии, Франции, Испании – тщательно изучали побережье Нового Света в поисках прохода в Азию. Однако северо-восточная часть Испанской Флориды, богатая рыбой (современная Канада), была более освоена Англией, Португалией и Францией, которые пытались основать там поселения с 1499 по 1520 г., а Королевство Кастилия и Леон (Испания) более тщательно и настойчиво пыталось освоить территорию от полуострова Флорида до Мыса Страха (Мыс Фир) и закрепиться там, создав постоянное поселение.

Говоря о теоретической и практической значимости данного исследова-

ния, следует отметить, что в российской исторической науке и на постсоветском пространстве впервые столь подробно и последовательно представлены причинно-следственные связи событий, связанных с освоением Флориды в XVI в. Учитываются разнообразные события, происходившие в разных частях мира, что позволяет увидеть глобальный контекст этого процесса. Практическая значимость работы заключается в возможности её использования для преподавания и изучения Великих географических открытий, истории Северной Америки и стран Карибского бассейна, а также истории европейского права XV–XVI вв.

Дата поступления в редакцию 17.06.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашрафьян К. Э. Гипотеза о неизбежности провала попыток освоения юга полуострова Флорида с 1513 по 1525 гг. // Наука, образование, общество в условиях цифровизации / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза, 2021. С. 143–156.
2. Ашрафьян К. Э. К вопросу о принадлежности земли атлантического побережья Северной Америки «де-юре» с 1494 по 1525 г. и исследованием её «де-факто» Португалией и Англией в конце XIV – начале XV в. // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации / К. Э. Ашрафьян, В. К. Аюпова, А. Б. Бадьянов и др. Пенза, 2023. С. 118–134.
3. Ивонин Ю. Е. Карл V Габсбург // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 46–65.
4. Рустамов А. М. Краткая история эпохи исследований // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 14. С. 17–18.
5. Guy C., Vermette S. The Role of Extreme Cold in the Failure of the San Miguel de Gualdape Colony // The Georgia Historical Quarterly. 2012. Vol. 96. № 3. P. 291–307.
6. Cesar S. G. Història de Catalunya: Des dels orígens fins a l'actualitat. Catalan. Barcelona: OmniaBooks, 2021. 273 p.
7. Hoffman P. E. The Chicora Legend and Franco-Spanish Rivalry in La Florida // The Florida Historical Quarterly. 1984. Vol. 62. № 4. P. 419–438.
8. Hoffman P. E. A New Andalusia and a way to the American Southeast During the sixteenth century. London, 1990. 347 p.
9. Jones E. T. Alwyn Ruddock: John Cabot and the Discovery of America // Historical Research. 2007. № 81. P. 224–254.
10. Milanich, J.T. Florida Indians and the Invasion from Europe. Gainesville: University Press of Florida, 1995. 290 p.
11. Newitt M. D. A history of Portuguese Overseas Expansion, 1400–1688. New York, Routledge, 2005. 324 p.
12. Peck D. T. Lucas Vázquez de Ayllón's Doomed Colony of San Miguel de Gualdape // The Georgia Historical Quarterly. 2001. № 85. P. 183–198.
13. Sainz S. Florida in the 16th century. Coral Gables: Amazon, 2011. 389 p.
14. Worth J. E. Discovering Florida: First-Contact Narratives from Spanish Expeditions along the Lower Gulf Coast. Gainesville: University Press of Florida, 2016. 344 p.
15. Wroth L. C. The voyages of Giovanni da Verrazzano 1524–1528. London: Yale University Press, 1970. 394 p.

REFERENCES

1. Ashrafyan K. E. [Hypothesis on the Inevitability of Failure of Attempts to Develop the South of the Florida Peninsula from 1513 to 1525]. In: Gulyaev G. Yu., ed. *Nauka, obrazovaniye, obshchestvo v usloviyakh tsifrovizatsii* [Science, Education, Society in the Context of Digitalization]. Penza, 2021, pp. 143–156.
2. Ashrafyan K. E. [On the Issue of De Jure Ownership of the Land of the Atlantic Coast of North America from 1494 to 1525 and Its De Facto Exploration by Portugal and England in the Late 14th – Early 15th Centuries]. In: Ashrafyan K. E., Ayupova V. K., Badyanov A. B., et al. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern Science: Current Issues, Achievements, and Innovations]. Penza, 2023, pp. 118–134.
3. Ivonin Yu. E. [Charles V of Habsburg]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2007, no. 10, pp. 46–65.
4. Rustamov A. M. [Brief History of the Research Era]. In: *Issledovaniya Tsentralnyy nauchnyy vestnik* [Central Scientific Bulletin], 2018, vol. 3, no. 14, pp. 17–18.
5. Guy C., Vermette S. The Role of Extreme Cold in the Failure of the San Miguel de Gualdape Colony. In: *The Georgia Historical Quarterly*, 2012, vol. 96, no. 3, pp. 291–307.
6. Cesar S. G. *Histria de Catalunya: Des dels origins fins a l'actualitat*. Catalan. Barcelona, Omniabooks, 2021. 273 p.
7. Hoffman P. E. The Chicora Legend and Franco-Spanish Rivalry in La Florida. In: *The Florida Historical Quarterly*, 1984, vol. 62, no. 4, pp. 419–438.
8. Hoffman P. E. *A New Andalusia and a way to the American Southeast During the sixteenth century*. London, 1990. 347 p.
9. Jones E. T. Alwyn Ruddock: John Cabot and the Discovery of America. In: *Historical Research*, 2007, no. 81, pp. 224–254.
10. Milanich J. T. *Florida Indians and the Invasion from Europe*. Gainesville, University Press of Florida, 1995. 290 p.
11. Newitt M. D. *A history of Portuguese Overseas Expansion, 1400–1688*. New York, Routledge, 2005. 324 p.
12. Peck D. T. Lucas Vásquez de Ayllón's Doomed Colony of San Miguel de Gualdape. In: *The Georgia Historical Quarterly*, 2001, no. 85, pp. 183–198.
13. Sainz S. Florida in the 16th century. Coral Gables, Amazon, 2011. 389 p.
14. Worth J. E. *Discovering Florida: First-Contact Narratives from Spanish Expeditions along the Lower Gulf Coast*. Gainesville, University Press of Florida, 2016. 344 p.
15. Wroth L. C. *The voyages of Giovanni da Verrazzano 1524–1528*. London, Yale University Press, 1970. 394 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ашрафьян Константин Эдуардович – кандидат исторических наук, независимый исследователь;
e-mail: kea6465@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin E. Ashrafyan – Ph.D. of Historical Sciences, Independent researcher;
e-mail: kea6465@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ашрафьян К. Э. Хронология открытия и освоения Флориды в XVI в. Часть 6: Третий этап освоения Флориды (1525–1538 гг.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 127–146.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-127-146

FOR CITATION

Ashrafyan K. E. Chronology of the discovery and development of Florida in the 16th century. Part 6. The 3rd stage of the exploration of Florida (1525–1538). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 3, pp. 127–146.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-127-146

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 929.52

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-147-156

ГЕНЕАЛОГИЯ РОМАНОВЫХ КАК ФЕНОМЕН ЭМИГРАНТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Соколов А. С.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить основные особенности изучения генеалогии Романовых исследователями-эмигрантами в 1930-х – 1980-х гг.

Процедура и методы. Проведён анализ основных эмигрантских работ 1930-х – 1980-х гг. по генеалогии Романовых.

Результаты. Выявлено, что ведущую роль в изучении родословной Романовых изначально играл журнал «Новик». После его упадка данную проблематику стали разрабатывать единичные энтузиасты и деятели монархического движения. Прослежен постепенный упадок эмигрантской литературы с 1950-х до 1980-х гг. Рассмотрена роль Романовых в изучении своего рода в эмиграции. Сделан вывод, что многие эмигрантские работы представляют ценность только как факт историографии, что связано с неточностями и слабой источниковой основой. Такая ситуация детерминировалась сложными условиями жизни в эмиграции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведён первый в отечественной историографии анализ работ по генеалогии Романовых, созданных в период эмиграции.

Ключевые слова: генеалогия, историография, «Новик», поколенная роспись, родословная таблица, Романовы, российская эмиграция

ROMANOV GENEALOGY AS A PHENOMENON OF EMIGRANT HISTORIOGRAPHY

A. Sokolov

Federal State University of Education

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the main features of the study of the genealogy of the Romanovs by researchers in emigration in the 1930s–1980s.

© CC BY Соколов А. С., 2025.

Methodology. An analysis of the main emigrant works of the 1930s–1980s on the genealogy of the Romanovs was conducted.

Results. The analysis showed that the leading role in the study of the Romanov genealogy was initially played by the Novik magazine. After its decline, this issue began to be developed by individual enthusiasts and figures of the monarchist movement. The gradual decline of emigrant literature from the 1950s to the 1980s is traced. The role of the Romanovs in the study of their family in emigration is considered. It is concluded that many emigrant works are valuable only as a fact of historiography, which is associated with inaccuracies and a weak source base. This situation was determined by the difficult conditions of life in emigration.

Research implications. The first analysis of works on the genealogy of the Romanovs written during the period of emigration in Russian historiography is conducted.

Keywords: genealogy, historiography, Novik magazine, generational list, genealogical table, Romanovs, Russian emigration

Введение

Установление в 1917 г. советской власти и эмиграция многих выдающихся учёных разделили генеалогическую историографию на 2 направления: советское и эмигрантское. В СССР родословные исследования считались идеологически чуждыми и находились под негласным запретом [11, с. 55], в то время как в эмигрантской среде цензурных ограничений не существовало [7, с. 5]. Одним из направлений научной работы эмигрантов стали Романовы.

В России начала XX в. генеалогия Романовых активно изучалась [12, с. 149–150], но в советское время данный процесс приостановился. Однако учёные-эмигранты, проживавшие в странах Европы и Америки и имевшие дореволюционный опыт, использовали накопленные знания для возобновления исследований [11, с. 54–55]. Следует отметить, что родословная Романовых не входила в число первостепенных научных интересов генеалогов-эмигрантов, акцентировавших основное внимание на изучении дворянства, а не императорского рода. Но относительно немногочисленные публикации по данной проблеме в полной мере отразили методическую и источниковедческую специфику родословных исследований, проводимых учёными в изгнании.

Генеалогия Романовых в журнале «Новик»

Важную роль в возобновлении изучения Романовых после 1917 г. сыграл генеалогический журнал «Новик», издававшийся ведущим отечественным генеалогом Л. М. Савеловым в 1934–1963 гг. [7, с. 7, 13]. Данное издание стояло у истоков возобновления родословных исследований. Поскольку эмигрантский период ознаменовался переосмыслением методических основ генеалогии и влиянием зарубежного опыта [8, с. 352–354], Романовы окончательно стали восприниматься не как династия, а как обширный род, включавший ветви с разным социальным статусом: династические (имеющие права на престол), морганатические (от неравнородных браков) и от внебрачных союзов. Продолжая изучать династию, эмигранты уделяли внимание «побочным» ветвям.

Следуя общепринятым традициям генеалогии, эмигранты фиксировали родословную информацию с помощью поколенных росписей и родословных таблиц. Например, в номере «Новика» за 1937 г. неуставленный автор опубликовал росписи графов де Торби и светлейших князей Юрьевских – морганатического потомства великого князя Михаила Михайловича и императора Александра II соответственно. Росписи стали, несмотря на лапидарность, одни-

ми из первых работ по данной проблематике. Первая учитывала 3 поколения и 10 персоналий (включая женщин)¹, а вторая – 4 поколения и 5 персоналий². Следует, однако, отметить, что данные публикации являлись позитивистскими и приводили сведения о родстве без анализа, научного обобщения и без принципиально новых сведений.

Поскольку эмигранты не имели доступа к советским архивам, они активно пользовались доступными им материалами, в т. ч. зарубежными изданиями. Их привлечение приводило к интересным наблюдениям. Например, выехавший в 1934 г. из СССР генеалог В.С. Арсеньев [6, с. 290], имевший большой опыт дореволюционной работы и активно сотрудничавший с «Новиком», в 1936 г. обратился к проблеме происхождения Романовых – одного из сложнейших аспектов изучения династии. Анализируя краеведческие работы на немецком языке, он обратил внимание на сходство древней прусской топонимики и ономастики с именем легендарного Гланды Камбилы, от которого, согласно легенде, произошли Романовы. Легенда о его «выезде» на Русь из Пруссии возникла в начале XVIII в. и является вымыслом [1, с. 140; 4, с. 175; 5, с. 75]. Но В.С. Арсеньев использовал топонимические и антропонимические сходства не для подтверждения легенды о прусском происхождении, а для её отрицания (хотя и не явного). Косвенно генеалог намекал, что прусская топонимика и ономастика подсказали создателю легенды, каким должно быть имя родоначальника будущей династии. При этом В.С. Арсеньев подчёркивал, что в самой Пруссии нет никаких легенд или преданий о «выезде» на Русь Гланды Камбилы³. Расширение диапазона источников за

счёт привлечения редкой зарубежной литературы позволило В.С. Арсеньеву по-новому взглянуть на проблему «выезда», до 1917 г. рассматривавшуюся преимущественно на отечественном материале.

Одной из лучших публикаций о Романовых в «Новике» стала обстоятельная поколенная роспись Николаевых – внебрачного потомства великого князя Николая Николаевича Старшего. Её опубликовал в 1950 г. граф Б.Г. Берг. Автором учтено 33 персоналии (3 поколения от сыновей великого князя до правнуков), а также их супруги⁴. К сожалению, в росписи отсутствуют ссылки на источники, однако данный пробел компенсируется высокой информативностью и достоверностью, отличающей данную публикацию от прочих эмигрантских работ о Романовых. Граф Б.Г. Берг указывал подробные данные о служебной деятельности Николаевых, а приводимая им фактология согласуется с обнаруженными нами архивными источниками⁵. Логично предположить, что автор использовал сведения из формулярных списков, полученных, вероятно, от живших во Франции Николаевых. Фактологическая ценность публикации графа превосходит даже относительно подробную роспись Николаевых из справочника Ю.С. Ртищева, изданного в 1947 г.⁶. Роспись графа Б.Г. Берга оказалась востребована научным сообществом: собранные им сведения используются современными генеалогами в публикациях аналогичной тематики⁷.

Роспись графа Б.Г. Берга стала единственным ценным родословием о Романовых на завершающих этапах существования «Новика», переставшего выходить

¹ Графы Меренберг и Торби // Новик. 1937. № 1. С. 22.

² Светлейшие князья Юрьевские // Новик. 1937. № 1. С. 21.

³ Арсеньев В.С. О прусском происхождении Романовых // Новик. 1936. № 2. С. 7–10.

⁴ Берг Б.Г. гр. Николаевы // Новик. 1950. Отд. 2. С. 21–23.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 29. Оп. 3. Д. 311. Л. 72–78; Ф. 400. Оп. 17. Д. 12342 и др.

⁶ Ртищев Ю.С. Батарды. Т. 1. Париж, 1947. С. 51–53.

⁷ Шумков А.А. Николаевы // Дворянский календарь: Справ. родослов. кн. рос. дворянства. Тетр. 20. М.: Старая Басманная, 2023. С. 82, 92.

с 1963 г. на фоне смены поколений в среде эмигрантов и методического упадка публикации.

Романовы в эмиграции – исследователи своей родословной

Говоря об эмигрантской историографии, нельзя обойти стороной труды самих Романовых. Некоторые члены династии обращались к своей родословной и до 1917 г. [12, с. 148–149], но в условиях изгнания эта активность приобрела совершенно иной характер, обусловленный в первую очередь сложными условиями жизни на чужбине, требовавшими максимальной консолидации. Это привело к закономерному возрастанию значения рода [13, с. 12]. Созданные в тот период работы не предназначались для публикации, что, впрочем, не мешает считать их полноценным историографическим источником, поскольку для познания историографии не имеет значения, издавалась работа или нет [10, с. 56, 60].

Осмысление Романовыми своей родословной в эмиграции приводило к ценным наблюдениям. Представители рода стали замечать генеалогические курьёзы, основанные на том, что члены династии приходились друг другу родственниками сразу по нескольким линиям. Эти наблюдения излагались в форме родословных таблиц. Так, князь императорской крови Никита Александрович в письме к князю императорской крови (с 1939 г. великому князю) Гавриилу Константиновичу составил таблицу из 5 поколений, в которой сопоставлялись 2 ветви – потомство Николая I и его старшей сестры великой княжны Елены Павловны. Таблица Никиты Александровича предназначалась для демонстрации Гавриилу Константиновичу того, что оба князя приходятся друг другу дядьями: первый – четвероюродным дядей второго, а второй – троюродным дядей первого. Это наблюдение сопровождалось комментарием Никиты

Александровича: «Из этого видно, что ты дядя, и я дядя!»¹.

Во второй половине 1940-х гг. связи между ветвями некогда единого рода Романовых стали ослабевать ввиду рассредоточения по континентам. Это придало дополнительный стимул наиболее активным Романовым вести учёт текущего состояния рода и изучать предшествующие поколения. Наибольшую активность здесь проявил Гавриил Константинович, понимавший острую необходимость консолидировать род. Вскоре после Второй мировой войны он составил таблицу 5 поколений от Николая I. Датировать текст можно 1948 г., либо несколькими годами позднее (Гавриил Константинович скончался в 1955 г. [13, с. 565]). Поскольку автор зафиксировал брак своего троюродного племянника великого князя Владимира Кирилловича, не исключено, что составление таблицы диктовалось именно этим бракосочетанием. Учитывая, что Гавриил Константинович придерживался легитимистских взглядов и оказывал Владимиру Кирилловичу поддержку как главе Дома Романовых в изгнании [3, с. 34], его таблица учитывает тех представителей рода, кто произошёл от династических браков. Например, дети великого князя Александра Михайловича и князя Иоанна Константиновича указаны как состоящие в морганатических браках, а их супруги и потомство не фиксируются².

Через некоторое время после составления таблицы Гавриил Константинович внёс в неё исправления. Он зафиксировал другими чернилами сведения о неравнородных браках великого князя Павла Александровича и великой княгини Ольги Александровны, заключённых в 1902 и 1916 г.³, соответственно. Изначально Гавриил Константинович указал,

¹ Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ф. 55. Оп. 1. Д. 74. Л. 21.

² Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ф. 55. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–4.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 472. Оп. 41 (229/2846). Д. 4. Л. 4, 7; Ф. 552. Оп. 1. Д. 5. Л. 14–15.

что великий князь Владимир Кириллович состоит в морганатическом браке, но впоследствии эта фраза была зачёркнута, а поверх написано: «в супружестве с кн[язной] Леонидой Георгиевной Багратион-Мухранской, получившей титул великой княгини». Из этого следует, что первоначально Гавриил Константинович выражал сомнения относительно статуса брака Владимира Кирилловича. Но поскольку составитель указывал имена только равнородных супругов, а также ввиду того, что титул напрямую соответствовал положению человека в структуре Дома Романовых, исправления фактически означали признание Гавриилом Константиновичем равнородности брака своего троюродного племянника¹.

Активность Романовых в области учёта и фиксации собственной родословной стала угасать в 1950-х гг. Подобно журналу «Новик» и всей русской эмиграции, Романовы испытали кризис поколений. На смену активным представителям рода, выросшим до 1917 г., пришло молодое поколение. Его представители мало интересовались своими корнями и в большинстве своём не отождествляли себя с русской культурой.

Изучение генеалогии Романовых после Второй мировой войны

Несмотря на значительные трудности (отсутствие доступа к советским архивам, бедственное положение эмигрантов), родословные исследования продолжались генеалогами и после Второй мировой войны. Более того, с учётом накопленного опыта и влияния зарубежной науки эмигрантские публикации по ряду аспектов превзошли дореволюционные. Таковым является труд Ю.С. Ртищева «Батарды», 3 тома которого изданы в Париже в 1947–1948 гг. Автор отмечал, что в основе его работы лежит дореволюционный справочник К. А. Губастова,

расширенный «разными справками из печатаемых исторических генеалогических материалов, а также личных воспоминаний и сведений от других лиц...»². Но если работа К. А. Губастова до 2003 г. не публиковалась³, содержала общие, предельно краткие сведения, то издание Ю. С. Ртищева расширяло как перечень персоналий, так и сведения о них.

Аналогично К. А. Губастову, Ю.С. Ртищев составил росписи (либо отдельные биографии) потомства Романовых от внебрачных союзов: Александровых, Г. М. Брасова, графов Белевских, Семёна Великого, Волынских, Искандеров, Н. М. Июневой, Константиновых (значатся как приёмные дети князя И. А. Голицына), Князевых, М. П. Мусиной-Юрьевой, Николаевых, Нарышкиных (предполагаемых детей Александра I) и др.⁴ Автор не приводит, за редкими исключениями, ссылки на источники, но периодически ссылается на сообщения разных лиц (например, некой «мадам Берtrand», собиравшей для него в 1941 г. генеалогические сведения⁵). К сожалению, информативность работы, значительно превышающая текст К. А. Губастова, не окупает её тематическую бессистемность. Ю. С. Ртищев рассматривал не только доказанных внебрачных детей, но и предполагаемых, а также тех, чьё происхождение бездоказательно и основано на семейных легендах (например, «сын» Петра III А. А. Полянский, «дочь» великого князя Алексея Александровича Ж. Жюст и др.)⁶. По-видимому, автор старался учесть как можно больше сведений, не беря во внимание степень их достоверности. В условиях, когда у исследователей не было доступа к советским архивам и библиотекам, такой подход был оправдан.

² Ртищев Ю. С. Батарды. Т. 1. Париж, 1947. С. 1.

³ См.: Губастов К. А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб., 2003.

⁴ Ртищев Ю. С. Указ. соч. С. 1, 9, 10, 13, 16, 32, 34, 36, 40, 41, 50–53.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ Там же. Л. 71а, 96, 98, 100 и др.

¹ Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ф. 55. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.

Упрочение Советского Союза на международной арене после Второй мировой войны привело многих эмигрантов к осознанию невозможности реставрации дореволюционной России. Угроза утраты эмигрантами национальной идентичности в ходе процесса смены поколений стимулировала публикацию очерков об истории имперской России. В одной из таких работ бывший директор Русских гимназий в Белграде и Мюнхене Б. Н. Сергеевский поместил 4 таблицы Романовых. Они учитывали только династическое потомство: первая показывала, в соответствии с традициями русской генеалогической историографии, родство Романовых с Рюриковичами, вторая – ветви Ивана V и Петра I (последняя доведена до Павла I), третья – потомков Павла I по линии Николая I, четвертая – потомство младших сыновей Николая I¹.

Низкий научный уровень этих таблиц был продиктован непрофессионализмом автора. Таблицы приводились с выборочными, ничем не оправданными сокращениями: например, отсутствуют сведения о княжне Екатерине Иоанновне и о дочерях великих князей Константина Николаевича и Георгия Михайловича, но прочие женщины учтены; аналогично нет данных о великом князе Михаиле Михайловиче. Также автор имел недостаточное представление о современном ему состоянии рода (что можно объяснить условиями эмиграции): у великого князя Петра Николаевича указан никогда не существовавший сын Вадим (по-видимому, автор имел в виду князя Романа Петровича)². Эти неточности отразили упадок родословных исследований в 1950-х гг. Несмотря на явную вторичность, таблицы Б. Н. Сергеевского впоследствии стали восприниматься в качестве некоего образца: в 1980-х гг. таблица потомства Ивана V и Петра I была

воспроизведена в мюнхенском сборнике «Русский зарубежный самиздат»³.

Упадок генеалогической историографии в 1960-х гг. отчасти компенсировался публикациями отдельных подвижников, крупнейшим из которых являлся Н. Ф. Иконников – генеалог с дореволюционным опытом. Его генеалогический справочник «La noblesse de Russie» («Дворянство России»), издававшийся на французском языке, стал знаковым событием в эмигрантской историографии. Автор составил 2 родословия Романовых для второго тома, изданного в 1961 г.: первая – от Андрея Кобылы до Петра II⁴, вторая – от Петра III до середины XX в.⁵ Подобно своему старшему коллеге Н. П. Чулкову⁶, Н. Ф. Иконников отделил потомство Петра III, происходившее от Романовых только по женской линии, от потомства Андрея Кобылы.

В методическом отношении росписи Н. Ф. Иконникова имеют несомненную ценность: автор рассматривал не династию, а именно род, включив в единую роспись династическое и морганатическое потомство (не учитывалось только внебрачное). Тем самым труд Н. Ф. Иконникова стал одним из первых примеров исследования не династии, а рода. Но если методика автора относительно безупречна, то фактология далека от идеала. Автор не имел доступа к архивам, а его преклонный возраст требовал как можно более скорой публикации труда. Проверка всех данных (многочисленных дат, имён, биографических сведений) была для Н. Ф. Иконникова невозможна. Поэтому обе росписи Романовых (в целом небольшие по объёму) насыщены множеством ошибок в датах, именах и нумерации. По нашим подсчётам, в росписи

¹ Сергеевский Б. Н. Прошлое русской земли. Краткий исторический очерк. Нью-Йорк, 1954. С. 49, 85, 119.

² Там же. С. 119.

³ Русский зарубежный самиздат. Тема VII. Без Ленина... Мюнхен, 1984. Л. 4.

⁴ Ikonnikov N. F. Les Romanov // La noblesse de Russie. T. N 2. Paris, 1961. P. 389–403.

⁵ Ibid. P. 406–418.

⁶ Отдел фондов рукописей Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля. Ф. 230. Оп. 1. Д. 77. Л. 78–81 об.; Д. 79. Л. 30–33.

потомства Петра III имеется более 80 неточностей. Кроме того, автор бессистемно использует как старый, так и новый стиль, ввиду чего неясно, по какому календарю приводится та или иная дата.

В росписи потомства Андрея Кобылы присутствуют ошибки в нумерации: сразу 2 человека (Анастасия Никитична и Василий Михайлович) представлены под № 24, но благодаря тому, что Н. Ф. Иконников пропустил № 77, итоговый № 86 совпадает с общим количеством персоналий в росписи; у царевны Наталии Петровны (№ 79) в номере отца вместо № 62 (Петр I) написано № 63 (царевна Наталья Алексеевна)¹ и т. д. Имеются лакуны в учёте персоналий: отсутствуют великие княжны Мария и Елизавета Александровны, князья Константин и Олег Константиновичи, княжна Наталья Константиновна. Допущены ошибки в отношении современных автору представителей рода: в тексте наблюдается путаница отчеств и причисление детей одних Романовых к другим. Дочь князя Андрея Александровича Ксения Андреевна упоминается как дочь его брата князя Никиты Александровича «Ксения Никитична», Александр Никитич указан как «Александр Андреевич» и как сын князя Андрея Александровича, а не князя Никиты Александровича и т. д. Эти ошибки были очевидны и для самого автора, который в томе «U», вышедшем в 1963 г., внёс в роспись потомков Петра III некоторые уточнения.

Как и во многих эмигрантских изданиях росписи Н. Ф. Иконникова, в основном, не имеют ссылок на источники. Изредка автор ссылается на авторитетный генеалогический справочник «Готский альманах», либо на сообщения коллег. Одним из тех, кто сообщал Н. Ф. Иконникову сведения о Романовых, был барон Н. А. Типольт, эмигрировавший в 1923 г. и занимавшийся генеалогией до своей смерти в 1948 г. [9, с. 306]. Анализ фак-

тологии позволяет предположить, что Н. Ф. Иконников мог воспользоваться любительским справочником В. А. Дурасова 1906 г.² Об этом свидетельствует то, что Н. Ф. Иконников, аналогично В. А. Дурасову, сообщает недостоверные сведения о дочерях Николая I, умерших сразу после рождения. Однако фактология Н. Ф. Иконникова имеет отличия от данных В. А. Дурасова: первый указывает 2 дочерей вместо 3, а также приводит иные даты³.

Росписи Романовых Н. Ф. Иконникова сыграли заметную роль в сохранении генеалогической информации и её трансляции будущим исследователям. Но из-за обилия ошибок его использование в научных целях затруднительно, поскольку каждый упомянутый факт нуждается в обязательной проверке.

Эмигрантская генеалогическая историография отразила процессы внутри самого рода Романовых после Второй мировой войны. Сокращение числа лиц, принадлежащих к династии, и увеличение числа Романовых, рождённых в морганатических браках, стало причиной конфликта внутри рода, связанного с вопросом принадлежности к династии. Представители легитимистского движения, признававшие главой Дома Романовых великого князя Владимира Кирилловича, отрицательно отнеслись к претензиям представителей ветвей «Николаевичей» и «Михайловичей» [2, с. 259–260]. Данный конфликт иллюстрирует роспись А. П. Волкова 1969 г., в которой 7 поколений Романовых от Павла I представлены без «побочных» линий⁴. Неравнородные супруги учитывались сугубо для демонстрации пресечения династических ветвей. Такой избирательный подход привёл к тому, что в седьмом поколении представлена только великая

² Дурасов В. А. Родословная книга Всероссийского дворянства. Ч. I. СПб., 1906. С. 3–41.

³ Ibid. P. 408–409.

⁴ Волков А. П. Российский Императорский Дом. Нью-Йорк, 1969. 30 с.

¹ Ikonnikov N. F. Op. cit. P. 401–402.

княжна Мария Владимировна. Примечательно, что дети каждой персоналии приводились не в порядке рождения, а по принадлежности к полу: сначала мужчины по старшинству, потом женщины¹.

Основной текст А. П. Волкова сопровождался таблицей, в которой рассматривались 2 ветви: первая показывала угасшее в мужском колене потомство Александра III, а вторая – потомство его брата великого князя Владимира Александровича². Спустя несколько лет А. П. Волков составил другую сведенную таблицу для сборника обращений великого князя Владимира Кирилловича. В ней показано, что Романовы дважды породнились с королями Великобритании посредством браков великой княжны Марии Александровны с герцогом Альфредом Эдинбургским и их дочери Виктории Мелиты с великим князем Кириллом Владимировичем³. Обе таблицы создавались в легитимистских целях. Первая показывала преемственность угасшей ветви Николая II с ветвью, к которой принадлежал претендент на российский престол великий князь Владимир Кириллович. Вторая таблица показывала тесные связи ветви «Кирилловичей» с Королевским Домом Великобритании.

К 1980-х гг. изучение генеалогии Романовых эмигрантами, в основном, прекратилось. Но начавшийся в конце 1980-х гг. бурный интерес к генеалогии в СССР и ликвидация цензуры позволили интегрировать опыт исследователей-эмигрантов в пространство российской гуманитарной науки, что способствовало преемственности дореволюционной, эмигрантской и постсоветской научной мысли.

Заключение

Эмигрантский период стал специфическим и не имеющим аналогов явлением, как в истории отечественной генеалогии, так и в изучении Романовых. Родословная Романовых исследовалась эмигрантами в научных, любительских и политических целях. Эти направления воспроизводили черты дореволюционной историографии [12, с. 151], но развивались в совершенно иных условиях.

Главным достижением генеалогов стало сохранение и относительное развитие дореволюционного опыта, переосмысленного под влиянием зарубежной традиции. Привлечение для изучения рода Романовых зарубежных изданий укрепило междисциплинарные связи генеалогии с другими специальными историческими дисциплинами. Однако, будучи частью эмигрантской историографии, генеалогия Романовых сильно зависела от общих тенденций. Исследования проводились вне зависимости от доступа к источникам. Не имея возможности работать с основным материалом – архивами – эмигранты задействовали максимум доступных им источников, в т. ч. сомнительного характера. Среди них: данные из литературы, устные источники, сведения от других генеалогов, вывезенные из России отдельные документы. Факт публикации труда преобладал над достоверностью приводимых в нём сведений. Ввиду этого многие работы имеют ценность исключительно как факт историографии, и использовать их для научной работы следует с осторожностью. Кроме того, строго научный интерес к Романовым (как и к генеалогии вообще) проявляли, в основном, исследователи с дореволюционным опытом, и успехи эмигрантской генеалогии сильно зависели от активности данного поколения. Упадок генеалогии после Второй мировой войны во многом стал следствием кончины этих учёных.

Новизна эмигрантских исследований заключалась, в первую очередь, в

¹ Волков А. П. Российский Императорский Дом. Нью-Йорк, 1969. С. 14–15.

² Там же. Вклейка после с. 30.

³ Сборник обращений главы династии великого князя Владимира Кирилловича. Нью-Йорк, 1971. С. 107.

дополнении отдельных биографических сведений, а также в уточнении гипотез о генезисе рода. Поскольку Романовы были одним из самых изученных родов, эмигрантская историография сосредоточилась на учёте лиц, рождённых после 1917 г. Эти же цели преследовали и сами Романовы, составлявшие родословия. На фоне угасания с конца 1940-х гг. научного направления стали возникать любительские публикации, не представляющие научной ценности. По той же причине с 1960-х гг. стало доминировать политическое направление, тесно связанное как с

ситуацией внутри династии, так и со сменой ценностей в эмигрантской среде.

Большинство генеалогов-эмигрантов являлись признанными специалистами, и допущенные ими ошибки вполне объяснимы: учёные пребывали в условиях, не способствующих научным изысканиям. Несмотря на преграды, они делали всё возможное, чтобы продолжать исследования на высоком уровне и транслировать знание о Романовых последующим поколениям.

Дата поступления в редакцию 13.11.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 584 с.
2. Думин С. В. Романовы. Императорский Дом в изгнании: семейная хроника. М.: Захаров, 1998. 368 с.
3. Закатов А. Н. Статус Российского Императорского Дома Романовых в Российской Федерации. СПб.: Типография Михаила Фурсова, 2017. 208 с.
4. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.
5. Кузьмин А. В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 336 с.
6. Наумов О. Н. Дворяне Арсеньевы – сотрудники Библиотеки Государственного Румянцевского музея в постреволюционные годы // Библиотекословение. 2022. Т. 71. № 3. С. 285–294.
7. Наумов О. Н. Журнал «Новик» и русское генеалогическое знание // Русская генеалогия в эмиграции: избранные статьи журнала «Новик» / под ред. О. Н. Наумова. М.: Старая Басманная, 2018. С. 5–28.
8. Наумов О. Н. Зарубежная генеалогия и развитие методики родословных исследований в России в первой половине XX в. // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: тезисы докладов / под ред. В. А. Муравьевой. М.: ИД РГГУ, 1996. С. 352–354.
9. Наумов О. Н. Очерки по русской геральдике: избранные труды. М.: Старая Басманная, 2014. 448 с.
10. Наумов О. Н. Московская генеалогическая школа конца XIX – первой половины XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 402 с.
11. Наумов О. Н. Мятлевы: поколенная роспись. М.: Старая Басманная, 2022. 242 с.
12. Соколов А. С. Генеалогия Дома Романовых после 1761 г. в отечественной историографии XIX – начала XX вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 145–152.
13. Соколов А. С. Романовы: поколенная роспись (1728–2023). М.: Янус-К, 2024. 780 с.

REFERENCES

1. Veselovsky S. B. *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Research on the history of the class of service landowners]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 584 p.
2. Dumin S. V. *Romanovy. Imperatorskiy Dom v izgnanii: semeynaya khronika* [Romanovs. Imperial House in Exile: Family Chronicle]. Moscow, Zakharov Publ., 1998. 368 p.
3. Zakatov A. N. *Status Rossiyskogo Imperatorskogo Doma Romanovykh v Rossiyskoy Federatsii* [Status of the Russian Imperial House of Romanov in the Russian Federation]. St. Petersburg, Tipografiya Mikhaila Fursova Publ., 2017. 208 p.

4. Zimin A. A. *Formirovaniye boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtorom polutora XV – pervoy treti XVI v.* [Formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the 15th – first third of the 16th century]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 350 p.
5. Kuzmin A. V. *Na puti v Moskvu. Ocherki genealogii voyenno-sluzhiloy znati Severo-Vostochnoy Rusi v XIII – seredine XV v. T. 1* [On the way to Moscow. Essays on the genealogy of the military service nobility of North-Eastern Rus' in the 13th – mid-15th centuries. Vol. 1]. Moscow, Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2014. 336 p.
6. Naumov O. N. [The Arsenyev Nobles – Employees of the Library of the State Rumyantsev Museum in the Post-Revolutionary Years]. In: *Bibliotekovedeniye* [Library Science], 2022, vol. 71, no. 3, pp. 285–294.
7. Naumov O. N. [The Novik Magazine and Russian Genealogical Knowledge]. In: Naumov O. N., ed. *Russkaya genealogiya v emigratsii: izbrannyye stat'i zhurnala «Novik»* [Russian Genealogy in Exile: Selected Articles from the Novik Magazine]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2018, pp. 5–28.
8. Naumov O. N. [Foreign Genealogy and the Development of Genealogical Research Methods in Russia in the First Half of the 20th Century]. In: Muravyova V. A., ed. *Istochnikovedeniye i sravnitelnyy metod v gumanitarnom znanii* [Source studies and comparative method in the humanities]. Moscow, ID RSUH Publ., 1996, pp. 352–354.
9. Naumov O. N. *Ocherki po russkoy gerald'ike: izbrannyye trudy* [Essays on Russian heraldry: selected works]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2014. 448 p.
10. Naumov O. N. *Moskovskaya genealogicheskaya shkola kontsa XIX – pervoy poloviny XX v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Moscow genealogical school of the late 19th – first half of the 20th century: Cand. Sci thesis in Historical sciences]. Moscow, 1995. 402 p.
11. Naumov O. N. *Myatlevy: pokolennaya rospis* [Myatlevs: generational list]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2022. 242 p.
12. Sokolov A. S. [Genealogy of the House of Romanov after 1761 in Russian Historiography of the 19th – Early 20th Centuries]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences], 2024, no. 3, pp. 145–152.
13. Sokolov A. S. *Romanovy: pokolennaya rospis (1728–2023)* [Romanovs: Generational List (1728–2023)]. Moscow, Yanus-KPubl., 2024. 780 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколов Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе Российской государственной библиотеки; аспирант кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения; действительный член и секретарь Историко-родословного общества в Москве;
e-mail: al.s.sokolov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander S. Sokolov – Junior Researcher, Center for Research on Problems of Library Development in the Information Society, Russian State Library, Postgraduate student, Department of General History, Federal State University of Education; Full member and secretary, Historical and Genealogical Society in Moscow;
e-mail: al.s.sokolov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соколов А. С. Генеалогия Романовых как феномен эмигрантской историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 147–156.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-147-156

FOR CITATION

Sokolov A. S. Romanov genealogy as a phenomenon of emigrant historiography. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 147–156.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-147-156

УДК: 930.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-157-164

ПОНЯТИЯ «ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ» И «ПАТРИОТИЗМ» В СОВРЕМЕННОМ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА

Манукян Г. В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть нормативно-правовую базу, отражающую понятия «гражданственность» и «патриотизм».

Процедура и методы. Проанализированы документы, составляющие объект исследования: «Конституция Российской Федерации», «Закон об образовании в Российской Федерации», «Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации», Федеральная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» и другие.

Результаты. В современной России существует необходимое правовое поле, отвечающее вызовам нашего времени; таким образом, все условия, в которых должна быть воспитана личность, имеющая гражданственно-патриотическое воспитание, созданы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные данные могут стать основой при составлении программ дисциплин высшей школы (курсы «Основы российской государственности», «История России» и другие). Возможно также использование в учебной и воспитательной работе с обучающимися.

Ключевые слова: воспитание, гражданственность, источниковедение, молодёжь, патриотизм

THE CONCEPTS OF “CITIZENSHIP” AND “PATRIOTISM” IN THE MODERN NORMATIVE-LEGAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOURCE BASE

G. Manukyan

Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy prospect 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

Abstract

Aim. To examine the legal framework that reflects the concepts of «civic consciousness» and «patriotism».

Methodology. The following documents are analyzed that form the object of the study: «The Constitution of the Russian Federation», «The Law on Education in the Russian Federation», «The Concept of Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation», the Federal Program «Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation» and others.

Results. In modern Russia, there is a necessary legal framework that meets the challenges of our time; thus, all the conditions in which a person with civic and patriotic education should be brought up have been created.

Research implications. The data obtained can form the basis for drawing up programs of higher education disciplines (courses «Fundamentals of Russian Statehood», «History of Russia» and others). It is also possible to use them in educational and upbringing work with students.

Keywords: education, civic consciousness, source studies, youth, patriotism

Введение

Российская Федерация в настоящее время претерпевает ряд серьёзных изменений, которые касаются разных областей. В связи с этим пересмотрена политика нашего государства в отношении таких понятий, как «гражданственность» и «патриотизм». Пути реализации различны: от проведения соответствующей работы в учебных заведениях до разработки и реализации проектов, охватывающих необходимые области. Подобные программы привлекательны для современной молодёжи ввиду своей интерактивной и цифровой наполненности [6, с. 295], также они могут быть полезны как начинающая платформа для старшеклассников, желающих поступить в престижные вузы нашей страны.

Государством разработан ряд программ, направленных на решение задач, связанных с правильным воспитанием гражданина и патриота России [7, с. 28]. Основным в данном списке является «Конституция Российской Федерации», регулирующая все отношения, в т. ч. и в интересующей нас области. Главным в области просвещения выступает закон федерального уровня «Об образовании в Российской Федерации», регламентирующий отношения между педагогом и обучающим, а также включающий иные положения относительно обучения.

Актуальными и отвечающими теме нашего исследования являются следующие документы, в которых имеется прямое обращение к предмету изучения и описание самой методики его реализации: Распоряжение Правительства Российской Федерации «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «Концепция патриотического

воспитания граждан Российской Федерации», Федеральная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» и другие.

Стоит отметить высокий уровень разработки и реализации указанных нормативно-правовых актов. В частности, осуществление перечисленных проектов требует больших финансовых затрат, привлечения специалистов из разных областей, разработку путей их реализации, приёмов и методов [3], подходов и способов, грамотного использования инструментария, определения приоритетных направлений и других векторов развития, запуска механизмов реализации и т. д.

Осуществление намеченных целей требует совместной работы органов федерального управления и местных властей, что закреплено Конституцией нашей страны: Вопросы молодёжной политики, как и общие вопросы, касающиеся воспитания, образования, науки, физической культуры, спорта, находятся в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов¹.

В Указе Президента РФ № 809² указано, что стоит за понятием «духовно-нравственные ценности»: это права и свободы, гражданская позиция, чувство патриотизма, нравственные приоритеты, крепкая семья, уважение, историческая память и другое. Важность данного документа также состоит в том, что он «указал цели, задачи и инструменты по их защите государством» [13, с. 39]. Духовно-нравственная компонента ценна тем, что по-

¹ Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юрид. лит., 2009.

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС Консультант Плюс.

зволяет России сохранить собственную идентичность.

Обращение к теме политики, проводимой государством в отношении воспитания у молодёжи чувства гражданственности и патриотизма, требует раскрытия понятия «молодёжь». Обратимся к документу, целью которого является разработка концепции долгосрочного развития политики государства в отношении подрастающего поколения, в котором также перечислены механизмы, способствующие эффективной реализации.

Таким документом является Распоряжение Правительства РФ № 2403-р «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года», которое даёт следующее развернутое определение понятию «молодёжь»: «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определённых нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники)»¹.

Обращают на себя внимание возрастные рамки, в некоторых случаях не установленные чётко, а также закреплённость положения об обязательном проживании на территории Российской Федерации или в зарубежных странах, т. е. при рассмотрении программ и проектов, нацеленных на реализацию молодёжной политики нами учитывается и молодёжь, проживающая не на территории нашей страны, которая также является носителем гражданственности и патриотизма.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 года № 2403-р «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС Консультант Плюс.

Понятие «воспитание»

Основным законом России установлено, что граждане нашей страны вправе сами выбирать, какое воспитание и образование им получить². Обращение к темам нашего исследования требует раскрытия такого понятия, как «воспитание»; оно дано в тексте Федерального закона № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся»: «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российских обществах правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»³.

Таким образом, исходя из данного определения, выделим следующее относительно понятия «воспитания»: создание благоприятной среды с целью выявления и развития творческих способностей; вхождение личности в социум для дальнейшего взаимодействия; служение на благо не только своей семьи и общества в целом, но и своей страны; формирование чувства гражданственности и патриотизма, являющегося причиной служения своему Отечеству. Зафиксировано также понятие «историческая память», которая выражается в сохран-

² Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юрид. лит., 2009.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся».

ности преемственности поколений, памяти культурного наследия и традициях многоконфессиональной России [5].

Понятие «гражданственность»

Привитие чувства гражданственности и патриотизма не должно рассматриваться как понятие, к которому необходимо обращаться с помощью разработки и реализации специальных программ [4]. В Конституции РФ имеется указание на то, что «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации»¹. Таким образом, лицо, являющееся гражданином РФ, в обязательном порядке должно выполнить свой долг перед Отечеством. В данном случае можно говорить о правах и обязанностях граждан нашей страны.

Воспитание гармоничной гражданской личности не должно вестись насаждающим путём, здесь необходима так называемая «мягкая сила», которая часто применима при работе с подрастающим поколением [9]. Получение необходимого результата требует всеобъемлющей работы, затрагивающей разнообразные направления (аспекты):

- правовое – центральное направление, являющееся «отправной точкой» в намеченном направлении; разработка правовой базы для последующей работы в рамках легитимности;

- политическое – представление о действующих партиях, движениях, о политике как внешней, так и внутренней, связанных каузально;

- патриотическое – осознание ответственности к народу своей страны, к своему государству, гордость за историю своей Родины и, как следствие, любовь к своей Отчизне [11];

- мировоззренческое – формирование на основе полученных знаний своего мнения и собственной позиции на вопросы, касающиеся родной страны, а

также умение правильно распоряжаться имеющейся информацией с целью отстаивания своей точки зрения;

- нравственное – имеют места такие качества личности, за нарушение которых не следует официального наказания, однако их соблюдение очень важно для нормализации и поддержания благоприятной ситуации в стране. Нравственность проявляется в ощущении справедливости, в проявлении благородства, в чувстве добра и взаимовыручки, в умении понимать чужое горе, т. е. в сострадании и в другом [8, с. 151];

- эстетическое – понятие прекрасного должно отражаться во всём: в литературе (прочтение произведений, носящих поучительный характер), в музыке, в изобразительном и в других видах искусства, в окружающем нас природном и растительном мире, в простых жизненных ситуациях, в т. ч. и в процессе воспитания;

- историко-культурологическое – сохранение культурной памяти, преумножение её и гордость за неё с целью понимания и сохранности русской культуры и её отличительных черт;

- физическое – основополагающее для перечисленных, т. к. является главным фактором, отсутствие которого делает невозможным осуществление остальных. Это, в первую очередь, физическая нагрузка, т. е. спорт, упражнения, гимнастика (в т. ч. лечебная) и др. Обладание хорошим физическим здоровьем позволяет нам с лёгкостью переносить тяжёлые нагрузки, быстро выполнять работу, осилить большие объёмы работы и т. п. Занятие спортом прямым образом влияет на формирование таких качеств характера, как *воля, выносливость, терпимость и др.*;

- экологическое – важные вопросы окружающей среды, экологии родного края, не заботясь о которых можно столкнуться с серьёзными проблемами².

¹ Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юрид. лит., 2009. Ст. 59.

² Солодова Г. Г., Довгаль Г. С., Климова Н. А. Гражданское развитие личности в воспитательно-образовательном процессе школы: учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. 107 с.

Таким образом, понятие «гражданственность» является сосредоточием как правовой базы, так и нравственно-этической составляющей.

Понятие «патриотизм»

Мы склонны согласиться с В. Э. Багдасаряном, убеждённым, что «ценность Родины проявляется через ориентир патриотизма» [2, с. 19]. Процесс воспитания патриота страны сложен и длителен; для получения желаемого результата его необходимо проводить по разным, смежным направлениям, координирующим разнообразные области и находящимся в отношениях взаимосвязи [14, с. 57]. Подобных плоскостей разнообразное множество: *историческая, образовательная, культурная, научная, военная, спортивная, оздоровительная и др.* [1].

Согласно «Концепции патриотического воспитания...» сферами отражения патриотизма являются мировоззрение, нравственные установки и ценности, императив поведения и др. При рассмотрении данного вопроса в более широком смысле отметим, что в таком случае своеобразным «индикатором» чувства патриотизма являются следующие параметры: позиция личности к своему Отечеству, его истории, культуре, а также к людям, проживающим на территории данной страны, к ценностям, которых они придерживаются и др. [10, с. 133]. В части облигаторных составляющих выделяются: любовь к своей Родине и преданность ей, которые продолжают в чувстве долга перед Отчизной и её защите вплоть до самопожертвования, т. е. приоритета личных интересов над национальными¹.

Реализация «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» осуществляется путём использования следующих принципов, на-

ходящихся в отношениях взаимосвязи и взаимовлияния:

- системно-организованный подход: основан на системности и целенаправленной работе;

- адресность: антропоцентризм как основополагающий признак; учёт личностных характеристик является незаменимой составляющей, которая даёт положительные результаты; под «личностными характеристиками» имеются в виду пол, возраст, сфера интересов и иное;

- активная жизненная позиция: проявляется в инициативности, в выражении собственного мнения, собственной позиции (гражданской и личной), в отсутствии страха придерживаться собственного мнения и доказательно его излагать (в данном случае важна массивная база знаний, а также умение мыслить и формулировать собственную точку зрения на основе имеющихся знаний);

- универсальность: всеобъемлющая работа в области знакомства с историей своей страны, как итог – привитие чувства гордости и патриотизма, т. е. применение комплекса мер, ориентированных на получение конечного результата;

- региональный подход: проведение работы по заданным направлениям на федеральном и региональном уровнях – воспитание гражданина и патриота своей страны; здесь, в первую очередь, имеется в виду так называемая малая Родина, знание её истории, традиций, культурных основ (с данной целью в школьную программу введён предмет «Краеведение»)².

Главной программой, на которую стоит ориентироваться при проведении работы над воспитанием патриотической личности, – «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации»³. В 2020 г. поправки были внесены не только

¹ Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.xn--80ajfgdpew3ad2l.xn--p1ai/doc/Kontseptsiya-patrioticheskogo-vozpitanija-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf> (дата обращения: 21.09.2024).

² Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3GqQqQ> (дата обращения: 03.10.2024).

³ Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации»: [сайт]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 08.10.2024).

в Основной закон РФ, но и в касающийся образования, именно с данными изменениями связана разработка и осуществление этой программы. Год начала её реализации – 2001 г. Каждый проект рассчитан на 3 года. В настоящее время апробацию проходит пятый проект, старт которому был дан 3 года назад, таким образом, завершится он в конце текущего года. Сферой реализации программы выступают учебные заведения общего и профессионального образования. Ведётся активная работа по привлечению школьников в разные проекты, ориентированные на воспитание чувства патриотизма. Мероприятия различной направленности проводятся как на уроках, так и во внеучебное время. Данная программа, реализуемая на федеральном уровне, должна стать своеобразным «пилотным проектом» для введения дальнейших изменений и поправок в «Закон об образовании».

Программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» дала старт целому комплексу программ и проектов, что свидетельствует о всесторонней работе, способной привести к положительному результату. Подобными программами являются: «Я горжусь», «Большая перемена», «Юнармия», «Российское движение школьников» и др. По-

мимо указанных программ проводится работа в заданном направлении путём проведения разнообразных мероприятий: конкурсов, встреч, вечеров, экскурсий; также в разных регионах организуются патриотические движения [12, с. 111].

Стоит отметить, что перечисленные выше программы рассчитаны именно на молодёжную аудиторию: яркий интерфейс, страницы в социальных сетях, интерактивность, наглядность, викторины..., что повышает к ним интерес среди поколения Z.

Заключение

Таким образом, работа по воспитанию чувства гражданственности и патриотизма обширна и сложна. На сегодняшний день законодательство Российской Федерации имеет объёмную правовую базу, в которой отражена работа в намеченном модусе. К данному вопросу должны быть привлечены все структурные подразделения федерального и местного уровней, также работа должна проводиться на местах: в учебных заведениях, кружках, секциях и т. д.; необходим слаженный танDEM института семьи и образовательных организаций.

Дата поступления в редакцию 14.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурин Р. С. Воспитываем патриотов // Физическая культура в школе. 2009. № 2. С. 46–48.
2. Багдасарян В. Э. Традиционные ценности и новое мировоззренческое строительство в России: проблемы и решения // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 8–25.
3. Дорожкин И. Б., Лебедев Г. П. Воспитывать патриотов (о формах и методах патриотического воспитания сотрудников УИС) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 2. С. 7–13.
4. Историко-философский взгляд на облик героя-воина / В. А. Ахмадулин, Э. А. Базилико, В. В. Варава, И. Н. Еденеев, В. Н. Горлов, А. В. Деникин, З. Д. Деникина, А. В. Долгова и др. М.: ООО «Русайнс», 2024. 354 с.
5. Кравченко Т. Л. Воспитывая патриота // Преемственность в образовании. 2023. № 35. С. 51–55.
6. Кропачев Н. М., Архипов В. В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 2. С. 294–306.
7. Кузьменко Н. А. Проект «Патриоты России» // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2012. № 3. С. 28–30.

8. Манукян Г. В. Тема духовности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Общество: философия, история, культура. 2024. № 7. С. 151–155.
9. Манукян Г. В. Роль внеаудиторной работы при изучении курса «История России» (на примере посещения музеев студентами Финансового университета) // Философия. История. Образование. 2023. № 4. С. 101–115.
10. Ореховская Н. А. Патриотические ценности в массовом сознании современной российской молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 3. С. 132–136.
11. Свинцова М. Н. Регулирование влияния фальсификации в информационной среде на сознание молодежи в процессе формирования гражданской позиции. Обзор результатов научно-исследовательской работы // Философия. История. Образование. 2023. № 2. С. 82–88.
12. Умарова О. Н., Шеховцова Н. С., Абдуллаева О. В. Воспитание патриота и гражданина своей родины // Вестник научных конференций. 2016. № 2-3. С. 111–112.
13. Усов А. И. Формирование облика судебной экспертизы на примере международного проекта «Восток–Запад: партнерство в судебной экспертизе» // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МФЮА). 2024. № 3. С. 34–44.
14. Чирикин В. А., Некрасова М. А. Возрастание роли духовно-нравственных ценностей для современной российской государственности // Правовая политики и правовая жизнь. 2018. № 3. С. 55–59.

REFERENCES

1. Akchurin R. S. [Educating Patriots]. In: *Fizicheskaya kultura v shkole* [Physical Education at School], 2009, no. 2, pp. 46–48.
2. Baghdasaryan V. E. [Traditional Values and New Worldview Construction in Russia: Problems and Solutions]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences], 2024, no. 1, pp. 8–25.
3. Dorozhkin I. B., Lebedev G. P. [Educating Patriots (on the Forms and Methods of Patriotic Education of Penal System Employees)]. In: *Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye* [Penal System: Law, Economics, Management], 2011, no. 2, pp. 7–13.
4. Akhmadulin V. A., Basiliko E. A., Varava V. V., Edeneev I. N., Gorlov V. N., Denikin A. V., Denikina Z. D., Dolgova A. V., et al. *Istoriko-filosofskiy vzglyad na oblik geroya-voyna* [Historical and philosophical view on the image of a warrior hero]. Moscow, OOO Rusains Publ., 2024. 354 p.
5. Kravchenko T. L. [Raising a patriot]. In: *Preyemstvennost v obrazovanii* [Continuity in education], 2023, no. 35, pp. 51–55.
6. Kropachev N. M., Arkhipov V. V. [Traditional spiritual and moral values in the context of the digital transformation of society: theoretical and legal aspects]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg University. Law], 2023, no. 2, pp. 294–306.
7. Kuzmenko N. A. [Project "Patriots of Russia"]. In: *Munitsipal'noye obrazovaniye: innovatsii i eksperiment* [Municipal education: innovations and experiment], 2012, no. 3, pp. 28–30.
8. Manukyan G. V. [The theme of spirituality in the novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: philosophy, history, culture], 2024, no. 7, pp. 151–155.
9. Manukyan G. V. [The role of extracurricular work in studying the course "History of Russia" (on the example of visiting museums by students of the Financial University)]. In: *Filosofiya. Istoriya. Obrazovaniye* [Philosophy. History. Education], 2023, no. 4, pp. 101–115.
10. Orekhovskaya N. A. [Patriotic values in the mass consciousness of modern Russian youth]. In: *Etnotsotsium i mezhnatsionalnaya kultura* [Ethnosociety and interethnic culture], 2013, no. 3, pp. 132–136.
11. Svintsova M. N. [Regulation of the influence of falsification in the information environment on the consciousness of young people in the process of forming a civic position. Review of the results of research work]. In: *Filosofiya. Istoriya. Obrazovaniye* [Philosophy. History. Education], 2023, no. 2, pp. 82–88.
12. Umyarova O. N., Shekhovtsova N. S., Abdullaeva O. V. [Education of a patriot and citizen of his homeland]. In: *Vestnik nauchnykh konferentsiy* [Bulletin of scientific conferences. 2016, no. 2-3, pp. 111–112.

13. Usov A. I. [Formation of the image of forensic examination on the example of the international project "East-West: partnership in forensic examination"]. In: *Vestnik Universiteta im. O. Ye. Kutafina (MFYUA)* [Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MFUA)], 2024, no. 3, pp. 34–44.
14. Chirikin V. A., Nekrasova M. A. [The Growing Role of Spiritual and Moral Values for Modern Russian Statehood]. In: *Pravovaya politika i pravovaya zhizn* [Legal Policy and Legal Life], 2018, no. 3, pp. 55–59.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манукян Гретта Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: 05112002@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gretta V. Manukyan – Cand. Sci. (Philology), Senior lecturer, Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: 05112002@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Манукян Г. В. Понятия «гражданственность» и «патриотизм» в современном нормативно-правовом пространстве Российской Федерации: источниковедческая база // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 157–164.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-157-164

FOR CITATION

Manukyan G. V. The concepts of «citizenship» and «patriotism» in the modern normative-legal space of the Russian Federation: source base. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 157–164.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-157-164

УДК 323.174

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-165-177

НАСЛЕДИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Марышев П. Е.

Независимый исследователь

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление тенденций развития исторической политики в Республике Татарстан. Оценка места и роли наследия Волжской Булгарии в актуальном дискурсе. Анализ республиканского исторического нарратива на предмет соответствия федеральным стратегиям.

Процедура и методы. Проведён глубокий анализ общественно-политической мысли Республики Татарстан (РТ) в период с начала 1990-х гг. Важное место в работе отведено оценке нормативно-правовой базы РТ, регуливающей историческую политику и политику памяти. Для артикуляции роли и места булгарского культурного наследия в общественно-политическом дискурсе современного Татарстана используется исторический метод. В частности, проведено исследование топонимики, геральдики и традиций Республики Татарстан на предмет «булгарского следа» в культурно-бытовом контуре.

Результаты. Анализ риторики ключевых политических фигур республики показал высокий уровень лояльности существующих политических – тождественных этническим – элит федеральному центру, который проявляется, в т. ч. через положительную оценку роли булгарских предков для татарского народа. Тем самым руководство республики демонстрирует стремление культивировать центристские политические силы в регионе. Анализ топонимики, геральдики и этнических праздников РТ позволил выявить тенденцию на укрепление Булгарского (умеренного с т. з. федеративного строя) исторического нарратива в противовес «золотоордынскому» (империалистическому). Нормативно-правовые документы республиканского уровня, регламентирующие историческую политику, приведены в полное соответствие с федеральными программно-целевыми и доктринальными документами. Политическим элитам Татарстана удалось достичь гармонии между республиканским историческим нарративом и позицией федерального центра за счёт укрепления позиций Волжской Булгарии как предка современного Татарстана в общественно-политическом дискурсе.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформирован комплексный подход к оценке республиканского общественно-политического дискурса на предмет соответствия позиции местной политической элиты установкам федерального центра. Научная новизна работы заключается в определении вектора общественно-политической мысли РТ в части истории и анализа процесса трансформации исторического нарратива вслед за изменением баланса политических сил на федеральном уровне.

Ключевые слова: Волжская Булгария, идентитарные процессы, исторический нарратив, историческая политика, национальный нарратив, политика памяти, татарский народ

THE LEGACY OF VOLGA BULGARIA AS A KEY ELEMENT OF MODERN HISTORICAL POLICY IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

P. Maryshev

*An Independent researcher
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Aim. Identification of trends in the development of historical policy in the Republic of Tatarstan. Assessment of the place and role of the heritage of Volga Bulgaria in the current discourse. Analysis of the republican historical narrative for compliance with federal stratagems.

Methodology. A deep analysis of the socio-political thought of the Republic of Tatarstan (RT) in the period from the early 1990s to the present day is conducted. An important place in the work is given to the assessment of the regulatory framework of the RT, regulating historical policy and the policy of memory. The historical method is used to articulate the role and place of the Bulgar cultural heritage in the socio-political discourse of modern Tatarstan. In particular, a study of the toponymy, heraldry and traditions of the Republic of Tatarstan was conducted on the subject of the "Bulgar trace" in the cultural and everyday contour.

Results. An analysis of the rhetoric of key political figures in the republic showed a high level of loyalty of the existing political - identical to ethnic - elites to the federal center, which is manifested, among other things, through a positive assessment of the role of the Bulgar ancestors for the Tatar people. Thus, the leadership of the republic demonstrates a desire to cultivate centripetal political forces in the region. The analysis of toponymy, heraldry and ethnic holidays of the Republic of Tatarstan allowed us to identify a tendency to strengthen the Bulgar (moderate from the point of view of the federal system) historical narrative as opposed to the "Golden Horde" (imperialist). The normative and legal documents of the republican level governing historical policy have been brought into full compliance with the federal program-target and doctrinal documents. The political elites of Tatarstan managed to achieve harmony between the republican historical narrative and the position of the federal center by strengthening the position of Volga Bulgaria as the ancestor of modern Tatarstan in the socio-political discourse.

Research implications. A comprehensive approach has been formed to assessing the republican socio-political discourse for compliance of the position of the local political elite with the guidelines of the federal center. The scientific novelty of the work lies in defining the vector of socio-political thought of the Republic of Tatarstan in terms of history and analyzing the process of transformation of the historical narrative following the change in the balance of political forces at the federal level..

Keywords: Volga Bulgaria, identity processes, historical narrative, historical politics, national narrative, politics of memory, Tatar people

Введение

90-е гг. прошлого века характеризуются высоким интересом региональных политических элит к управлению исторической повесткой. В Республике Татарстан вокруг исторических процессов образовалось 2 лагеря: сторонники «татаро-монгольского» и «булгарского» под-

ходов к интерпретации исторического пути татарского народа. Использование наследия Волжской Булгарии в качестве основания для формирования единого социокультурного полотна позволило гармонизировать позиции местных и федеральных политических элит и избежать политической турбулентности.

Историческая политика в Республике Татарстан: история и актуальное состояние

Начало 90-х гг. XX в. для Российского государства характеризуется, в первую очередь, значительным повышением потенциала «нарративизации» регионов. Наиболее ярко тенденция по созданию собственного, отдельного от общероссийского, исторического нарратива проявилась в национальных республиках, входящих в состав Российской Федерации. Осознание общности исторического пути, единство трактовки общественностью событий, фигур и процессов, имевших место в истории субъекта федерации, понимание своей особенности населением является важнейшим условием единства общества. Именно политика в области истории стала одним из главных инструментов управления идентичностью в руках региональных политических элит.

После распада Советского Союза, повлёкшего за собой кризис власти и значительное увеличение аппетита регионов в отношении суверенитета, поддержание легитимности принимаемых на уровне республик политических решений требовало серьёзного идеологического обоснования.

Историография социокультурного развития постсоветского Татарстана формировалась в течение второй половины 1980-х – 2000-х гг., испытав на себе влияние перестройки и гласности, широкой демократизации общества, а также повышенного внимания к национальному вопросу [1].

Республика Татарстан, являясь регионом с ярко выраженной титульной этнической группой и богатыми политическими традициями, стала примером ответственного отношения к вопросам создания и адаптации национального нарратива, системы восприятия и интерпретации исторических событий. Политические элиты региона, будучи в извест-

ной степени унитарным сообществом, начиная с 1990-х гг. активно приступили к созданию «новой истории» Республики Татарстан, которая должна была стать одним из главных гарантов легитимности принимаемых региональной властью решений.

Национальные элиты РТ традиционно принимают самое активное участие в процессе формирования и развития местного политического сообщества, в частности, в направлении исторической политики. Дискуссии, посвящённые вопросам историографии татарского народа, существовали ещё в середине XIX в., когда татарское научное сообщество уже активно формировало единое культурно-историческое поле¹. Учитывая многонациональный состав республики, значительное количество этнических русских, башкир, чувашей и удмуртов, проживающих на её территории, можно рассматривать политику в области истории как с точки зрения «национальных кланов», так и с точки зрения «татаризации» социокультурного процесса. Второй феномен характеризуется стремлением заинтересованных групп создать все условия, необходимые для позитивной дискриминации всего «татарского» в ущерб ценностям, установкам и интересам других народов, проживающих на территории Республики.

«Татаризацию» можно рассматривать в 3 направлениях: снизу, сверху, комбинаторно. Вопрос «татаризации сверху» связан, в первую очередь, с политикой региональных властей в области образования и культуры: чем более «татарские» ценности прививают населению в ущерб общероссийским, тем большее отторжение последние получают в общественном сознании. Таким образом, люди, активно формировавшие свои политические, культурные и этические позиции во

¹ Измайлов И. Л. Историческое прошлое как фактор национальной мобилизации // Тюрко-татарский мир: [сайт]. URL: <http://www.tataroved.ru/publication/metod/2/> (дата обращения: 17.10.2023).

времена нахождения у власти М. Шаймиева, как показывает практика, крайне негативно относятся к общероссийским ценностям, рассматривают федеральный центр в качестве правопреемников «завоевателей», которые насильственным путём присоединили татарский народ. Главной причиной такой агрессивной позиции является, кроме всего прочего, тот факт, что эта группа населения училась по учебникам, составленным татарскими педагогами, которые видели идею национал-сепаратизма здоровым продолжением дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Мировоззрение, транслировавшееся учебными пособиями того времени, подразумевало наличие перманентной «освободительной войны с русскими оккупантами», что не могло не оставить глубокий след в общественном сознании. Борьба за суверенитет – вот главная идея, вокруг которой выстраивается «татаризация сверху». Ярким примером такого процесса является национальный кинематограф РТ: визуализация исторических образов в рамках кинематографа стала важным компонентом современной политики памяти в тюркских республиках России [5]. Или активное продвижение «татарских» культурно-исторических ценностей через социальные сети лидера республики: тема региональных и национальных героев и известных людей часто появляется на официальных страницах президента РТ в социальных сетях [6]

«Татаризация снизу» – процесс создания условий для «насаждения» ценностей и установок, характерных для татарской этнической группы, представителям других народов, проживающих на территории республики самим населением. Главная особенность данного варианта заключается в неформальности инструментов, используемых для навязывания конкретных поведенческих и когнитивных установок. Бытовые коммуникации, межгрупповые и внутригрупповые взаимодействия в данном случае выступают

площадкой для реализации идентитарных амбиций населения.

«Комбинаторный» вариант – наиболее близкий к реальности – подразумевает единовременную «татаризацию» как со стороны институтов официальной власти, так и усилиями населения.

Формирование логически выверенной, доступной и понятной широким слоям населения национальной истории является одним из ключевых инструментов политики в области управления идентичностью. Это касается, в том числе, и татарского народа, исторический путь которого долгое время проходил за пределами российского государства. Для создания национального нарратива и соответствующего исторического базиса политическими элитами Татарстана используются Институт истории Академии наук Татарстана, Казанский федеральный университет и другие научные и учебные заведения (в т. ч. татарские национальные гимназии), Министерство образования и науки РТ, издательства, музеи и т. д. Кроме того, ключевыми каналами трансляции идеологических дискурсов (включая исторические) в массовое сознание населения республики являются СМИ (газеты, телевидение), учебные курсы по истории в средней и высшей школах, публичные места, музейные экспозиции и архитектура.

Ключевым элементом системы исторической политики для современных элитарных групп РТ является средневековое государство Волжская Булгария. Именно вокруг неё происходит формирование национального нарратива, создание исторической подоплёки для регионального политического сообщества, укрепление общности населения Республики и определение её позиции по отношению к общероссийскому социокультурному полю, его ключевым установкам и векторам развития региональных воображаемых сообществ в качестве составных элементов федерального.

Демаркационная линия в академической и элитарной средах прошла между

двумя направлениями исторической мысли: с одной стороны, современный Татарстан рассматривается как полноправный наследник Волжской Булгарии, с другой – как продукт длительных социокультурных процессов внутри Золотой Орды.

Важно отметить, в контексте данного исследования, отсутствие у татарских идеологов сколь-либо значимого течения, рассматривающего российский период истории РТ в качестве ключевого в вопросе становления и развития татарской культуры, искусства, политической и религиозной системы, языка и прочих элементов системы идентификационных атрибутов, присущих представителям не только титульного этноса, но и всех без исключения жителей региона. Данная дискуссия, разгоревшаяся на раннем этапе становления современной РТ, легла в основу определения идентичности татар, и, следовательно, в значительной мере повлияла на процесс целеполагания и имплементации политики в области идентитарных процессов.

История РТ, будучи объектом самого пристального внимания со стороны политических элит, должна была, с одной стороны, подчеркнуть «самость» татарского народа, показать длительный исторический путь, обосновать политические амбиции политических элит, претензии на автономность и суверенитет; с другой стороны, она не должна стать причиной осложнения взаимоотношений с федеральным центром, эскалировать процесс уменьшения аппаратного веса республиканских политических элит в процессе принятия политических решений федерального уровня, снизить уровень взаимного доверия между федеральными и республиканскими элитами, что в общем негативно отразится на динамике развития региона и властным потенциале политических фигур РТ.

Сторонники «ордынского» подхода к истории Татарстана делали акцент на важности периода Золотой Орды для станов-

ления современной культурной и языковой среды РТ, отмечали исключительную ценность достигнутых золотоордынскими и половецкими социально-экономических и политических высот. Их идеологические противники – представители «булгарского» подхода к татарской истории, наоборот, рассматривали Волжскую Булгарию как прямого предшественника современной РТ. Следовательно, булгары в данной концепции рассматриваются как непосредственные предки татар, а все достижения булгарского государства идеализируются. Некоторые представители данного течения даже предлагали отказаться от этнонима «татары» в пользу названия «булгары», что не было принято ни широкой общественностью, ни официальными властями.

Результатом дискуссии между представителями различных подходов к трактовке истории Республики Татарстан стал комбинированный подход, который гармонично сочетает в себе элементы как «булгарского» происхождения, так и «золотордынской» природы. Оба периода в истории РТ – «золотоордынский» и «булгарский» – были органично интегрированы в национальный нарратив и официальную позицию регулятора и научного сообщества. История республики сегодня неразрывно связана с наследием обоих государственных образований. Хотя, следует резонно отметить, советский и российский периоды также нашли своё отражение в исторической политике РТ, но не являются в большинстве случаев объектом пристального внимания со стороны широкой общественности в силу недостаточного интереса республиканских властей к идее «русификации» истории Татарстана.

Ключевой фигурой политической элиты Республики Татарстан, символом её суверенитета был и остаётся Минтимер Шаймиев – выходец из деревни, в своё время прошедший ступени советской партийной номенклатурной лестницы вплоть до Первого секретаря Татарского

Обкома КПСС [9]. Тем важнее его позиция по вопросам исторической политики. Шаймиев, после ухода с поста главы РТ, выступил в качестве создателя и идейного вдохновителя фонда «Возрождение», одной из основных целей которого являлось восстановление г. Болгара.

Наиболее яркими результатами работы Фонда стало включение Болгарского историко-археологического комплекса и Успенского собора Свияжска в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО [8]. «Болгаро-свияжский» проект представляет собой новейший опыт конструирования основанных на образах исторической памяти региональной и этнорелигиозной идентичностей, а также ассоциируемых с ними сакральных мест [9].

Шаймиев однозначно определил политический курс текущих элит Татарстана на отказ от следования татаро-монгольскому канону в исторической плоскости, направил работу компетентных органов на возвышение наследия Волжской Булгарии, продвижения её имиджа как источника культурного, экономического и политического благосостояния нынешнего Татарстана. Изменился и подход к изучению истории Татарстана в учебных заведениях республики: если раньше Волжская Булгария рассматривалась как поработённое в результате татаро-монгольского нашествия государство, не имевшее на момент вхождения в Золотую Орду значительных достижений экономического, технологического и социокультурного плана, то с середины 1990-х гг. благодаря усилиям политических элит во главе с первым президентом РТ широкое распространение получил миф о булгарской цивилизации.

Таким образом, через изменение подхода к интерпретации места и роли событий, явлений и целых государств в истории Татарстана политические элиты республики смогли создать надёжную историческую базу для дальнейшего конструирования регионального политического сообщества, нуждающегося

в прозрачном, заслуживающем доверия и почитания объекте памяти – государстве-предшественнике. В случае с Волжской Булгарией была предпринята попытка сформировать целую цивилизацию-предшественника, на базе достижений которой продолжается активное социокультурное развитие татарского народа. К примеру, научный руководитель Института истории имени Шигабутдина Марджани Р. Хакимов в одном из своих интервью отмечает: «На самом деле Волжская Булгария была очень большим государством. Захватывала территорию Венгрии, частично Польши... Волжская Булгария была чем-то вроде федерации»¹. Несмотря на серьёзную поддержку «золотоордынского» подхода к истории, под давлением таких авторитетных фигур, как Шаймиев и его окружение, сторонники татаро-монгольской доминанты были вынуждены отойти на второй план, уступив место сторонникам «булгаризации» истории РТ.

«Булгаризация» историко-культурного пространства РТ сегодня проходит широким фронтом через множество каналов: публичные высказывания и интервью политических лидеров республики, учебники и образовательные программы, музеи и памятники, информационные сайты и порталы, публикации в СМИ, культуру и национальную музыку [10].

Важно понимать, каким образом преподаётся история татарского народа в школах Татарстана, ведь именно на уровне образовательных учреждений формируется основной блок представлений о корневых составляющих «мы-общества». Как уже было сказано выше, в нулевые годы в силу трансформации отношений местных политических элит с федеральными властями и снижения

¹ В непохожести – наша сила. Рафаиль Хакимов о прошлом и будущем татар // Аргументы и факты. Казань: [сайт]. URL: https://kazan.aif.ru/society/persona/v_nepohozhesti_nasha_sila_rafail_hakimov_o_proshlom_i_budushchem_tatar (дата обращения: 18.10.2022).

открытых претензий Татарстана на избыточный с т. з. федерального формата суверенитет появилась потребность в изменении подхода к интерпретации исторических событий, лежащих в основе национального нарратива РТ. Соответственно, «булгаризация», которая стала наиболее широко тиражируемой на всех уровнях власти идеей, затронула в т. ч. и систему образовательных учреждений, в частности, учебные пособия по истории республики.

Согласно текущей модели интерпретации истории Татарстана на территории республики столкнулись 2 ключевых этнических потока: гунно-тюркский и тюркско-татарский. Первое образование стало источником государственности Волжской Булгарии, второе – объединило многочисленные тюркские племена в однородный тюркско-татарский народ. Также необходимо отметить тот факт, что «Волжская Булгария в национальной истории, создаваемой татарскими элитами, преподносится как первое собственное государство булгар (и соответственно современных татар) на территории Среднего Поволжья. Таким образом, закрепляется историческое право татарского народа на территорию современного Татарстана» [2]. Одной из ключевых идеологем национальной истории, создаваемой элитами Татарстана, является идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е гг. государственности [4]. Здесь параллель указывает на интенцию в сторону суверенизации.

Таким образом, Волжская Булгария занимает важнейшее место в системе национального татарского нарратива. Положительный имидж средневекового государства булгар активно используется республиканскими политическими элитами в целях насаждения положительных когнитивных и поведенческих паттернов, однозначной системы ценностей, определённых установок у населения в контексте символического размежевания «свой-чужой» не только по отношению

к внутреннему социокультурному полю, но и на общероссийском уровне. Именно переход от «золотоордынского» к «булгарскому» подходу позволили республиканским политическим элитам сохранить гармоничные отношения с федеральным центром в области исторической политики, оставаясь при этом главным и функциональным актором республиканской исторической политики. Такое положение вещей увеличивает властный потенциал существующих органов республиканской администрации и позволяет поддерживать надлежащий уровень легитимности принимаемых решений и лояльности как со стороны вышестоящего уровня власти, так и со стороны населения.

«Булгарский» подход к выстраиванию политики истории в РТ не является для населения достаточно крепким основанием для осознания единого «татарского» социокультурного пространства. Об этом говорят результаты исследования Н. И. Карбаиновым [3]. Согласно проведённому им среди населения Татарстана опросу «булгарский» нарратив не имеет серьёзного социокультурного и мировоззренческого значения. В основе этого лежат 3 тезиса:

1. Волжская Булгария находится на исторической шкале достаточно далеко от нашей эпохи, что значительно снижает её ценностный потенциал;

2. бесполезность информации, тиражируемой через различные коммуникационные каналы политическими элитами о «булгарском» периоде истории, в повседневной жизни, отсутствие утилитарной составляющей;

3. культурная память, главным ретранслятором которой является «бытовая» устная коммуникация между поколениями, без надлежащей поддержки со стороны внешних акторов теряет большинство «реликтовых» фактов, ценностей и установок, заложенных на ранних этапах становления существующей культурной доминанты.

Опираясь на результаты исследования, можно с уверенностью утверждать, что относительно недавние исторические события общероссийского масштаба имеют значительно большее значение как в эмоциональном, так и в мировоззренческом плане для современного населения РТ.

Важным достижением республиканских политических элит можно считать снижение потенциала татаро-монгольской культурной доминанты в исторической памяти народа Татарстана: на начало 1990-х гг. влияние «золотоордынского» нарратива на национальный миф татарского народа и, соответственно, на население РТ, носило доминирующий характер, что соответствовало политической конъюнктуре того времени. В дальнейшем система взаимоотношений региональной и федеральной политических элит претерпела значительные изменения: федеральная вертикаль власти укрепилась, любые попытки дополнительной суверенизации пресекались на корню, снизился аппаратный вес местных властей в процессе принятия политических решений не только на федеральном, но и на республиканском уровне, что повлекло за собой смещение вектора исторической политики. Очевидно «имперские замашки», транслируемые «золотоордынским» нарративом, являлись низкоэффективным инструментом приспособления исторической политики Татарстана в условиях внешнего административного давления, следовательно, «булгарский» подход к формированию исторической памяти населения вышел на первый план, чему способствовало в т. ч. стремление местных историков и политических деятелей возвысить Волжскую Булгарию, придать ей статус государства-цивилизации с высоким уровнем социокультурного и политического развития.

Важным с точки зрения данного исследования является также и тезис о том, что татарская политическая элита, обладая всей полнотой поддержки на-

селения, в своём стремлении создать существенную оппозицию федеральному центру в области исторической политики через конструирование автономного национального нарратива (через «булгаризацию» истории) не достигла значительных успехов. Транслируемые федеральными властями через инструменты СМИ, интернета, программно-целевых документов, выступлений инфлюенсеров и политиков общероссийские социокультурные ценности, установки, национальные мифы и нарратив, опирающиеся на общность исторического пути, обладают незыблемым авторитетом в глазах населения. Историческая идеология современной России, во многом опирающаяся на наследие Великой Отечественной войны, покрывает всю территорию Российской Федерации и способствует унификации культурного поля через подавление местных, отличных от общенационального, нарративов. Татарские политические элиты, с одной стороны, подавили «золотоордынский» ценностный кластер, что привело к купированию политических рисков в отношениях с федеральным центром; с другой стороны, не имеют возможностей сколь-либо эффективно противодействовать идеологической работе федеральных властей. Такая ситуация обязует политические элиты Татарстана продолжать транслировать «булгарские» ценности, чтобы сохранить «самость» и потенцию к опоре на собственный национальный нарратив, не забывая при этом о необходимости поддержки общероссийского курса исторической политики – таково требование нынешней политической системы.

Депроблематизация – это часть комплексной стратегии, в которой акцентируется роль Волжской Булгарии в развенчании мифов и стереотипов [10]. «Булгарский подход» также нацелен и на «очищение» татарского народа от негативного ярлыка завоевателей и врагов Киевской Руси. Такой образ долгие годы навязывался русской литературой. Та-

тарские интеллектуалы как один из вариантов борьбы с негативным образом РТ в глазах российского населения видели продвижение идеи «булгарского» культурного наследия как основы культуры современного Татарстана [7]. Кроме того, активное развитие идеи «булгарского» происхождения татарского народа связана также со стремлением местных политических элит отвести внимание общественности от периода завоевания Казани Иваном Грозным, который поднимает вопрос конфликта между предками основных этнических групп (русских и татар). Булгарское же наследие не сопровождается конфликтной составляющей [11].

Если в 1990-е гг. Волжская Булгария в качестве государства-предшественника современного Татарстана выступала в качестве источника суверенитета, то сегодня – инструментом для продвижения «бренда» республики, признания особого статуса региона в качестве столицы исламской культуры в России, получения бюджетных преференций, преимуществ в сфере туризма и межкультурных взаимодействиях [11].

Волжская Булгария для республиканских властей, в силу осложнения её эксплуатации в целях обособления татарского культурного поля от общероссийской социокультурной системы, стала инструментом развития туристического потенциала региона.

Наследие Волжской Булгарии является культурообразующим элементом РТ ещё и по причине того, что именно средневековое государство-предшественник Республики Татарстан приняло в 922 г. ислам, а мусульманство, однозначно, является ключевой духовной скрепой РТ, важным элементом системы ценностей татарского народа. Одной из идеологем, вошедших в риторику «булгароцентристов», стал Татарстан как центр российского ислама. Мусульманская религия традиционно в республике оценивается исключительно позитивно, в то время как

роль других религиозных течений подвергается критической оценке. Например, такое понятие как «насильственная христианизация» часто всплывает в публичном дискурсе [3]. Всплеск интереса к «булгарским» историческим корням в РТ пришёлся на 2022 г., который, по инициативе Духовного Управления Мусульман стал годом 1110-летия принятия ислама Волжской Булгарией¹. В рамках праздничных мероприятий были реализованы следующие проекты: издание Куръана «Казан басма», онлайн-медресе на русском языке, рукописный Мусхаф Куръана, электронная библиотека «Даруль-кутуб», документально-художественный фильм «Ибн Фадлан». Также важно отметить создание нового героя-символа РТ, носящего в себе черты булгарских предков. Туганбатыр – это новый герой сказок и художественное воплощение образа татарского воина, который планируется использовать для создания мультфильмов, фильмов, других форм искусства, целью которых является укрепления единства народа РТ, создание условий для развития общности исторической памяти, ценностей и поведенческих установок, бытующих в региональном политическом сообществе².

Стоит отметить тот факт, что данный проект получил всероссийский статус благодаря усилиям М. Шаймиева и Р. Минниханова. Празднование 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией³ проходило на государственном

¹ Президиум ДУМ РТ объявил 2022 год Годом 1100-летия принятия Ислама // Всемирный конгресс татар: [сайт]. URL: <https://tatar-congress.org/ru/blog/prezidium-dum-rt-obyavil-2022-god-godom-1100-letiya-prinyatiya-islama/> (дата обращения: 18.10.2023).

² Образ Туганбатыра представлен на мусульманском форуме в Татарстане // Аргументы и факты. Казань: [сайт]. URL: https://kazan.aif.ru/culture/details/obraz_tuganbatyra_predstavlen_na_musulmanskom_forume_v_tatarstane (дата обращения: 18.10.2023).

³ 1100-летие принятия ислама как арена для битвы смыслов // БИЗНЕСОНЛАЙН: [сайт]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/blog/536885> (дата обращения: 18.10.2023).

уровне РФ, соответствующие мероприятия были проведены и в столице. Глава Республики Татарстан принял участие в ряде мероприятий, посвящённых празднованию знаменательного для всего татарского народа события. Р. Минниханов сердечно поздравил земляков с праздником и отметил, что в самом сердце возрождённого Древнего Болгара воздвигнута великолепная Ак Мечеть и открыта Болгарская исламская академия¹.

Наследие волжских булгар также прослеживается и в бытовых моментах: на всех уровнях власти и коммуникации продвигается идея «булгарского» происхождения таких традиционных для татарского народа блюд как кыстыбый, эчпочмак, губадия, балмай².

Обращаясь к топонимике РТ, нельзя не отметить тот факт, что в случае с Казанью легко определить наименования географических объектов как соответствующих полиэтническому составу республики. Если же мы рассмотрим другие крупные города региона, то здесь широко представлены названия, корнями находящиеся глубоко в истории республики, в частности – в периоде Волжской Булгарии. В Альметьевске существует улица булгарского поэта Кул Гали (имя поэта также увековечено в названиях улиц в Казани и Заинске³). В Елабуге одна из улиц носит имя прославленного исследователя татарского этноса Ш. Марджани, который первым погрузился в работу над исто-

рией Волжской Булгарии и происхождения татар⁴. А в семейных отношениях современные татары также во многом руководствуются наследием Волжской Булгарии: правилами и устоями, царившими в семейном укладе жителей средневекового булгарского народа⁵.

Главный символ Республики Татарстан – снежный барс, который изображен на гербе региона – также является наследием Волжской Булгарии. Считается, что именно барс был символом одной из основных этнических групп, населявших территорию средневекового государства булгар – племени барсиллов. В контексте борьбы подходов к исторической политике РТ, разгоревшейся в начале 90-х годов, важно отметить, что среди вариантов, рассматриваемых политической элитой в качестве символа Республики Татарстан, были и варианты, относящиеся к ханскому периоду: башня Сююмбике и дракон Зилант. Также среди вариантов рассматривались голова волка (символ другого племени) и полумесяц (символ ислама)⁶. Здесь можно отметить одну из наиболее заметных побед «ордынского» течения. В противовес барсу, изображенному на гербе РТ, герб Казани содержит изображение Зиланта – дракона из татаро-монгольской мифологии. Обсуждение этого геральдического символа проходило в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ и Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Он был согласован в т. ч. и в

¹ Рустам Минниханов поздравил татарстанцев с Днем принятия ислама Булгарией // Аргументы и факты. Казань: [сайт]. URL: https://kazan.aif.ru/politic/person/rustam_minnihanov_pozdravil_tatarstancsev_s_dnem_prinyatiya_islama_bulgariey (дата обращения: 18.10.2023).

² Мало овощей, много мучного. Как питались предки татар // Аргументы и факты. Казань: [сайт]. URL: https://kazan.aif.ru/society/details/malo_ovoshchey_mnogo_muchnogo_kak_pitalis_predki_tatar (дата обращения: 18.10.2023).

³ Боролись, побеждали, пели о счастье! Чьи имена носят улицы Альметьевска // Аргументы и факты. Казань: [сайт]. URL: https://kazan.aif.ru/society/details/borolis_pobezhdali_peli_o_schaste_chi_imena_nosyat_ulicy_almetevska (дата обращения: 18.10.2023).

⁴ Помогали, спасали, воевали. О ком рассказывают улицы Елабуги // Аргументы и факты. Казань: [сайт]. URL: https://kazan.aif.ru/society/details/pomogali_spasali_voevali_o_kom_rasskazyvayut_ulicy_elabugi (дата обращения: 18.10.2023).

⁵ Молочные отцы и жена по наследству. Каким был семейный кодекс татар // Аргументы и факты. Казань: [сайт]. URL: https://kazan.aif.ru/society/details/dedskiy_sad_i_fiktivnoe_pridano_e_istorik_o_domostroe_predkov_tatar (дата обращения: 18.10.2023).

⁶ Почему символом Татарстана является снежный барс? // Аргументы и факты. Казань: [сайт]. URL: https://kazan.aif.ru/dontknows/pochemu_simvolom_tatarstana_yavlyayetsya_snezhnyy_bars (дата обращения: 18.10.2023).

Геральдическом совете при президенте РТ, и в Государственном геральдическом совете при президенте РФ [12].

Заключение

Таким образом, современное состояние политики истории в Республике Татарстан обуславливается 3 ключевыми трендами: во-первых, нивелирование татаро-монгольского воздействия на национальный татарский исторический нарратив и систему мифов; во-вторых, продвижение позитивного образа «булгарской цивилизации» как прямого предка современного Татарстана; в-третьих, стремление республиканских политических элит купировать потенциальные риски во взаимоотношениях с федеральным центром на почве расхождения местной исторической политики с общероссийским вектором развития и укрепления исторического нарратива.

Вслед за значительным укреплением вертикали федеральной власти и снижением аппаратного веса татарских политических и этнических элит снизилась и степень автономии властей Татарстана в области определения фарватера исторической политики региона: с одной стороны, он ограничен позицией федерального центра, не признающей каких-либо имперских (сепаратистских) элементов в национальном нарративе Республики; с другой – необходимостью сохранения

и культивации относительно обособленного политического сообщества, которое может выступать не только в качестве источника обеспечения легитимности принимаемых политическими элитами решений, но и в качестве мобилизационного инструмента, в т. ч. в случае конфликта с федеральными властями.

Первые лица РТ – Минниханов и Шаймиев – будучи ключевыми инфлюенсерами успешно справляются с сохранением исторической политики региона в гармонии, но следует отметить, федеральная идеология унифицированного национального исторического нарратива является доминирующей на всей территории республики, что не даёт политическим элитам РТ в полной мере реализовать свои амбиции в области управления исторической политикой. Это, в свою очередь, поддерживает систему взаимоотношений республиканских и федеральных элит в состоянии скрытого конфликта по идеологическим, историческим вопросам. В последние годы татарстанские власти в значительной мере повысили демонстрацию лояльности политике федерального центра, взамен получив признание ряда важных с точки зрения «булгаризации» истории Татарстана инициатив общероссийскими, достойными самого пристального внимания.

Дата поступления в редакцию 03.05.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушуев А. С., Шафигуллина Л. Р. Социокультурное развитие постсоветского Татарстана в зеркале историографии // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. №5-1. С. 213–219.
2. Карбаинов Н. И. Образы истории Волжской Булгарии в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления // Власть и элиты. 2019. № 2. С. 107–128.
3. Карбаинов Н. И. Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 2. С. 45–67.
4. Карбаинов Н. И. Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления // Власть и элиты / под ред. А. В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2018. С. 211–232.
5. Кирчанов М. В. Визуальные формы политики памяти в тюркских республиках России в 2010 – начале 2020-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. № 22. Вып. 4. С. 477–483.
6. Михалева А. В. Этнический ресурс в конструировании региональной идентичности президентом Республики Татарстан в социальных сетях // Вестник Кемеровского государственного

- университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7. № 4. С. 425–434.
7. Мусин Д. А. Этнокультурная политика в Республике Татарстан: скрытый этноцентризм в условиях декларируемого мультикультурализма // *ARS ADMINISTRANDI*. 2011. № 4. С. 71–88.
 8. Мухаметзянова А. Р. Этапы трансформации политики сохранения наследия в татарстане в постсоветские годы // *Вестник экономики, права и социологии*. 2021. № 2. С. 104–107.
 9. Овчинников А. В. «Возрождение» Болгара и Свияжска - новейший опыт конструирования исторической памяти // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2017. № 4. С. 192–201.
 10. Озерова К. А. Образ Волжской Булгарии и социальная память: стратегии политики памяти в региональном контексте // *Историческая этнология*. 2017. Т. 2. № 2. С. 258–272.
 11. Озерова К. А. Наследие Волжской Булгарии и региональная идентичность: политика памяти и «изобретение» традиций // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. № 2-2. С. 127–132.
 12. Шарафутдинов Д., Хайрутдинов Р. Геральдические символы Татарстана // *Эхо веков*. 2012. № 1-2. С. 3–6.

REFERENCES

1. Bushuev A. S., Shafigullina L. R. [Sociocultural Development of Post-Soviet Tatarstan in the Mirror of Historiography]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 5-1, pp. 213–219.
2. Karbainov N. I. [Images of the History of Volga Bulgaria in Post-Soviet Tatarstan: Elite Version and Mass Representations]. In: *Vlast i elity* [Power and Elites], 2019, no. 2, pp. 107–128.
3. Karbainov N. I. [Images of the History of the "Turkic Civilization" in Post-Soviet Tatarstan: Elite Versions and Mass Representations]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2018, no. 2, pp. 45–67.
4. Karbainov N. I. [The Ideologem of 1552 in Post-Soviet Tatarstan: the Elite Version and Mass Representations]. In: Duka A. V., ed. *Vlast i elity* [Power and Elites]. St. Petersburg, Intersotsis Publ., 2018, pp. 211–232.
5. Kirchanov M. V. [Visual Forms of Memory Politics in the Turkic Republics of Russia in 2010 – Early 2020s]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye ot-nosheniya* [Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: History. International Relations], 2022, no. 22, iss. 4, pp. 477–483.
6. Mikhaleva A. V. [Ethnic Resource in the Construction of Regional Identity by the President of the Republic of Tatarstan in Social Networks]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskiye, sotsiologicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences], 2022, vol. 7, no. 4, pp. 425–434.
7. Musin D. A. [Ethnocultural Policy in the Republic of Tatarstan: Hidden Ethnocentrism in the Context of Declared Multiculturalism]. In: *ARS ADMINISTRANDI*, 2011, no. 4, pp. 71–88.
8. Mukhametzyanova A. R. [Stages of Transformation of Heritage Preservation Policy in Tatarstan in the Post-Soviet Years]. In: *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2021, no. 2, pp. 104–107.
9. Ovchinnikov A. V. [“Revival” of Bolgar and Sviyazhsk - the Latest Experience in Constructing Historical Memory]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of Perm University. Series: History], 2017, no. 4, pp. 192–201.
10. Ozerova K. A. [The Image of Volga Bulgaria and Social Memory: Strategies of Memory Politics in the Regional Context]. In: *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology], 2017, vol. 2, no. 2, pp. 258–272.
11. Ozerova K. A. [The Legacy of Volga Bulgaria and Regional Identity: Memory Politics and the “Invention” of Traditions]. In: *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and Social-Educational Thought], 2018, no. 2-2, pp. 127–132.
12. Sharafutdinov D., Khairutdinov R. [Heraldic Symbols of Tatarstan]. In: *Ekho vekov* [Echo of the Centuries], 2012, no. 1-2, pp. 3–6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марышев Павел Евгеньевич – независимый исследователь, преподаватель-исследователь, ООО «Энергия Плюс»;
e-mail: ggwp21@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel E. Maryshev – Independent Researcher, Research teacher, Energia Plus LLC;
e-mail: ggwp21@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Марышев П. Е. Наследие Волжской Булгарии как ключевой элемент современной исторической политики в Республике Татарстан // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 165–177.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-165-177

FOR CITATION

Maryshev P. E. The legacy of Volga Bulgaria as a key element of modern historical policy in the Republic of Tatarstan. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 165–177.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-165-177

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-178-183

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

СПИЦЫН Е. Ю. ЛОЖЬ И ПРАВДА О СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ.

СОВЕТСКАЯ ДЕРЖАВА В 1945–1985 ГГ. М.: КОНЦЕПТУАЛ, 2024. 816 С.

Багдасарян В. Э.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

BOOK REVIEW:

SPITSYN E. Y. LIES AND TRUTH ABOUT THE SOVIET ECONOMY.

SOVIET STATE IN 1945–1985. M.: CONCEPTUAL, 2024. 816 P.

V. Bagdasaryan

Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Созданные в либеральный период стереотипы в отношении СССР по-прежнему формируют деформированную картину видения прошлого. Ориентация на эти стереотипы приводит к ложной рецептуре в отношении современной политики. Реальный опыт восстановления суверенитета российской государственности в остром конфликте с коллективным Западом приводит к переосмыслению многих институций советской системы как функциональных, способных выдерживать максимальные нагрузки и решать сложнейшие задачи¹. Но восстановить эти институции оказывается не так-то просто. Приходит понимание разрушительных последствий антисоветского дискурса в истории.

Среди важнейших компонент антисоветизма особое место занимает критика советской модели экономики. Советская экономическая система была определена как исключительно неэффективная, а на фоне мирового опыта – аномальная. Аномальность её и неэффективность виделась либеральными критиками в отступлении от законов рынка, считающихся незыблемыми и фундаментальными². Положение о неэффективности советской экономики вступало в явные противоречия с фактами советских экономических прорывов. Очевидность несоответствия историографических стереотипов историческим реалиям, про-

¹ Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 328 с.

² Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.; Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73–84.

являемым не только через статистику, которую могут уличить в фальсификациях, а в банальной фиксации построенных в советское время заводов и возведённых городов, обусловило проведение либеральной корректировки. Суть этой корректировки состояла в признании советских экономических прорывов с той оговоркой, что они могли быть осуществлены в индустриальную эпоху, тогда как в постиндустриальном мире плановая экономика была будто бы уже не функциональна. Соответствующее видение сохраняет свои незыблемые позиции в учебной исторической литературе и в настоящее время¹.

По-прежнему через искажённое в оптике либеральной экономической теории истории СССР расставляются стратегические ловушки, такие как, например, концепт постиндустриального общества, критический анализ которого упорно игнорируется². А между тем в Соединённых Штатах Америки команда Д. Трампа разрабатывает программу реиндустриализации. И очевидно, что новый технологический прорыв будет осуществлён не по лекалам либерального рынка. С большой степенью вероятности возникнет запрос на советский опыт экономического развития, в частности, уникальный опыт Госплана СССР³. В этом отношении скорейшее устранение либеральных бастионов во взглядах на советскую историю имеет стратегическое значение для будущего России. Монография Е. Ю. Спицына системно решает эту задачу в применении к экономической истории СССР.

Экономическая история предполагает оперирование материалами статистики. Опора на статистику позволяет автору книги убедительно показать, что советская модель экономики была не просто эффективной, наиболее эффективной из всех национальных экономических систем. Послевоенное восстановление осуществлялось в СССР быстрее, чем во всех пострадавших от войны стран мира. Темпы роста экономики были выше, чем в ФРГ и Японии, чье развитие характеризуется, соответственно, как немецкое экономическое чудо. При Н. С. Хрущёве они, в сравнении со сталинским периодом, замедлились, но даже потрясения хрущёвского волюнтаризма не лишили СССР позиции самой динамично развивающейся экономики мира. Даже в позднесоветский период, когда стали проявляться очевидные кризисные процессы, Советский Союз экономически развивался быстрее своего главного конкурента – США. И только уже в перестроечный период, когда система была существенным образом изменена, Соединённые Штаты выходят в этой условной гонке темпов роста вперёд (с. 24, 363).

Из приведённых материалов может быть сделан вывод прямо противоположный тому, который делают либеральные историки⁴ – об огромных потенциалах советской системы экономики. В своём классическом виде, сформированном к концу сталинского периода истории, её возможности были колоссальны. Последующее замедление темпов роста и кризисные процессы были связаны не с недостатками модели, а отступлениями от неё⁵. Привнесение иносистемных компонент, как это имело место, например, в результате косыгинских реформ, созда-

¹ История России: учебник для студентов неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Наука, 2024. С. 390, 396.

² Постиндустриализм. Опыт критического анализа / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, С. Г. Кара-Мурза, М. В. Деева, Ю. А. Сафонова. М.: Научный эксперт, 2012. 288 с.

³ Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Наше Завтра, 2021. 360 с.

⁴ Баев Е. В. Развитие системы управления советской экономикой в послевоенный период (1945–1953 гг.): дис. канд. ист. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. 200 с.; Хлевнюк О. В., Горлицкий И. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. 232 с.

⁵ Багдасарян В. Э. Сталинизм: цивилизационное осмысление. М.: Концептуал, 2024. 224 с.

вало внутренние противоречия. Конвергенция не усиливала социалистическую модель экономики, а ослабляла её. Перестройка оценивается в книге как разрушение системы социализма, причём не только по факту, но и по замыслу (план Ю. В. Андропова, план А. И. Яковлева) (с. 748–754, 766–767).

Миф о советском тоталитаризме включает утверждение об идейном единомыслии на всех уровнях государственной вертикали. Вопреки этим представлениям в книге показана непрекращающаяся дискуссия в рассматриваемый исторический период 1945–1991 гг. о системе социалистической экономики. Советский Союз был первым в мире социалистическим государством, а соответственно, не имел шаблонов развития. Не было ответов об экономике социализма и в политэкономии К. Маркса, сосредоточившемся в своём анализе на товарно-денежных отношениях при капитализме. Дискуссия возникла по принципиальному вопросу о том, сохраняются ли при социализме товарно-денежные отношения. Этот вопрос преломлялся соответственно и в проблему о том, извлекается ли при социалистическом производстве прибыль. Решение проблемы прибыли при социализме не имело сугубо академического характера. Ориентация на прибыль означала ориентир на денежные эквиваленты успешности, отрицание прибыли – на производство товаров (с. 9–15, 213, 589–609).

Е. Ю. Спицын классифицировал дискутирующие стороны как группы «товарников» и «планомерников». Одна сторона стояла за усиление рыночной компоненты, вторая – модернизацию государственного планирования. Товарники выступали за переориентацию на отрасли экономики группы «Б» – потребительского сектора, планомерники исходили из положения о фундаментальном значении производства средств производства – группы «А» (с. 589).

Дискуссия началась ещё при Сталине и шла с переменным успехом вплоть до перестройки, когда рыночники не взяли окончательный верх. Е. Ю. Спицын впервые реконструировал детали этой борьбы. Интерес представляет, в частности, его оценка проекта академика В. М. Глушкова, приобретшего сегодня популярность как нереализованная альтернатива технологической модернизации Госплана (модель «кибернетического коммунизма»)¹. Е. Ю. Спицын показывает, что идея технологически модернизировать Госплан не сводилась к Глушкову и имела значительную поддержку в верхах (с. 609).

Книга Е. Ю. Спицына крайне полезна в качестве комплексной работы по критике мифов экономической истории СССР. Автор показывает несоответствие показателям экономической динамики СССР утверждение ряда либеральных историков о пробуксовке развития экономики и даже кризисе последние годы сталинского периода. Для либералов было важно провести мысль, что Сталин оставил после себя не перспективную, а проблемную экономику, что и определило необходимость последующих реформ. Спицын доказывает, что всё было с точностью до наоборот. Наиболее проблемными были первые послевоенные годы, тогда как на начало 1950-х гг. советская экономика набрала максимальные обороты (с. 16–17, 23–28).

Развенчиваются также либеральные мифы об определяющем характере в сталинской экономике фактором ГУЛАГа и германских репараций. Долевое значение обоих факторов, как показано в книге, было второстепенным. Основы сталинской экономики были иными (с. 78–91).

Вслед за В. Ю. Катасонов Спицыным показана роль Московского междуна-

¹ Майдельман О. Тот, кто придумал советский интернет и цифровые деньги [Электронный ресурс]. URL: <https://nationmagazine.ru/people/tot-kto-pri-dumal-sovetskiy-internet-i-tsifrovye-dengi/> (дата обращения: 12.10.2024).

родного экономического совещания как проекта выстраивания советскоцентричной мировой экономики, перехват первенства у США в глобальной экономике¹ (с. 100–104). Среди разоблачаемых в книге мифов антисоветских ещё один либеральный стереотип – о сталинском погроме кибернетики. Е. Ю. Спицын показывает, что ничего подобного не только не было, а имела место приоритетная поддержка новых направлений обработки «больших данных» (с. 132–140). Весь «погром» оказался сведён к нескольким статьям, изданным уже после смерти Сталина. Критическое отношение было не к кибернетике как нового метода работы с информацией, а увлечения кибернетиков, в частности, основоположника кибернетической науки Нормана Винера идеями технологического переконструирования человека². Сегодня эти идеи определяются понятием «трансгуманизм», угрозы которого вполне очевидны. В этом отношении советская критика кибернетики на стадии её возникновения была оправданна и, к сожалению, не продолжена в последующее время³.

Исследования Е. Ю. Спицына дали наиболее полную картину деструктивной роли Н. С. Хрущёва в отечественной истории, после которых уже, как кажется, невозможно оценивать его даже как фигуру двойственную. Историк продолжает критическую линию, данную ранее в книге с ёмким названием «Хрущёвская слякоть»⁴. Слякоть – другая характеристика состояния «оттепели» примени-

тельно к хрущёвскому периоду оказалась с позиции приводимых фактов наиболее точной метафорой, отражающей период ликвидации мобилизационной модели управления. Е. Ю. Спицын осуществляет разбор широкого перечня хрущёвских деяний, определяемых автором как разгром сталинской модели экономики. К такого рода хрущёвским деяниям относится ликвидация машинно-тракторных станций (МТС) как одной из самых удачных находок в сталинской аграрной политике (с. 455–463). МТС позволяли концентрировать технический потенциал советской власти для использования его на селе, позволяли проводить соответствующее плановое обновление. МТС, что немаловажно, были связаны также с соответствующими социальными инфраструктурами, являвшиеся основой курса сближения качества жизни города и деревни. Через МТС государство могло с успехом воздействовать на колхозы, и этот механизм в результате хрущёвской реформы был утрачен.

Для характеристики хрущёвских реформ на селе Е. Ю. Спицыным используются понятия «новая коллективизация» и «второе раскулачивание». Представления либералов – будто бы Хрущёв дал свободы, которых не было при Сталине, в применении к аграрной сфере – совершенно не подтверждаются. Всё было с точностью до наоборот. При Хрущёве было начато новое наступление на приусадебные участки, ликвидируются артели, происходит укрупнение коллективных хозяйств с ликвидацией малых деревень, многие колхозы преобразуются в совхозы (с. 463–469).

Ещё один разоблачаемый в книге стереотип заключается в утверждении о блокировании советскими консерваторами реформы Косыгина-Либермана. Эта реформа могла бы, согласно распространённому представлению, реализовать в СССР то, что впоследствии удалось в КНР Дэн Сяопину. В книге Е. Ю. Спицына показано, что успехи VIII пятилетки,

¹ Катасонов В. Ю. Бреттон-Вудс: ключевое событие новейшей финансовой истории. М.: Кислород, 2014. 352 с.; Катасонов В. Ю., Платонов О. А. Экономика Сталина. М.: Кислород, 2014. 416 с.

² Wiener N. *he Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society*. Boston: Houghton Mifflin, 1954. P. 49–50.

³ О'Гиблин М. Бог, человек, животное, машина. Поиски смысла в расколдованном мире. Individuum, 2024. 336 с.; Четверикова О. Н. Диктатура «просвещённых»: Дух и цели трансгуманизма. М.: Геннадий Маркелов, 2018. 160 с.

⁴ Спицын Е. Ю. *Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953–1964*. М.: Концептуал, 2019. 608 с.

характеризуемой активным внедрением хозрасчёта, были сильно преувеличены и являются, в сущности, статистическим мифом. Ещё более важным стало опровержение позиции: будто бы косыгинская реформа была свёрнута партноменклатурой под влиянием событий Пражской весны. Е. Ю. Спицын показывает, что события в Чехословакии существенным образом на экономический курс СССР не повлияли и не могли повлиять. Разочарование в реформах были связаны с порождёнными ими проблемах – разгоне инфляции, проедании через рост заработной платы имеющихся ресурсов (с. 608, 647–648, 663).

Впрочем, как показано в книге, косыгинские реформы не были исключительно ограничены периодом VIII пятилетки, имея соответствующую пролонгацию в 1970-е гг. Собственно, реформы никто и не отменял. Выделялось, по меньшей мере, 3 реформационные волны, связанные с фигурой А. Н. Косыгина. Последняя из попыток косыгинского реформирования датируется 1979 г., традиционно относимого ко времени «глубокого застоя». Е. Ю. Спицын справедливо отмечает фактически полное игнорирование её в историографии (с. 685). Такое историографическое умолчание может быть объяснимо противоречием факта продолжающихся попыток реформ с навязываемым представлением о застойности и неререформируемости советской системы. В целом образ А. Н. Косыгина как несостоявшегося советского Дэн Сяопина несколько меркнет на фоне приводимых фактов, становится более заурядным (с. 701). Формирование же вокруг косыгинского зятя Д. М. Гвишиани группы будущих реформаторов-западников и вовсе задаёт отличный от традиционного ракурса интерпретации значения фигуры советского премьера (с. 753–754).

Вкладом Е. Ю. Спицына в анализ последнего периода истории советской эко-

номики, времени её демонтажа, является реконструкция происходящих процессов как целевого замысла. Демонтаж советской системы экономики начал подготавливаться сообразно с «андроповским планом». Ю. В. Андропов, судя по всему, не считал, что в СССР построено социалистическое общество. В соответствии с этим пониманием, вероятно, и затевались реформы, связанные с логикой конвергенции и системой многоукладности, т. е. сочетания элементов социализма и капитализма. Фактически это означало переход на капиталистические рельсы. Для осуществления соответствующего перехода формируются перспективные кадры, подготовка которых осуществлялась, в частности, через стажировки за рубеж (с. 748–756).

Вопреки распространённому мнению, краткий период руководства КПСС К. У. Черненко не являлся отказом от реформаторского замысла. Напротив, как показано в книге, черненковский период был важной логической связкой между андроповским и горбачёвским. Е. Ю. Спицын называет его «эмбрионным периодом перестройки» (с. 756).

Важное значение в раскрытии целевых замыслов перестройки Е. Ю. Спицын отводит идеям А. И. Яковлева, которыми он окормлял М. С. Горбачёва. Приводятся письма «прораба перестройки» к генеральному секретарю, из которых следует наличие цели отказа от социализма как человеконенавистнической системы и марксизма как неадекватного реалиям мирового развития учения. Горбачёв, получивший соответствующие ревизионистские послания ещё в 1986 г., не только не изгнал Яковлева из партии, но и не отдал его от себя. Всё это даёт основание предполагать, что Горбачёв во многом разделял яковлевские идеи. Итог – ликвидация социализма оказывалась, таким образом, не результатом выхода

ситуации из-под контроля, а программируемым исходом (с. 759–767).

Книга Е. Ю. Спицына ценна не только как историческое исследование, но и в качестве системной историографии истории советской экономики. Оценки и интерпретации дифференцируются по

позициям, оказывающимися сопряжены с различными идеологическими подходами. И, по-видимому, эпоха либеральной идеологической доминанты во взгляде на историю СССР закончилась.

Дата поступления в редакцию 24.12.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Рецензия на книгу: Спицын Е. Ю. Ложь и правда о советской экономике. Советская держава в 1945–1985 гг. М.: Концептуал, 2024. 816 с. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 178–183.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-178-183

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E. Book review: Spitsyn E. Y. Lies and truth about the soviet economy. Soviet state in 1945–1985. Moscow, Konzept Publ., 2024. 816 p. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 1, pp. 178–183.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-178-183

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025. № 1

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,25, уч.-изд. л. 9.

Подписано в печать: 26.03.2025 г. Дата выхода в свет: 28.03.2025 г. Заказ № 2025/03-06.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А